

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
– обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской академии наук»

На правах рукописи

Джиошвили Эльвира Александровна

**ПОМОРЫ КАРЕЛИИ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В
ЛОКАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ И ПРАКТИКАХ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)**

Специальность 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.и.н. Винокурова Ирина Юрьевна

Петрозаводск
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Попытка этнической мобилизации: поморское движение и его влияние на территории Карелии	49
§ 1. Краткая история образования поморских поселений в Карелии	49
§ 2. Возникновение поморского движения в Архангельской области	57
§ 3. Борьба за обретение статуса КМН	67
§ 4. Поморские съезды.....	74
Глава 2. Маркеры и механизмы складывания поморской идентичности в Карелии	87
§ 1. Маркеры поморской идентичности.....	88
§ 2. Механизмы конструирования поморской идентичности	128
Глава 3. Репрезентация поморской культуры и идентичности в деятельности культурных учреждений и общественных организаций	148
§1. Музеи и этнокультурные центры	150
§2. Библиотеки.....	188
§3. Творческие коллективы	195
Глава 4. Отражение регионального поморского дискурса в СМИ.....	216
§1. Региональные СМИ.....	216
§2. Районные СМИ.....	229
§3. Официальные сайты и группы районных администраций	235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	247
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	258
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	300
ПРИЛОЖЕНИЯ	301

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение проблем, связанных с темой идентичности локальных сообществ, продолжает оставаться одной из актуальных задач современной этнологии. В условиях социально-политических изменений и глобализации происходит трансформация этнических и культурных границ, что требует анализа процессов этнической мобилизации и адаптации сообществ к современным реалиям.

Рубеж XX-XXI вв. характеризуется значительными переменами в политической и социально-экономической жизни России. Как отмечают исследователи, в переломные эпохи «прежняя этническая иерархия рушится, а ослабление позиций доминантных групп позволяет миноритарным сообществам, прежде всего этническим, добиваться изменения своего статуса, получать различные преференции в сфере культуры, доступа к ресурсам и власти»¹. Этническая мобилизация в конце 1980-х – 1990-х гг. выражалась не только в возросшем интересе к локальной истории, традиционной культуре, родному языку, но иногда и в политических требованиях о государственных гарантиях для сохранения и развития культурной специфики этнических групп. В большинстве случаев идейным вдохновителем и организатором политических и общественных движений, выступающих от имени этнической общности, была региональная интеллигенция.

Одним из таких примеров является актуализация поморской идентичности. Этноним *поморы* закрепился за населением, проживающим по берегам Белого моря. Довольно сложно определить степень бытования и содержание этого понятия касательно начального периода освоения беломорских берегов, отраженного в письменных источниках с XII в. В них термины *поморец* и *поморские волости* фиксировались с середины XVI в. в

¹ Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М., 2012. С. 635.

отношении населения западного побережья Белого моря². Формирование локальных сообществ поморов исследователи относят к XVI - началу XVII вв.; тогда же в документах фигурировали *стороны* – сложившиеся территориально-хозяйственные округа, обособляемые в качестве административных единиц: *Русская, Карельская, Терская, Онежская*. Позднее закрепилось деление всей линии беломорского побережья на ряд *берегов*: Терский, Кандалакшский, Карельский, Поморский, Онежский, Летний и Зимний.

Выделяя поморов в качестве особой группы севернорусского населения, ученые и путешественники-исследователи в первую очередь обращали внимание на их систему хозяйства, которая в силу географических и природно-климатических особенностей местности была ориентирована на морской рыболовный и зверобойный промыслы, солеварение, торговлю, и тем самым довольно значительно отличалась от хозяйственного уклада окружающего земледельческого населения.

На протяжении XX в. этноним поморы продолжал использоваться для обозначения жителей беломорского побережья. Постсоветский кризис вызвал необходимость адаптации к происходящим социально-экономическим трансформациям и поиска новых жизненных ориентиров. В русле региональной и этнической мобилизации в Архангельской области в 1990-2010-х гг. стала заметна актуализация поморской идентичности. Этот процесс, получивший названия «поморского движения», «поморского ренессанса», «поморской идеи», выразился в появлении ряда лидеров и общественных организаций, нацеленных на легитимацию поморской этничности через признание поморов коренным малочисленным народом. Всплеск поморской идентичности наиболее ярко отразила всероссийская перепись населения 2002 г., когда термин «поморы» впервые проявился в официальной

² Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 86.

государственной этнической номенклатуре в виде подгруппы русских, наряду с казаками. В результате политической самоорганизации поморов состоялись четыре межрегиональных поморских съезды (в 2007, 2009, 2010 и 2011 гг.). Актуализация поморской идентичности в Архангельской области поддерживалась региональными элитами и научным сообществом. На некоторое время поморская идея стала главным региональным брендом, в общественном сознании макротопоним «Поморье» стал прочно ассоциироваться с Архангельской областью.

Исследованию поморского движения в Архангельской области, где в центре внимания чаще всего находятся его главные акторы, а поморская идентичность рассматривается как инструмент и ресурс, посвящено немало работ, о чем будет сказано в историографическом обзоре. При этом менее изученными остаются процессы, протекающие на периферии зоны «поморской идеи». В этой связи вызывает интерес рассмотрение восприятия поморского движения в других административных субъектах, где также проживают поморы, в частности, в Республике Карелия.

Карелия представляет собой полиэтнический регион, к коренным народам которого относятся карелы, вепсы и «локальные группы русского населения – поморы, заонежане и пудожане»³. В Карелии поморскими считаются поселения прибрежной полосы юго-западного побережья Белого моря, возникновение которых было связано с процессом хозяйственного освоения морских берегов. До упразднения уездно-волостной системы они входили в состав поморских волостей; в настоящее время данная территория находится в границах трех административных районов республики – Беломорском, Кемском и Лоухском. Среди русских Карелии поморы выделяются «высокой степенью этнической самоидентификации»⁴, что в большей степени проявилось в переписи 2010 г. В настоящее время в Карелии действует ряд

³ Постановление Правительства Республики Карелия от 21.02.2024 об утверждении государственной программы Республики Карелия «Реализация государственной национальной политики на территории Республики Карелия». URL: <https://docs.cntd.ru/document/407132385#64U0IK> (дата обращения: 21.11.2024).

⁴ Логинов К.К. Этнолокальные группы Карелии // Малые этнические и этнографические группы / Под ред. В.А. Козьмина. СПб., 2008. С. 261.

культурных организаций, общественных объединений, творческих коллективов, в центре внимания которых находится история и культура поморов; заметна активизация данных организаций в этнокультурной проектной деятельности. Наблюдается рост интереса местных жителей к краеведению, исследованию семейной истории, созданию музеев, отражающих культурное и историческое наследие локальных поморских сообществ. Данные инициативы поддерживаются органами местного самоуправления, Министерством национальной и региональной политики Республики Карелия, государственными и частными фондами, предоставляющими грантовое финансирование.

Растущее внимание к историко-культурному наследию поморов в Карелии побуждает интерес к исследованию вопросов этнической самоидентификации представителей данной группы и особенностей «поморского» дискурса в республике. В настоящее время нет четкого представления о механизмах формирования современной поморской идентичности, особенностях ее проявления среди сельского и городского населения, значимых этнодифференцирующих признаках. Как люди, которые называют себя поморами, сами отвечают на вопрос, кто такие поморы, что лежит в основе их самоидентификации, почему это для них важно? В этой связи необходимым представляется комплексное изучение аспектов поморской идентичности, многообразия ее проявлений и репрезентации.

Актуальность данной темы обусловлена не только исследовательскими лакунами, но и востребованностью анализа этносоциальных процессов в северных районах Республики Карелия, включенных в Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ)⁵, в том числе и в среде поморов, как старожильского населения данной территории. В 2023 г. Кемско-Беломорская агломерация вошла в перечень опорных населённых пунктов

⁵ В 2017 году Лоухский, Кемский и Беломорский районы первыми в Карелии были включены в состав АЗРФ.

АЗРФ⁶; предполагается, что они станут базой для реализации экономических и инфраструктурных проектов в российской Арктике.

Таким образом, **объектом** данного исследования являются жители Республики Карелия, называющие себя поморами; **предметом** – их этническая идентичность, многообразие ее проявлений и репрезентации.

Цель работы состоит в том, чтобы на основе широкого комплекса источников проследить особенности формирования и проявления современной этнической идентичности поморов, проживающих в Республике Карелия, в дискурсивном и репрезентативном измерениях. Анализ дискурса позволяет показать, как и в каких контекстах о поморской идентичности говорят ее носители и те, кто их окружает (представители местной и региональной власти, СМИ, культурные учреждения); изучение способов репрезентации – то, как выбираются и воспроизводятся образы и практики, нацеленные на демонстрацию «поморского», внутри сообщества и за его пределами.

В соответствии с целью в исследовании ставятся следующие **задачи**:

- 1) кратко представить историю формирования общности поморов на юго-западном побережье Белого моря в свете современных междисциплинарных данных;
- 2) рассмотреть процесс возникновения и развития поморского движения в Архангельской области и оценить его влияние на актуализацию поморской идентичности в Республике Карелия на рубеже XX-XXI вв.;
- 3) выделить наиболее распространенные маркеры современной поморской идентичности в Карелии в условиях городской и сельской среды;
- 4) определить механизмы складывания и актуализации поморской идентичности;
- 5) проанализировать формы репрезентации поморской идентичности

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ»
<http://static.government.ru/media/files/swH5WxRwFOGjLhqUigoDpo4NAIqmMfJe.pdf>

в деятельности культурных учреждений и общественных объединений, современных этнокультурных проектах;

б) рассмотреть и проанализировать этнический компонент, связанный с поморами, в дискурсе региональных и районных СМИ.

Территориальные рамки исследования охватывают зону традиционного расселения поморов в Республике Карелия – поселения на побережье Белого моря в современных административных границах трех районов: Лоухского, Кемского и Беломорского. Применительно к побережью Белого моря в границах Республики Карелия в настоящее время также используется термин Карельское Поморье.

Хронологические рамки исследования обозначены периодом конца XX в. по настоящее время. Нижняя граница обусловлена временем актуализации поморской идентичности, развитием поморского движения и появлением поморов в переписи населения как отдельной формы групповой идентичности среди русских. Верхняя граница определяется 2023 г. – временем окончания сбора полевого материала.

Степень изученности темы. Научные работы по теме диссертации можно разделить на три основных блока: 1) обобщающие труды по этнографии и истории поморов; 2) исследования по группе поморов Карелии; 3) работы, посвященные поморскому движению и различным аспектам поморской идентичности.

1) Обобщающие труды по этнографии и истории поморов

Историография работ по вопросам истории, хозяйственных практик и традиционной культуры поморов весьма обширна. Отметим лишь наиболее значительные этнографические труды. Несмотря на то, что с конца XIX – начала XX в. в отечественной науке наблюдается интерес к описанию и изучению культуры и быта поморов как старожильского населения побережья Белого моря⁷, первые монографические исследования по

⁷ Восприятие европейского севера России как «культурной кладовой», а не периферии государства, начало его активного изучения связано с «открытием» Русского Севера для науки через труды А.Ф. Гильфердинга,

этнографии поморов были написаны Т.А. Бернштам в 1970-1980 гг. и не теряют актуальности до сих пор⁸. Исследовательница изучила процесс заселения побережья Белого моря, выделила основные этапы формирования поморской общности, рассмотрела промысловую систему хозяйства поморов, структуру их социально-экономической организации, материальную культуру, общественно-семейный быт и мифо-ритуальную составляющую жизни поморов в XIX – начале XX в. Т.А. Бернштам также сформулировала признаки, выделяющие поморов в севернорусской среде, применительно к этому хронологическому периоду. К таковым она отнесла: специфику морского промыслового хозяйства; своеобразие беломорских говоров; обособленность от соседнего земледельческого населения; отличительные культурные явления – промысловые хозяйственные постройки, одежда, промысловый календарь и обряды, «морские» черты в севернорусском фольклоре; сочетание архаичных черт и городских форм культуры – высокий уровень грамотности, знание иностранных языков, артельная организация, элементы городского быта; и определенный «психический склад» – «чувство собственного достоинства, свобода действий, независимость, живой ум, сдержанность и осознание своей “особости”»⁹. Т.А. Бернштам также первой из исследователей обращалась к проблеме поморской идентичности. По ее мнению, осознаваемая поморами *«особость»* являлась объединяющей чертой для населения разных поморских берегов, и вызывала «известное чувство превосходства по отношению к непосредственно соседствующему с каждой группой поморов земледельческому русскому и нерусскому населению»¹⁰.

П.Е. Ефименко, Л.Н. Рыбникова, Е.Н. Барсова, Н.Е. Ончукова и др. В 1908 году было основано Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС) для изучения истории и культуры края (подробнее об этом см. Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134-153). Развитию интереса к изучению быта и промыслов населения, проживающего по берегам Белого моря, также способствовала деятельность Комитета для помощи поморам Русского Севера (1984-1908), который помимо адресной помощи семьям погибших поморов занимался проведением исследований и организацией экспедиций для изучения быта поморов и проектирования мер, способствующих развитию морских промыслов.

⁸ Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. 176 с.; Она же. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983. 231 с.; переиздание с дополнениями – Она же. Народная культура Поморья. М., 2009. 432 с.

⁹ Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. С. 229-230.

¹⁰ Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. С. 167.

В 1983 г. была впервые опубликована и с тех пор выдержала несколько переизданий научно-популярная книга очерков о Беломорье К.П. Гемп¹¹. К.П. Гемп, получившая историко-филологическое образование на петербургских Высших женских курсах, в конце 1920-х гг. сменила научный профиль на альгологию и занималась изучением водорослей Белого моря. Однако ее интерес к местной истории и культуре не угас. За годы научных экспедиций К.П. Гемп собрала значительный массив документов и записей о промыслах, жизненном укладе и обычаях поморов, образцы фольклора, сведения о народной медицине, которые легли в основу книги «Сказ о Беломорье». Во втором издании в 2004 г., осуществленном уже после смерти автора, к очеркам был добавлен «Словарь поморских речений», составленный К.П. Гемп по принципу идеографического словаря на основе собранной ею картотеки поморских слов.

В 1997 г. вышла первая монография в серии трудов Института этнологии и антропологии РАН «Народы и культуры», посвященная русским. Раздел о группе русских северной зоны был написан И.В. Власовой. Она выделила поморов как наиболее крупную территориальную группу севернорусского населения, расселившуюся по берегу Белого моря от Онеги до Кеми и по берегу Баренцева моря, которая отличалась от северных русских по своему хозяйственному быту, но была близка к ним по народной культуре¹².

На рубеже XX-XXI вв. были опубликованы исследования архангельских ученых, посвященные различным аспектам истории и культуры Поморья. В 1997-2002 гг. вышла серия научно-популярных книг историка В.Н. Булатова «Русский Север», посвященных истории европейского севера России, продвижению русских на территорию Сибири и Дальнего Востока, освоению Арктики и Северного морского пути. Для В.Н. Булатова понятия «Поморье» и «Русский Север» были синонимичны. Ученый значительно расширил границы Поморья, включив в этот ареал территорию бассейнов рек Северной Двины,

¹¹ Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М., Архангельск, 2004. 637 с.

¹² Русские / отв. ред.: В. А. Александров [и др.]. Москва, 1997. 828 с.

Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки. В.Н. Булатов придерживался идеи выделения поморов как этноса с отдельными признаками нации: общность территории с выходом к морю, общность экономической жизни, особые черты характера, своеобразие северной культуры, севернорусский язык¹³. Концепция поморского этноса В.Н. Булатова не получила широкой поддержки в научных кругах, но была с энтузиазмом воспринята активистами поморского движения в Архангельске. Несколько позднее появились труды Н.М. Теребихина по философии культуры и сакральной географии Поморья¹⁴, обобщающие работы по истории, быту и культуре поморов, написанные В.В. Ануфриевым, Э.Л. Базаровой, Н.В. Бицадзе, А.В. Огороковым в историко-культурологическом ключе¹⁵.

В 2003 г. было опубликовано социологическое исследование Ю.М. Плюснина¹⁶, посвященное анализу кризисных процессов в экономике и социальной сфере поморских поселений в середине 1990-х гг. Работа ценна тем, что написана на основе обширных полевых материалов, которые автор планомерно собирал с 1995 по 2001 гг. в 39 населенных пунктах в границах всех трех приморских регионов – Мурманской и Архангельской областях и Республике Карелия. Выделение региональных особенностей не ставилось в качестве задач исследования, поэтому данные разных регионов обрабатывались как единый массив и не сравнивались между собой. Ю.М. Плюснин представил «моментальный срез» социально-экономического и психологического состояния поморского населения берегов Белого моря в сложные постперестроечные годы, описал мировоззренческие и политические взгляды, выделил изменение моделей жизнеобеспечения.

С 2000-х гг. также сохранялся интерес исследователей к изучению

¹³ Булатов В.Н. Русский север. Книга 3: Поморье (XVI-начало XVIII в.). Архангельск, 1999. 336 с.

¹⁴ Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. 272 с.

¹⁵ Культура русских поморов: опыт системного исследования / Э. Л. Базарова, Н. В. Бицадзе, А. В. Огороков. М., 2005. 397 с.; Ануфриев В.В. Русские поморы: культурно-историческая идентичность. М., 2008. 159 с.; Ануфриев В.В., Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Гончарова Н.Н., Селезнева Е.Н., Черносвитов П.Ю. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ. М., 2013. 320 с.

¹⁶ Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995-2001. Новосибирск, 2003. 143 с.

системы традиционного хозяйства поморов в исторической перспективе и современных условиях. В этой связи выделим некоторые работы, посвященные территории Терского (Мурманская область), Летнего и Зимнего (Архангельская область) берегов Белого моря – П.А. Филина¹⁷, И.П. Кулясова¹⁸, М.Н. Власовой¹⁹, Н.Г. Комелиной²⁰, Н.В. Дранниковой и Т.Н. Морозовой²¹.

2) Исследования, посвященные поморам Карелии

Изучение населения поморских территорий в Карелии профессиональными этнографами развернулось в начале XX в. с экспедиций ученых из Санкт-Петербурга. Одним из первых в 1913 и 1914 гг. в Кемском, а также в Архангельском, Онежском и Александровском уездах побывал этнограф и антрополог Л.Л. Капица, занимавшийся исследованием физической антропологии поморов Кемского и Онежского уездов²². Полевые научные изыскания были прерваны Первой мировой войной и последующими социально-экономическими потрясениями, вызванными революцией и гражданской войной. Впоследствии они возобновились в 1920-х гг., когда в связи с началом индустриализации и расширения эксплуатации ресурсов руководству Автономной Карельской ССР, созданной в 1923 г., было необходимо получить сведения о составе местного населения, экономических возможностях и культуре края. Это обусловило организацию этнографических

¹⁷ Филин П. А. Традиции природопользования поморов Зимнего берега Белого моря на рубеже XXI века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 4. С. 179–190; Филин П.А. Традиции морского рыболовства поморов Терского берега Белого моря в XV–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 303 с.

¹⁸ Кулясов И.П. Природопользование поморов: конфликт традиций и новаций // Экология и жизнь. 2008. №12. С. 20–25.

¹⁹ Власова М.Н. Терский берег Белого моря: хозяйственно-промысловый и праздничный календарь, поверья и обычаи (по записям 1981–1987 и 2008–2010 гг.) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XXXIV. СПб, 2012. С. 235–263.

²⁰ Алексеевский М.Д., Васкул А.И., Козлова И.В., Комелина Н.Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15–19; Комелина Н.Г. Промысловые обычаи жителей Зимнего берега Белого моря: по архивным материалам 1930-х гг. и экспедиционным записям 2007–2019 гг. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 1. С. 93–138.

²¹ Дранникова Н. В., Морозова Т. Н. Промысловый календарь Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. №5 (142). С. 56–60; Морозова Т. Н. Современное состояние промыслового фольклора Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. №7 (152). С. 81–84.

²² Капица Л.Л. Антропологические данные о поморах Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 7. С. 131–151.

экспедиций по изучению населения Карелии на средства местных властей²³. Под руководством Д.А. Золотарева в 1923 и 1930 гг. были обследованы территории северной Карелии, в том числе примыкающие к Белому морю, однако основной фокус внимания был направлен на карельское население; сведения о русских приводились в сравнительном ключе. Отчеты об экспедициях, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ, были опубликованы в периодической печати²⁴.

В 1930 г. был создан Карельский научно-исследовательский институт (КНИИ)²⁵ вместе с этнографо-лингвистической секцией в его составе. Это был сложный период для этнографической науки, в результате которого круг исследований в КНИИ сосредоточился на археологических изысканиях, подготовке словарей и сборе фольклора²⁶. В составе института действовало Бюро краеведения, которое координировало работу краеведческих ячеек в районах. На территории Сорокского (ныне Беломорского) района сбором фольклора поморов занимался уроженец с. Сумский Посад, краевед Иван Матвеевич Дуров (1894–1938). Он с 1911 г. являлся членом Поморского Отдела Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС), входил в другие краеведческие объединения – Общество изучения Карелии, Общество изучения Мурманского края. С апреля 1934 г. И.М. Дуров был зачислен в штат КНИИ в качестве старшего инструктора Карельского бюро краеведения. За годы плодотворной работы он не только организовал процесс собирания разных жанров фольклора в Сорокском районе, но занимался написанием научных работ и этнографических очерков. Среди его основных исследований можно выделить объемную рукопись «Беломорские рыбаки в

²³ Винокурова И.Ю. Этнографические экспедиции под руководством Д. А. Золотарёва и политика коренизации в Карелии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 1 (37). С. 118.

²⁴ Золотарев Д. А. Поездка в Карелию // Вестник Мурманска. 1924, № 12. С. 1–3. № 13. С. 2–4; Он же. В северо-западной Карелии // Западнофинский сборник. Л., 1930 г. С. 1–21.

²⁵ 1937 году преобразован в Карельский научно-исследовательский институт культуры, а после войны – в Институт языка, литературы и истории Карело-Финской базы АН СССР. Академическая наука в Карелии: 1946–2006. Том 1. М., 2006. С. 20, 33.

²⁶ Винокурова И.Ю. Карелия в этнологических исследованиях // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2022. С. 311.

XIX веке – годовой цикл промыслов»²⁷ и «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении»²⁸, изданный уже после смерти автора, репрессированного в 1938 г. и впоследствии реабилитированного. Материалы И.М. Дурова являются не только чрезвычайно информативными источниками для изучения традиционной культуры населения Поморского и Карельского берегов Белого моря, но и представляют интерес как труды исследователя, который родился и проживал в изучаемой им этнокультурной среде.

Итогом многолетней работы сотрудников карельского Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) в экспедициях в Беломорском, Кемском и Лоухском районах стала публикация монографий и сборников фольклорных материалов Карельского Поморья, посвященных сказкам²⁹, песням³⁰, свадебному обряду Поморского берега в селах Колежма и Нюхча³¹, заговорам³², биографии и творчеству отдельных сказочников³³. Главным исполнителем тем по собиранию фольклорного материала, подготовке и публикации сборников в 1960-1970 гг. была А.П. Разумова.

Со второй половины XX в. в Карелии активизировалась работа по подготовке трудов по общей истории Карелии³⁴, где частично рассматривались вопросы, связанные с изучением истории расселения и хозяйственной деятельности поморов. Были подготовлены работы по социально-экономической истории Карельского Поморья: монография

²⁷ Дуров И. М. Беломорские рыбаки в XIX в. – годовой цикл промыслов. НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 33. Д. 440. 99 л.

²⁸ Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Изд. подготовили И.И. Муллонен, В.П. Кузнецова, А.Е. Беликова. Петрозаводск, 2011. 455 с.

²⁹ Сказки карельского Беломорья / под общ. ред. М.К. Азадовского, Б.А. Ларина, И.И. Мещанинова и др. Петрозаводск, 1939; Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А.П. Разумова, Т.И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1974. 423 с.

³⁰ Русские народные песни Поморья / Сост. и собир. С.Н. Кондратьева. М., 1966. 281 с.; Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. Разумова А., Коски Т., Мирофанова А. Л., 1971. 452 с.

³¹ Русская свадьба Карельского Поморья: (в селах Колежме и Нюхче) / Изд. подгот. А.П. Разумова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1980. 220 с.

³² Русские заговоры Карелии / Сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000. 275 с.

³³ Солёная судьба: материалы к биографии сказочника-помора Ф. Н. Свиньина / Сост. А.С. Лызлова. Петрозаводск, 2024. 256 с.

³⁴ Очерки истории Карелии: в 2 т. Петрозаводск, 1957, 1964; Балагуров Я.А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. 159 с.; История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н.А. Кораблева, В.Г. Макурова, Ю.А. Савватеева, М.И. Шумилова. Петрозаводск, 2001. 943 с.

Н.А. Кораблева, посвященная состоянию морских промыслов, торговли и сельского хозяйства на поморских территориях Карелии во второй половине XIX в.³⁵; статьи А.Ю. Жукова о системе хозяйства поморов и этнической истории края в период XV-XVIII вв.³⁶; монография коллектива авторов из Института экономики КарНЦ о проблемах социально-экономического развития приморских районов Карелии в начале 1990-х гг.³⁷, а также статьи С.А. Капитоновой³⁸, Л.И. Вавулинской³⁹, Е.Ю. Дубровской⁴⁰. Отдельные сюжеты истории края описаны в монографии географа и краеведа Б.И. Кошечкина⁴¹, посвященной морским промыслам и мореходству кемлян, и книгах краеведа С.В. Кошкиной⁴², содержащих историко-этнографические очерки о поселениях Беломорского района с привлечением широкого ряда документальных источников.

В отличие от исследований, посвященных истории и фольклору Карельского Поморья, этнография поморов Карелии не стала объектом пристального внимания местных ученых. Этнографические исследования были посвящены преимущественно коренным прибалтийско-финским народам республики – карелам и вепсам, однако некоторые темы были

³⁵ Кораблев Н.А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск, 1980. 128 с.

³⁶ Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 85–91; Жуков А.Ю. История карелов Поморья и Беломорской Карелии в свете новых источников конца XVII–XVIII вв. // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск, 2016. С. 46–58; Жуков А.Ю., Баданов В.Г., Кораблев Н.А. Промыслы и ремесла населения Карело-Кольского региона (XVII–конец XIX в.) // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск, 2017. С. 57–96.

³⁷ Социально-экономические проблемы Карельского Прибеломорья / отв. ред. О.А. Суворов. Петрозаводск, 1992. 95 с.

³⁸ Капитонова С.А. Основные этапы хозяйственного освоения Западного (Карельского) Поморья // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 4. С. 105–111.

³⁹ Вавулинская Л.И. Северная деревня во второй половине 1940-х - 1960-е гг. (по материалам беломорской Карелии) // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней. Архангельск, 2020. С. 281–287.

⁴⁰ Дубровская Е.Ю. Кузомень и Сорока: жители Терского берега и Карельского Поморья в годы военного лихолетья // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / Под общ. ред. О.В. Змеевой. М., 2022. С. 116–120.

⁴¹ Кошечкин Б.И. Боже, дай нам ветра: кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992. 191 с.

⁴² Кошкина С.В. Вирма: очерк о старинном поморском селе. Петрозаводск, 2012. 55 с.; Она же. Сорока – Беломорск, 1419–1938: краеведческие записки, летопись. Петрозаводск, 2012. 364 с.; Она же. Сухое: [история древнейшего поселения Русского Севера – села Сухого Беломорского района Республики Карелия и его жителей]. Петрозаводск, 2014. 301 с.; Она же. Лапино. Петрозаводск, 2017. 399 с.

представлены в ряде статей. Среди таких работ отметим статьи К.К. Логинова, посвященные историко-этнографическим особенностям с. Гридино⁴³, локальным традициям морского рыболовства села Нюхча⁴⁴, судостроению в Западном Поморье⁴⁵; статью А.П. Конкка о погребальной обрядности в с. Гридино⁴⁶; статью Ю.И. Ковыршиной о календарной традиции сел Карельского берега Белого моря⁴⁷; статью Е.И. Яскеляйнен о традиционном костюме жителей Поморья от Нюхчи до Кеми⁴⁸. В 2021 г. вышла книга петербургской исследовательницы М.Н. Власовой⁴⁹, посвященная трем поморским поселениям, где представлено историко-этнографическое описание с. Кереть с фольклорными материалами, записанными там в разные годы. В 2023 г. появилось издание Г.В. Емельяновой, Ю.И. Марченко, Е.В. Самойловой, С.В. Подрезовой, посвященное комплексному описанию хореографических форм Западного побережья Белого моря нач. XX – первой четверти XXI в., где традиционная хореография и игры рассматриваются в широком этнографическом контексте молодежных собраний, календарных праздников и ритуалов жизненного цикла⁵⁰.

Отдельно следует отметить диалектные словари, подготовленные лингвистами и представляющие богатый этнографический материал. Среди них необходимо выделить объемный труд С.А. Мызникова, посвященный

⁴³ Логинов К.К. Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению. Петрозаводск, 2008. С. 168–190.

⁴⁴ Логинов К. К. Рыболовство Поморского села Нюхча // «Уведи меня, дорога»: сборник научных статей памяти Т. А. Бернштам. СПб., 2010. С. 54–69.

⁴⁵ Логинов К.К. Морские суда западного Поморья (второй половины XIX - начала XX вв.) // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. №2 (16). С. 67-77.

⁴⁶ Конкка А.П. Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // Археология русской смерти. 2016. №3. С. 67-79.

⁴⁷ Ковыршина Ю.И. Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 154-199.

⁴⁸ Яскеляйнен Е.И. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX - первой половины XX вв. в коллекции музея "Киж" // Кижский вестник (Сборник статей). Вып.8. Петрозаводск, 2003. С. 80-125.

⁴⁹ Власова М.Н. Русский Север: брошенная земля. Фольклор несуществующих деревень (особенности и контексты бытования). СПб., 2021. 464 с.

⁵⁰ Традиционная хореография и народные игры Западного побережья Белого моря / Сост. Г.В. Емельянова, Ю.И. Марченко, Е.В. Самойлова; отв. ред. С.В. Подрезова. СПб., 2023. 544 с.

русским говорам Беломорья⁵¹, включающий в себя историко-географические очерки, описание этноязыковой ситуации, анализ особенностей языковых контактов на данной территории. Особую ценность представляет публикация примеров диалектной речи, в том числе собранных в поморских поселениях Карелии.

3) Работы, посвященные поморскому движению 1990-2010-х гг. и различным аспектам поморской идентичности

Актуализация поморской идентичности в 1990-х гг. и возникновение поморских этнопроектов (политических, общественных, культурных) обоснованно привлекали внимание исследователей. Появлению, развитию и анализу поморского движения в Архангельской области посвящен ряд статей этнолога Ю.П. Шабаева⁵². В статье социолога С.А. Тулаевой⁵³ исследуется процесс конструирования современной поморской идентичности через анализ движения поморов за признание их права на статус коренного малочисленного народа. Политолог А.В. Михалева⁵⁴ проанализировала роль и место поморского дискурса в региональном позиционировании Архангельской области. Статья философа А.А. Добыкиной посвящена исследованию особенностей обращения к духовному наследию и религиозным нарративам в «поморском проекте»⁵⁵.

С начала 2000-х гг. стали появляться работы, направленные на изучение

⁵¹ Мызников С.А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М.; СПб., 2021. 912 с.

⁵² Шабаев Ю.П. «Бунтующая этничность» на Европейском Севере России // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 95-104; Шабаев Ю.П., Дронова Т.И., Шарапов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и устьицелмы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. № 5. 2010. С. 134-151; Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Новые этнополитические конструкторы в региональной практике современной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 62-70; Шабаев Ю.П., Задорин М.Ю. Поморский диспут // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2013. С. 177-181; Шабаев Ю.П. Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского Севера РФ и в этнополитике // Человек. Культура. Образование. 3 (21). 2016. С. 295-320.

⁵³ Тулаева С. А. Поморская идея: возникновение и развитие // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 3-17.

⁵⁴ Михалева А. В. Этнокультурное измерение регионального позиционирования Архангельской области // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 4(24). С. 4-19.

⁵⁵ Добыкина А.А. Религиозные нарративы в современных этнополитических проектах (на примере «поморской идеи») // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. №1 (2). С. 222-231.

оснований и маркеров поморской идентичности. Антрополог М.Л. Нахшина в статье, посвященной перспективам историко-культурного исследования поморов Мурманской области⁵⁶, касается вопроса бытования самоназвания «помор» на Терском берегу и смыслов, которые информанты вкладывают в это понятие. Основными этнодифференцирующими признаками, по мнению опрошенных информантов, являлись «говор», факт рождения или проживания на Терском берегу, черты характера.

Уже упомянутая коллективная монография В.В. Ануфриева, Э.Л. Базаровой, Н.В. Бицадзе, Н.Н. Гончаровой, Е.Н. Селезневой, П.Ю. Черносвитова посвящена историко-культурному анализу особенностей поморской идентичности. Авторы ставили задачу проследить процесс ее формирования и эволюции во времени, выявить основания и внешние проявления. В результате исследования специфики поморской культуры был сделан вывод, что в настоящее время «традиционной русской поморской идентичности» уже не существует, так как в XX в. были уничтожены ее главные основания: духовная (православие) и хозяйственная (мореходство и система морских промыслов). По мнению авторов монографии, «современными основаниями для самоидентификации потомков поморского населения Беломорья остаются только территориальная принадлежность жителей Севера и сведения о традиционной поморской культуре в популярной и учебной литературе»⁵⁷.

И.В. Власова, долгое время изучавшая этническую историю Русского Севера, полагала, что самоощущение поморов было основано на «их исконном понимании своеобразия среди остального русского населения Севера, кроющееся в их традиционных промысловых занятиях, от которых сейчас мало что остается»⁵⁸. Она также отмечала, что «прежняя» поморская

⁵⁶ Нахшина М.Л. Поморы Терского берега: перспективы историко-культурного исследования // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты, 2004. С. 38-49.

⁵⁷ Ануфриев В.В., Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Гончарова Н.Н., Селезнева Е.Н., Черносвитов П.Ю. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ. М., 2013. С. 8.

⁵⁸ Власова И.В. О терминах для обозначения этнических категорий // Этнографическое обозрение, 2009, №4. С. 126.

идентичность была связана с восприятием моря и соответствующими проявлениями в жизни и сознании; в настоящее время основой идентичности является «мифологизация поморов и моря, ассоциация поморской территории с форпостом русской культуры на Севере»⁵⁹.

Вопросов особенностей самосознания жителей побережья Белого моря, в частности, Кандалакшского берега, касалась И.А. Разумова во вступительной статье к книге «История семьи Жидких на фоне поморской культуры». Автор приходит к выводу, что поморская идентичность дольше сохранялась у потомков тех семей, которые до недавнего времени поддерживали отдельные черты поморского хозяйственного уклада, занимаясь рыболовством. Когда такой возможности не стало, поморская идентичность трансформировалась в сохранение памяти членов семейно-родственной группы и одно из оснований ее солидарности⁶⁰.

Н.В. Дранникова обращалась к проблеме изучения локальной идентичности различных местных сообществ Архангельской области. К примеру, в результате исследования особенностей локальной идентичности с. Патракеевки Приморского района Архангельской области на материалах фольклорно-этнографической экспедиции, состоявшейся в 2015 г., было установлено, что жители Патракеевки обладают поморским самосознанием, которое включает знание промысловой культуры и историко-культурную память, где смысловым ядром является представление местных жителей о Патракеевке как о родине мореплавателей и школе обучения мореплаванию всего Зимнего берега Белого моря⁶¹.

А.В. Головнев, разрабатывая концепцию северного измерения России в глобальном историко-культурном контексте, охарактеризовал поморов как «олицетворение русской северности», которых от других русских отличает

⁵⁹ Власова И.В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М., 2015. С. 351.

⁶⁰ История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г.Ф. Белошицкой / Общ. ред. И. А. Разумовой. Апатиты, 2013. С. 13.

⁶¹ «Капитанская деревня»: к вопросу о локальной идентичности жителей села Патракеевки Приморского района Архангельской области // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. №5 (158). С. 88-94.

морская культура, основанная на мореходстве и морских промыслах⁶². Рассуждая о поморской идентичности, автор выделил три качества, определяющие ее самобытность: мобильность, контактность и самодостаточность.

Ряд работ, посвященных исследованию современной поморской идентичности, написан на основе полевых материалов, собранных преимущественно в Архангельской области. Проблемам актуализации поморской идентичности с 1990-х гг. и поморскому движению в Архангельской области посвящена магистерская работа А.Н. Пыжовой⁶³, основанная на интервью с жителями Архангельска, записанных автором в 2011 г. А.Н. Пыжова пришла к выводу, что обладание поморской идентичностью превращается в важный социальный символ, и культурная этническая идентичность сменяется символической. Информанты, не являющиеся активистами поморского движения, связывают свою идентичность с кровным родством и наличием у себя в роду предков поморов – родителей или прародителей, и при смене места жительства («не у моря») испытывают сомнения в «возможности быть помором»⁶⁴.

Более подробно вопросы существования современной поморской идентичности рассматриваются в работах антрополога Натали Ванзидлер⁶⁵. Основу исследования составили полевые материалы автора, собранные в 2014-2015 гг. в экспедициях на Зимнем и Летнем берегах, в городах Архангельске и Онеге. Н. Ванзидлер описывает поморскую идентичность через категории ландшафта и связанных с ним хозяйственных практик; анализирует значение традиционных морских промыслов и изменения,

⁶² Головнев А. В. Северность России. СПб., 2022. С. 147-149.

⁶³ Pyzhova A. Identity and Regional Culture: The Case of the Pomor People in Arkhangel'sk Region, Russia. Master's Thesis. Faculty of Humanities, Social Sciences and Education University of Tromsø, 2011. 86 p.; Пыжова А.Н. Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. 2012. №7. С. 1-8.

⁶⁴ Pyzhova A. Identity and Regional Culture. P. 77-78.

⁶⁵ Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. Ph.D. Thesis. University of Aberdeen, 2019. 215 p.; Shaw M., Wahnsiedler N. "The Sea is Our Field": Pomor Identity in Russian Ethnography // Anderson D.G., Arzyutov D., Alymov S. Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond. Cambridge, 2019. P. 349-388.

последовавшие в процессе создания и развития рыболовецких колхозов; рассматривает процессы сохранения поморского культурного наследия в музеях. Исследовательница приходит к заключению, что поморская идентичность укоренена в местах проживания и промыслах, и эта связь не является утраченной в наши дни. Процесс отождествления себя с поморами является социальной реальностью для многих жителей побережья Белого моря, при этом часть из них называет себя не поморами, но потомками поморов.

Обзор историографии показывает, что к настоящему времени единственным системным трудом по этнографии поморов продолжают оставаться монографии Т.А. Бернштам; по отдельным территориям побережья Белого моря их дополняют и расширяют исследования, посвященные морским промыслам и календарной обрядности поморов. В Карелии значительная доля исследований была посвящена истории и фольклору локальной группы поморов, и гораздо меньше внимания уделялось этнографическим сюжетам. На рубеже XX-XXI вв. в связи с ростом поморского движения наблюдается всплеск интереса к поморам, их этничности, истории и традиционной культуре. При наличии круга исследований, посвященных поморскому движению в Архангельске и поморской идентичности на полевых материалах, собранных преимущественно в Архангельской области, изучение данных проблем на материалах Республики Карелия до настоящего времени не проводилось.

Методология исследования.

Для определения теоретической рамки исследования необходимо обратить внимание на терминологию, обозначающую групповое единство поморов, за которой стоят определенные теоретические подходы к изучению идентичности.

Отечественные этнографы С.А. Токарев, Г.С. Маслова, Н.Н. Чебоксаров и И.А. Чебоксарова выделяли поморов в качестве этнографической группы второго порядка, под которой понимали меньшую по масштабу группу по

сравнению с северными и южными русскими, обладающую своеобразными культурно-бытовыми особенностями⁶⁶. Ю.В. Бромлей, в чьих трудах теория этноса получила законченное оформление, предложил определение поморов как субэтноса русского народа, выделяя в качестве основного критерия наличие самосознания и самоназвания⁶⁷. Под субэтнотом Ю.В. Бромлей предлагал понимать этническое подразделение, состоящее из совокупности людей, имеющих специфичные черты языка и культуры и при этом обладающих сознанием своего единства (самосознанием), фиксированной в самоназвании (этнониме)⁶⁸. Т.А. Бернштам разделяла предложенное Ю.В. Бромлеем выделение поморов в качестве субэтноса русских⁶⁹. К.К. Логинов, описывая в рамках теории этноса этнолокальные группы русских Карелии, также выделял поморов в субэтническую группу русских⁷⁰. И.В. Власова, поднимая проблему о классификациях и терминах для обозначения этнических категорий, выделяла поморов в качестве территориальной группы⁷¹.

Методологическая парадигма советских ученых пересекалась с примордиалистским подходом, основанном на представлении об этничности как о социально-культурном явлении, передаваемом по межпоколенным каналам трансляции культурных традиций и воспринимаемом как нечто, присущее человеку по обстоятельствам рождения в той или иной культуре. Согласно ему, поморы признавались обособленной группой севернорусского населения, имеющей специфические культурные признаки. Довольно часто в качестве критерия обособления фигурировал территориальный признак как

⁶⁶ Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 31; Маслова Г.С. Историко-культурные группы русского народа // Народы европейской части СССР. М., 1964. С. 145; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 31.

⁶⁷ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 85.

⁶⁸ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 49.

⁶⁹ Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. С. 236.

⁷⁰ Логинов К.К. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 96.

⁷¹ Власова И.В. О терминах для обозначения этнических категорий // Этнографическое обозрение, 2009. № 4. С. 125.

фактор образования группы⁷². Однако, подходя к проблеме с позиций примордиализма, исследователи также обращали внимание на то, что осознание своей «особости», наличие самосознания лежит в основе поморской идентичности. Нельзя не согласиться с тем, что этническое самосознание, самоощущение, самоидентификация – факт осознанного соотнесения личности с определенной этнической группой, и «именно осознанность (самосознание) есть то главное, что превращает различия (как давние и явные, так и конструируемые, порою – иллюзорные) в коллективность, то есть реифицирует (вызывает к жизни) группу»⁷³.

Для обозначения общности носителей поморской идентичности я буду придерживаться термина *этническая группа*, наравне с этнонимом *поморы*. Под этнической группой, согласно определению, предложенному В.А. Тишковым, понимается «общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях»; члены этнической общности объединены не общими признаками, но представлениями о существовании общих признаков⁷⁴. В некоторых случаях будет применяться и термин *локальная группа*, чтобы подчеркнуть, что речь идет о поморском сообществе,

⁷² К примеру, В.С. Бузин и С.Б. Егоров, разрабатывая классификацию малых этнических групп посредством выделения главного фактора их образования, рассматривали поморов наряду с пустозерами, усть-цилемами и уральцами как «тип субэтнуса, который характеризуется оторванностью в результате расселения русских от основного массива этноса и изолированностью от соседнего иноэтничного населения на новых местах проживания, в силу чего сохранивший ряд архаических черт русской культуры, что выделяло его представителей, даже если впоследствии они оказывались в окружении русского населения. Между группами поморов существовали внутренние различия, обусловленные неодинаковой долей участия в их формировании местного коренного населения, особенностями природно-географической среды и, как следствие этого, неодинаковым соотношением отраслей хозяйства». См. Бузин В. С., Егоров С. Б. Субэтнوسы русских: проблемы выделения и классификации // Историческая этнография. Вып. 3: Малые этнические и этнографические группы. СПб., 2008. С. 322-323.

⁷³ Тишков В.А., Артемова О.Ю., Андерсон Д., Арзютов Д.В., Балзер М., Головин А.В., Филиппов В.Р., Швайцер П. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 120.

⁷⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 115. Отмечу, что в настоящее время некоторые исследователи обращают внимание на то, что в современных условиях выделение групп будет неизбежно выступать исследовательской концептуализацией: «этничность, раса и нация ... должны быть осмыслены как политические, социальные, культурные и психологические процессы. А базовой аналитической категорией должна служить не некая сущность – “группа”, а групповость – зависимая от контекста концептуальная переменная» (Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 29-30); «этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями до такой степени, что исчезает само понятие группы как социальной и даже социологической целостности» (Тишков В.А. От этноса к этничности и после. // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 7).

проживающем в определенной местности, а не общности поморов всего побережья Белого моря⁷⁵.

Представление об этничности как о воображаемом конструкте лежит в основе конструктивистского подхода, который в настоящее время разделяют многие российские этнологи⁷⁶. Не останавливаясь подробно на этом, отмечу, что смена исследовательских парадигм в этнологической науке в России сопровождалась обширными методологическими дискуссиями⁷⁷. Представители конструктивистского направления фокусируются на изменчивости этничности, воспринимая ее как социальный конструкт, который создается людьми. К классическим трудам, в которых были обоснованы и развиты основные позиции конструктивистского подхода к этничности, относится сборник работ под редакцией Фредерика Барта о конструировании этнических границ⁷⁸, коллективная монография под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера об изобретении традиций и конструировании нации⁷⁹, Бенедикта Андерсона о нациях как воображаемых сообществах⁸⁰, Томаса Эриксона об этнических группах, взаимосвязи этничности и национализма, государства, политики⁸¹.

Среди авторов работ, перечисленных в историографическом обзоре, к

⁷⁵ Семантико-этимологическая определенность слова «локус» позволяет выбирать локус разного масштаба в качестве исходной точки исследования. См. Бернштам Т.А. Введение // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб, 1995. С. 3.

⁷⁶ Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 3–17; Соколовский С.В. Образы Других в российской науке, политике и праве. М., 2001. 235 с.; Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; Абашин С.Н. Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях // Антропологический форум. 2009, № 10. С. 252–278.

⁷⁷ См., к примеру, дискуссии на страницах Этнографического обозрения: Обсуждение доклада В.А. Тишкова «О феномене этничности» // Этнографическое обозрение. 1988. № 1. С. 31–49; Напольских В.В., Соколовский С.В., Абашин С.Н., Истомин К.В., Функ Д.А. Дискуссия по книге А.А. Сириной «Эвенки и эвены в современном мире. Самосознание, природопользование, мировоззрение» (М., 2012) // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 193–220; Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–92.

⁷⁸ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006. С. 9–48; Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Oslo, 1969. 153 p.

⁷⁹ The Invention of Tradition / E. J. Hobsbawm, T. Ranger (eds). Cambridge University Press, 1983. 320 p.

⁸⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.

⁸¹ Eriksen T. H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London, Sterling, Virginia, 1993. 179 p.

изучению поморской идентичности с позиций конструктивизма подходит Н. Ванзидлер. В статьях Ю.П. Шабая, С.А. Тулаевой, посвященных поморскому движению, поморская этничность рассматривается в том числе с позиций инструментализма – исследовательского подхода в русле конструктивизма, где этничность трактуется как ресурс, который используется заинтересованными группами в борьбе за достижение различных преференций, включая доступ к власти, экономическим ресурсам, социальному капиталу.

Вместе с тем существует исследовательская позиция, предлагающая не замыкаться строго в рамках того или иного направления. Так, М.Н. Губогло, исследуя процессы мобилизации этничности, отмечал двойную природу этнической идентичности: ее способность проявляться двояко и как «предварительно (примордиально) образовавшуюся общность, основанную на общих предках или происхождении; и ситуативно, функционально, как временно созданную общность в виде некоей организационной структуры для достижения коллективных целей»⁸². В его понимании идентичность – это не постоянно и произвольно меняющаяся категория, а набор интериоризованных представлений, идей, черт, норм и форм поведения, изменяющихся под давлением среды, этнических лидеров и творческих личностей в русле заданной культуры⁸³. В.А. Тишков, ссылаясь на работу К. Чандры⁸⁴, также пишет о взаимном непротиворечивом существовании двух типов этничности: номинальной, при которой основанные на происхождении характеристики дают человеку возможность группового членства, и активированной, при которой человек практикует членство (или таковое ему приписывают другие). При этом все люди обладают определенным репертуаром номинальных идентичностей, из которых одна или более могут быть задействованы в конкретный момент⁸⁵.

⁸² Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М., 2003. С. 16.

⁸³ Там же. С. 29.

⁸⁴ Chandra K. (ed.) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Oxford, 2012. 520 p.

⁸⁵ Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головинёву) // *Этнография*. 2023. №. 1 (19). С. 20-21.

А.В. Головнев, разрабатывая понятие дрейфа этничности, которое предполагает последовательное изучение динамики ситуативных проявлений этничности в исторической ретроспективе и современности⁸⁶, также предлагает снять дихотомию примордиализма и конструктивизма как двух исследовательских парадигм, воспринимая их как взаимодополняющие измерения, одно из которых показывает стойкость этничности в череде поколений, другое – механизм ее действия; применение различных методов в соответствующих исследовательских ситуациях может лишь обогатить инструментарий исследователя⁸⁷.

В работе политолога и этнолога Э.А. Паина представлен обзор современных концепций этничности и подробно обоснован принцип взаимной дополнительности в изучении этнической идентичности. Автор предлагает несколько названий этого подхода, рассматривая их как синонимы – синтетический, плюралистический и полипарадигмальный⁸⁸. По мнению Э.А. Паина, «примордиализм и конструктивизм дополняют друг друга, поскольку изучают разные стороны этничности. Первый сосредоточен на анализе относительно устойчивых свойств этнических общностей: этническое самосознание, солидарность и предрасположенность к взаимному общению, например в сфере брачных отношений. Конструктивизм, напротив, акцентирует внимание на относительно подвижных элементах этноса, сформированных в результате целенаправленной деятельности людей, во многом под влиянием этнических элит»⁸⁹.

Британский социолог и антрополог Энтони Смит, автор концепции этносимволизма, сравнивая этничность и нацию, признавал, что феномен нации нельзя считать примордиальным или естественным, в то время как этничность обнаруживает значительную историческую преемственность. Э. Смит не отрицал, что этнические сообщества, которые он именует

⁸⁶ Головнёв А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 46–55.

⁸⁷ Головнёв А. В. О напряжении и движении // Этнографическое обозрение. 2020. №2 С. 109-112.

⁸⁸ Паин Э. А. Этничность, нация и политика. Критические очерки по этнополитологии. М., 2023. С. 31.

⁸⁹ Паин Э. А. Указ. соч. С. 39.

термином «ethnie», конструируют различные компоненты своей этничности в разные периоды времени; при этом отмечал, что язык, этноним и комплекс первичных представлений о родной культуре (мифы, символы, воспоминания и ценности) человек получает в ранние годы социализации в окружающей его группе. Чувство культурной близости, по его мнению, является основой для возникновения нации и объясняет вовлеченность «масс» в нации и национализм. Конструирование традиций должно вызывать отклик у тех, на кого оно обращено: «если они не воспринимаются как “подлинные”, в смысле значимости и отклика у “народа”, к которому они обращены, они не смогут мобилизовать его для политического действия»⁹⁰. Американский социолог, исследователь национализма Крейг Калхун отмечал, что аргументы Э. Смита полезны в качестве критики радикального конструктивизма, который воспринимает идентичность исключительно конструируемой категорией. Вместе с тем К. Калхун считал, что «культурные и физические различия существуют, но их дискретность, их выделение и отношение к ним всегда различны»⁹¹, а «“примордиальность” может быть сконструированной и относительно новой, не теряя при этом своей силы или значения»⁹².

Социальный антрополог Ричард Дженкинс, развивавший идеи Фредерика Барта о категоризации и этнических границах, также пришел к выводу, что, хотя этническая идентичность является социальным конструктом, она может быть глубоко основана на полузабытом опыте первичной социализации: «то, что существуют пределы пластичности этнической принадлежности, а также ее фиксированности и прочности, является основополагающей предпосылкой для развития понимания этнической принадлежности, которое позволяет нам оценить, что, хотя она воображаема, она не воображаема; признать ее древность, а также ее современность»⁹³. При этом Р. Дженкинс оговаривал, что он не воспринимает

⁹⁰ Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М., 2004. С. 360.

⁹¹ Калхун К. Национализм / Пер. А. Смирнова. М., 2006. С. 87.

⁹² Там же. С. 36

⁹³ Jenkins R. Rethinking Ethnicity. London, 2008. С. 173.

эту позицию как поворот в русло примордиалистского подхода.

Представляется, что при изучении поморской идентичности в рамках настоящей работы также будет полезно сочетание исследовательских подходов. Методологической основой выступает конструктивистская концепция. Я разделяю понимание поморской идентичности как подвижной, ситуативной, изменчивой, актуализируемой и «дремлющей» при определенных обстоятельствах; конструируемой «субъективно, но не в отрыве от конкретных реалий, которые являются материалом для конструирования»⁹⁴. Важно отметить, что носители этой идентичности, разделяя приписываемое обозначение, вовсе «необязательно считают себя одним коллективом с общими интересами»⁹⁵. В этнической группе, как и любой другой социальной группе, будут отмечаться индивидуальные различия в степени освоения культурных традиций, устойчивости идентичности, проявления внутригрупповой солидарности. Для исследования поморской идентичности также имеет значение понятие множественной идентичности – осознание принадлежности к нескольким этническим группам или культурным сообществам одновременно, что может приводить к формированию гибридной или смешанной идентичности⁹⁶.

Важными исследовательскими категориями в работе выступают концепции практик, дискурса, этнических границ и маркеров; термины историческая память и исторический фольклор, этнопроект.

В социальных науках дискурс – многомерное понятие, являющееся центральным в теории дискурса. Якоб Торфинг выделил три подхода к пониманию дискурса: 1) дискурс в узком смысле как разговорный или письменный текст; 2) более широкая трактовка дискурса, помимо текстов включающая и социальные практики, так как они также обладают

⁹⁴ Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. М., 2010. С. 44.

⁹⁵ Тишков В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. №. 1 (19). С. 21.

⁹⁶ Тлостанова М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 191-217; Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы // Социология. 2022. №5. С. 202-212.

семиотическим содержанием (Н. Фэркло, Т. ван Дейк, Р. Водак, Т. ван Лёвен); 3) постструктуралистское понимание дискурса как социального феномена, в котором происходит создание смыслов: дискурс приписывает явлению смысл и задает систему координат для понимания этого явления; люди являются лишь субъектами дискурса, но не его создателями (Э. Лакло, Ш. Муфф)⁹⁷.

В данной работе я буду опираться на определение, сформулированное представителями дискурсивной психологии Джонатаном Поттером и Маргарет Уэзерелл: дискурс – это устные и письменные тексты, включенные в социальную практику⁹⁸. В дискурс-психологии подчеркивается ситуативность использования языка в определенных контекстах; основной исследовательский вопрос состоит в изучении того, как люди на основе различных дискурсов создают представления о мире, группах и идентичностях⁹⁹. Дж. Поттер и М. Уэзерелл предложили процедуру исследования, построенного на анализе дискурса, которая среди прочих шагов включает сбор естественного материала (медиа-тексты, научные тексты, спонтанная речь, выступления и т.д.), сбор интервью, кодирование полученных текстов и их анализ (выделение и интерпретация элементов дискурса, поиск критических точек и неочевидных значений)¹⁰⁰.

Термин «практики» отсылает к теориям, составившим прагматический поворот в социальных науках. В отличие от структуралистских подходов, здесь подчеркивается активная роль человеческой деятельности в воспроизводстве и изменении социальной системы. Согласно практической парадигме, независимых знаковых систем не существует, языковые и идеологические концепции становятся осмысленными и функционируют лишь на фоне уже существующей совокупности культурных практик: люди не совершают действия на основе некоторого априорного понимания, но

⁹⁷ Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics / D. Howarth, J. Torfing. N.Y., 2005. P. 5-8.

⁹⁸ Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology. Beyond Attitudes and Behaviour. London, 1987. P. 7; 33-35.

⁹⁹ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. А.А. Киселевой. Харьков, 2008. С. 200-201.

¹⁰⁰ Potter J., Wetherell M. Op. cit. P. 202-213.

воспринимают окружающее на основе привычного способа действия¹⁰¹. В.В. Волков отмечает, что повседневные практики рассматриваются как «искусство решения практических задач в ситуации неопределенности», при котором «умелые и взаимно согласованные действия участников снимают неопределенность и поддерживают существование объективных социальных институтов. <...> В этом смысле практики – это все, что мы делаем»¹⁰².

Концептуализация феномена этнических границ связана в первую очередь с работами Ф. Барта¹⁰³, который предложил изучать не конкретный набор культурных особенностей, приписываемый всем или большинству представителей этнической группы, а те атрибуты, которые являются значимыми для идентификации другого индивида как члена своей или другой группы – социальные границы. Задача исследователя состоит в определении тех признаков, которые сами люди считают значимыми, и воспринимают в качестве маркеров, сигнализирующих о принадлежности к своей или другой группе.

Идея определения этничности посредством внутренней и внешней категоризации получила развитие в работах Ричарда Дженкинса, который обратил внимание на различные уровни и контексты производства и воспроизводства этничности. Он выделил номинальный и фактический (“virtual”) уровни категоризации, которые могут различаться от ситуации к ситуации: «Имя [номинальная категоризация] может оставаться тем же – “валлиец”, например, – даже хотя опыт быть валлийцем может драматически меняться; и наоборот, опыт может оставаться относительно стабильным, в то время как имя меняется»¹⁰⁴. Социолог и политолог Андреас Виммер¹⁰⁵ предложил исследовать уже не сами группы и этнические границы, а социальные контексты, в которых происходит категоризация. Основное

¹⁰¹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 21-22.

¹⁰² Там же. С. 15.

¹⁰³ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006. С. 9–48.

¹⁰⁴ Jenkins R. Rethinking Ethnicity. London, 2008. С. 171.

¹⁰⁵ Wimmer A. Ethnic boundary making: Institutions, power, networks. Oxford University Press, 2013. 293 p.

содержание этого подхода состоит в том, что идентичность формируется в активном взаимодействии человека с окружающей реальностью: индивид «становится кем-то» в конкретных действиях, которые осуществляет в определенном контексте.

Одна из глав настоящего исследования посвящена анализу наиболее значимых маркеров поморской идентичности. Под этническими маркерами будут пониматься признаки, которые отличают этническую группу от других и являются средством поддержания социальных границ между группами; прежде всего, эти признаки имеют значение именно для представителей данной группы. Значимой работой по этой теме является монография Н.Б. Вахтина, Е.В. Головки и П. Швайцера, посвященная русским старожилам Сибири¹⁰⁶. Авторы, анализируя этнокультурные маркеры границ старожильческих групп, обращали внимание на существование «реализуемых» и «заявленных» маркеров, в терминологии Энтони Коэна. «Заявленные» признаки («culture as declared») представляют собой скорее культурные символы и стереотипы, чем описания реальности («culture as lived»).

В контексте исследования маркеров идентичности также важно понятие социальной, или исторической, памяти. Обзор подходов в рамках этого направления исследований представил В.А. Шнирельман, отметив, что у этнических сообществ имеется предел памяти, «далее которого события утрачивают оперативный смысл и воспринимаются как нечто фольклорное и малозначимое»¹⁰⁷. С.В. Лурье для обозначения передающихся из поколения в поколение представлений о том, какие события в истории этнических сообществ являются наиболее существенными, вводит термин «исторический фольклор», и указывает, что отчасти он «концентрирует в себе действительный, пережитый народом исторический опыт, а отчасти выражает

¹⁰⁶ Вахтин Н.Б., Головки Е.В., Швайцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004. 296 с.

¹⁰⁷ Шнирельман В. А. Социальная память – вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 16.

устойчивые представления о себе и своей исторической судьбе, “образе покровителя”, “образе врага”, способе противодействия злу»¹⁰⁸.

При анализе современных способов актуализации этничности, форм и практик репрезентации образа поморов в социально-культурной сфере я буду использовать термин этнопроект. Под этнопроектом понимается персонально мотивированная и/или коллективная инициатива, направленная на сохранение, активацию и адаптацию этничности¹⁰⁹. С.Ю. Белоруссова отмечает, что в своей основе этнопроект зачастую опирается на представление о том, что является традиционным для сообщества, но в конечном итоге превращается в неотрадицию или инновацию, и формирует новое понимание «народной» культуры¹¹⁰.

Для определения методологии исследования необходимо было познакомиться с научными работами, посвященными изучению различных аспектов этнической и региональной идентичности других сообществ: динамике и трансформациям этнической идентичности на примере нагайбаков¹¹¹, немцев Урала¹¹² и кряшен¹¹³, исследованию множественной этнической идентичности и структуре идентичностей¹¹⁴, выделению и изучению этнических маркеров¹¹⁵, проявлений этнического активизма и

¹⁰⁸ Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания (Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала). СПб., 1994. URL: <http://svlourie.ru/methodology-ethnic-constants> (дата обращения: 14.06.2024).

¹⁰⁹ Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 142-148; Перевалова Е. В., Киссер Т. С. Таймыр: этнопроекты и лидеры // Этнография. 2021. №2 (12). С. 167-193; Головнёв А. В., Албогачиева М. С-Г., Белоруссова С. Ю., Беляева-Сачук В. А., Киссер Т. С., Перевалова Е. В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб., 2022. 200 с.

¹¹⁰ Белоруссова С.Ю. Нагайбаки: динамика этничности. СПб., 2019. С. 291.

¹¹¹ Атнагулов И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII - начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей: дис. доктора ист. наук. Магнитогорск, 2016. 467 с.; Белоруссова С.Ю. Указ. соч. 424 с.

¹¹² Киссер Т.С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб., 2019. 372 с.

¹¹³ Становление и генезис кряшенской идентичности: коллективная монография / под ред. Р.Р. Исакова. Казань, 2022. 240 с.

¹¹⁴ Курске В.С., Смирнова Т.Б. Этническая идентичность российских немцев в начале XXI в. (по результатам Всероссийского опроса) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. №1. С. 160-177; Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «Состояние души»? // Laboratorium. 2012. №3. С. 11-41; Атнагулов И.Р. Социокультурные практики и структура идентичностей нагайбаков по материалам экспедиций 2014-2015 гг. // Via in tempore. История. Политология. 2015. №36 (216). С. 136-144.

¹¹⁵ Поправко И.Г. Татары Томской области: факторы формирования и маркеры этнической идентичности: дис. канд. ист. наук. Томск, 2010. 266 с.; Матвеев А.В. Мобилизация русской идентичности в конце XIX - начале XX веков (на материалах Вологодской губернии): дис. канд. ист. наук. Москва, 2011. 275 с.;

вариативности стратегий производства этнической культуры на примере луговых марийцев¹¹⁶ и обских угров¹¹⁷.

Методологический инструментарий исследования включает в себя применение комплекса методов.

Для изучения феномена поморской идентичности был выбран *метод анализа качественных данных*. Качественные (неформализованные) методы сбора информации ориентированы на достижение углубленного понимания исследуемого явления. Это тип исследования, в котором наблюдаемые формы поведения соотносятся с поведенческой логикой (стратегиями) объекта изучения, включая смыслы и значения, придаваемые этим действиям¹¹⁸. Отсутствие формализации делает невозможным массовый охват объекта исследования, в результате чего число единиц обследования часто снижается до минимума; это компенсируется «глубиной» исследования, т. е. детальным изучением явления. Методика проведения качественных исследований представлена в работах А.С. Готлиб¹¹⁹, С.А. Белановского¹²⁰, Е.Ю. Мещеркиной-Рождественской¹²¹.

Отказ от стандартизированных методов исследования при изучении поморской идентичности обусловлен рядом проблем, главная из которых – невозможность построения адекватной выборки. Мы не располагаем данными о точной численности поморов, половозрастном составе и других признаках, обычно принимаемых во внимание при проведении количественного

Пивнева Е.А. «Природу в квартиру не запихнешь»: о некоторых этнических маркерах у обских угров г. Ханты-Мансийска // Социальная антропология города. СПб., 2018. С. 57-70; Киселев А.Г., Онина С.В. Маркеры обско-угорского на страницах газет Ханты-Мансийского национального округа, Омской и Тюменской областей 1930-е-1945 гг. // Вестник угроведения. 2020. №3. С. 575-585.

¹¹⁶ Гаврилова К.А. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области: дис. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2016. 352 с.

¹¹⁷ Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019. 350 с.; Пивнева Е.А. Постсоветские практики (вос)производства этничности у коренных народов Западной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 10-й междунар. науч. конф. Вып. 10 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул, 2020. С. 60-65.

¹¹⁸ Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон; под ред. И. Штейнберга. СПб., 2009. С. 21.

¹¹⁹ Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара, 2004. 448 с.

¹²⁰ Белановский С.А. Глубокое интервью. М., 2001. 320 с.

¹²¹ Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М., 2012. 381 с.

исследования¹²². Впервые поморы появились в переписи населения в 2002 году, когда был введен принцип указания «групп» и «подгрупп»¹²³. Сведения о численности, поле и распределении по районам Карелии лиц, указавших свою этническую принадлежность как «поморы» в переписях населения 2002, 2010 и 2020 гг., не вполне отражают реальную ситуацию. Как показали полевые исследования, многие респонденты полагают, что «*поморы – это не национальность*», и записываются русскими в переписи, но при этом в беседе маркируют свою этническую принадлежность как «русский помор», «русская поморка». Как отмечает Д.Д. Богоявленский, на рост или сокращение в переписи численности выделенных подгрупп («включенных народов») влияют не демографические, а этнические процессы, и в наибольшей степени конъюнктурные факторы¹²⁴.

Таким образом, в статистических источниках фиксируется лишь некоторая часть людей, маркирующих свою этническую идентичность как «поморы», что затрудняет использование стандартизированных методов исследования и ограничивает распространение выводов данного типа исследования на все сообщество. Поэтому исследование поморской идентичности будет построено на основе анализа качественных данных – интервью с городскими и сельскими жителями прибрежных поселений Беломорского, Кемского и Лоухского районов Республики Карелия.

В качестве основного инструмента сбора полевого материала был выбран *метод полуструктурированного глубинного интервью*. Глубинное интервью обращается к опыту собеседника и ценно тем, что это «своего рода “открытое исследование”, поиск первичных понятий, первичных описаний и работа по их структуризации»¹²⁵. При этом чаще всего беседа с информантами велась в русле *биографического интервью*, которое предполагает получение

¹²² Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. С. Кондратьев, А. А. Сусоколов. М., 1984. 253 с.

¹²³ На пути к переписи / Под. ред. В.А. Тишкова. М., 2003. С. 17.

¹²⁴ Богоявленский Д.Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп, 2012. №531-532. С. 11. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/demoscope531.pdf> (дата обращения: 21.05.2024).

¹²⁵ Белановский С.А. Указ. соч. С. 35.

информации через историю жизни человека, позволяет сфокусировать внимание на частных аспектах восприятия, субъективных представлениях информантов. Рассказ о жизни позволяет в некоторых случаях установить более доверительные отношения, расположить к себе собеседника.

Поиск информантов проводился по методу «снежного кома». Основным критерием выбора собеседника было согласие на интервью и готовность обсуждать вопросы, связанные с поморской идентичностью. В подавляющем большинстве случаев это были люди, идентифицирующие себя как помор/поморка, однако часть интервью записана с экспертами, реализующими проекты этнокультурной направленности, или местными жителями, не считающими себя поморами. Вопросник интервью включал в себя несколько тематических блоков: биографические сведения, локальные и семейные традиции; поморская культура и идентичность; этнокультурные мероприятия, активизм, краеведение; планы и перспективы. Последовательность и содержание тематических блоков варьировались в зависимости от особенностей и стиля повествования, а также специфики жизненного пути и личных обстоятельств информантов. Иногда собеседники задавали тон интервью, самостоятельно обращаясь к темам, которые были более значимы для них и которые они считали важным озвучить. В этом случае я предпочитала не прерывать рассказ и задавала уточняющие вопросы, после чего возвращалась к своим исследовательским темам.

Помимо интервьюирования, использовался *метод включенного наблюдения*, позволяющий увидеть информантов в повседневных ситуациях. Некоторые из ситуаций наблюдались автором во время участия в организации и проведении тематических мероприятий в краеведческом музее «Поморье» Кемского района, а также при осуществлении помощи в систематизации и описании экспонатов в двух сельских музеях, деятельность которых построена на обращении к местным традициям и локальной истории (Музей поморского быта «Хламной сарай» в Нюхче, Музей быта и истории села Гридино).

Анализ собранного материала проводился с применением некоторых

положений «обоснованной теории» (*grounded theory*). Данную методику представили американские социологи А. Стросс и Б. Глейзер в 1967 г.¹²⁶, впоследствии методология и инструментарий обоснованной теории развивались в нескольких вариациях. В России более известна версия Ансельма Стросса и Джулии Корбин, изложенная в книге «Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники»¹²⁷. Идея исследования в русле этого подхода состоит в том, чтобы, не выдвигая заранее гипотез, индуктивным путем анализа данных «вывести» теорию изучаемого явления из собранного материала посредством процедур кодирования и категоризации текстов. Теория должна быть укоренена в первичных данных, не терять с ними связи. Опыт использования методологии и инструментов обоснованной теории представлен в работах Андреаса Бёма¹²⁸, И.В. Забаева¹²⁹, С.В. Лурье¹³⁰, Н.С. Ворониной¹³¹, С. Полещук¹³².

Согласно данному подходу, в основе анализа полевых материалов лежит *техника кодирования*, в процессе которой текст (транскрипт интервью) последовательно разбивается на отдельные смысловые фрагменты, которым присваивается код, затем посредством тематической группировки кодов формируются категории, и дальнейшие аналитические процедуры

¹²⁶ Glaser B.G., Strauss A. L. The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research. Chicago, 1967. 271 p.

¹²⁷ Strauss A., Corbin J. M. Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques. Newbury Park, Calif, 1990. На русский язык книга была переведена в 2001 году: Стросс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники. М., 2001. 254 с.

¹²⁸ Böhm A. Theoretical Coding: Text Analysis in Grounded Theory // U. Flick, E. Kardorff, I. Steinke. A Companion to Qualitative Research. London, 2004. Pp. 270-275.

¹²⁹ Забаев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (Grounded Theory): версия Б. Глейзера // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2011. № 32. С. 124-142.

¹³⁰ Лурье С.В. В поисках новых форм самоидентификации русского городского населения (методология Grounded theory в практическом исследовании) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 88-105; Она же. В поисках новых форм самоидентификации русского городского населения (методология Grounded theory в практическом исследовании). Статья 2. Стадия избирательного кодирования // Общественные науки и современность, 2014, № 1. С. 151-162.

¹³¹ Воронина Н.С. Опыт кодирования «на бумаге», или Как исследователю с количественным бэкграундом научиться анализировать интервью // Практики анализа качественных данных в социальных науках. М., 2023. С. 121-141.

¹³² Полещук С. Преодолевая практику cherry picking: аналитический путь от 100 часов интервью до диссертационной главы // Практики анализа качественных данных в социальных науках. М., 2023. С. 164-199.

направляются на выявление между ними связей и паттернов. Стратегия кодирования А. Стросса и Дж. Корбин предполагает три этапа:

1) Открытое кодирование: чтение текста, выделение смысловых фрагментов и присваивание им кодов. Коды могут быть разными – описательными, интерпретирующими, в качестве них могут выступать эмные высказывания (слова информанта), но главное при этом не потерять смысл, который информант вносит в свое высказывание;

2) Осевое кодирование: объединение кодов в группы. На данном этапе ведется работа со списком кодов, уточняются наименования, коды объединяются по темам, тем самым выявляются категории анализа;

3) Избирательное/селективное кодирование: осмысление выделенных групп кодов, выявление связей внутри них и между ними, описание ключевых категорий анализа.

Для осуществления процедуры кодирования я использовала программу для анализа качественных данных ATLAS.ti, основные функции которой включают возможности кодирования текстовых данных, организации кодов в группы, построения связей между ними, визуализации данных, добавления заметок, экспорта данных в различных форматах. Транскрипты интервью были загружены в программу и последовательно закодированы.

Коды формировались на основе собранных данных, из текстов интервью, а не были заранее определены до сбора полевого материала. На рис. 1 представлен процесс кодирования текста таким образом. В качестве примера рассмотрю отрывок, где информантка отвечает на вопрос «Что вы вкладываете в понятие быть помором?»: *«Быть помором, ну конечно, уважать традиции, чтить, родителей уважать, знать все, всю свою родословную, как бы, ну вот... Все, что связано с морем, понимать, что помор помору говорит, вот этот вот язык понимать, наверное»* (жен., 1967 г.р., Беломорск). Все высказывание я отметила кодом *«поморы это...»*. Также в данном фрагменте текста присутствуют несколько выделяемых информанткой составляемых поморской идентичности: апелляция к традициям, уважение к

своим корням, связь с морем, понимание «поморского языка». При первичном кодировании я использовала один общий код «маркер» для всего, что осознанно артикулировалось информантами как отличительные признаки поморов; в дальнейшем для удобства работы разделила его на отдельные коды с использованием аббревиатуры *M_* (маркер), в данном примере это: *M_культура и традиции*, *M_корни*, *M_связь с местом*, *M_язык*. Впоследствии они вошли в группу кодов «Маркеры», код «*поморы это...*» вошел в группу «Идентичность».

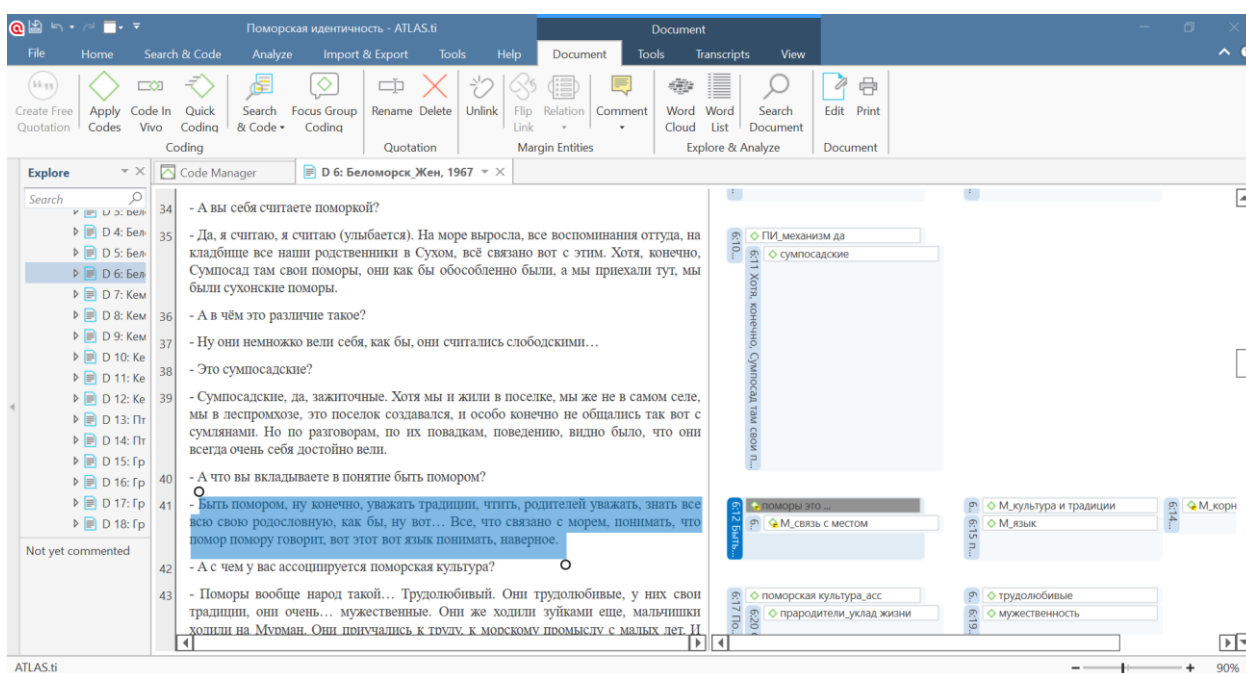


Рис. 1 Работа с транскриптом интервью в программе ATLAS.ti – кодирование текста

Функционал программы предлагает удобный инструмент быстрого поиска и экспорта в текстовом или табличном виде списка всех цитат информантов по заданному коду. Пример этого представлен в Приложении 3, где выведены цитаты информантов, относящиеся к коду «поморы – это...». Таким образом, разбивка текста на коды позволяет сформировать перечни высказываний информантов по определенной теме.

Процедура кодирования начиналась по мере проведения первых интервью, и продолжалась с каждым последующим сбором данных. На разных

этапах обработки информации мог корректироваться вопросник для следующих интервью, учитывая возникающие наблюдения и гипотезы. С наращиванием количества интервью постепенно увеличивался и перечень первичных кодов, поэтому необходимо было периодически пересматривать список кодов и проанализированные ранее тексты на предмет повторов, объединять схожие по смыслу коды, выбирая наиболее точно отражающие суть высказывания определения. Например, семантически близкие коды «М_место жительства», «М_место рождения» и «М_место рождения и жизни» были объединены в код «М_связь с местом». Все коды, относящиеся к этнодифференцирующим признакам, вошли в группу «Маркеры» (Рис. 2).

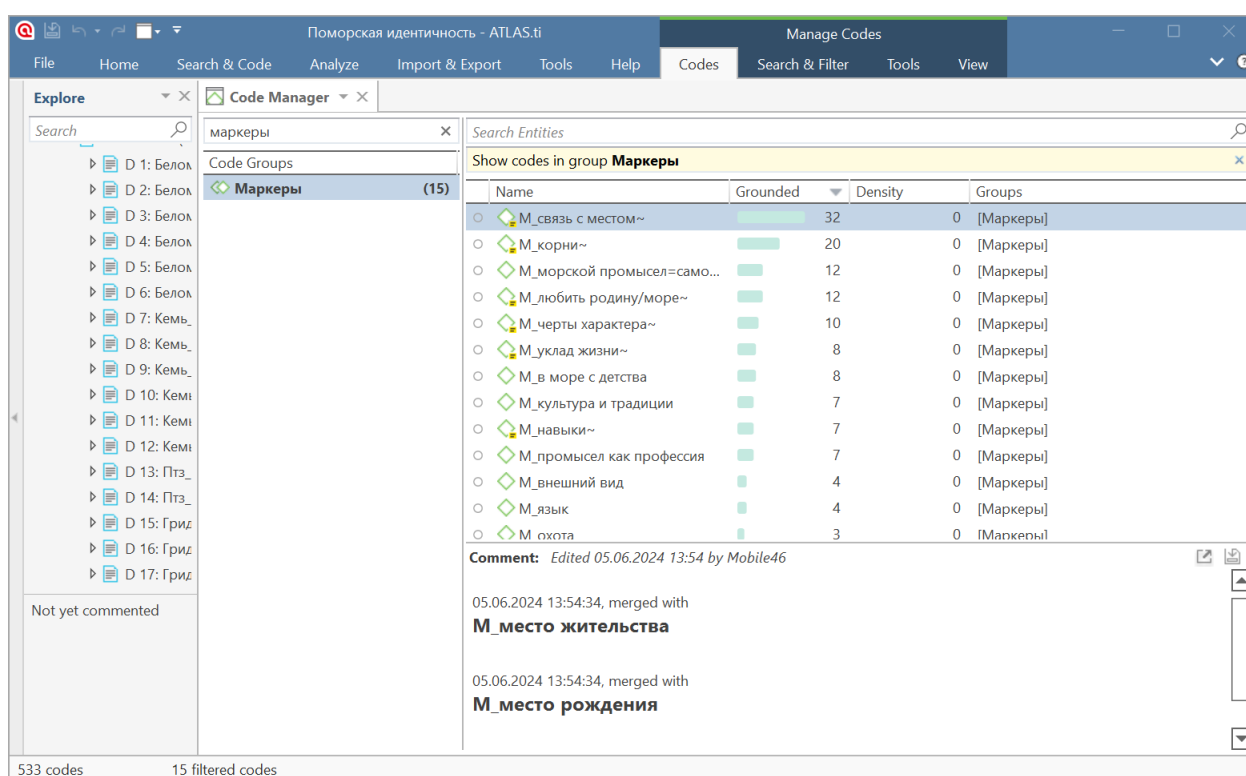


Рис. 2 Пример состава группы кодов «Маркеры»

В результате осевого кодирования (группировки кодов по темам) было выделено 23 группы кодов, из них релевантными задачам настоящего исследования определены следующие: идентичность (42 кода), маркеры (15), идентичность детей (7), «поморские черты» (40), история края (32), местные нормы (14), традиции (61), организации и проекты (49), поморское движение (8), интерес к поморской теме (13). Дальнейшие аналитические процедуры

были направлены на анализ кодов по группам, выявление внутренних взаимосвязей. В рамках настоящей работы данный подход явился в первую очередь удобным способом систематизации собранного массива данных, позволил выявить наиболее часто встречающиеся категории, которые возникают в дискурсе информантов касательно поморской идентичности, и определить значимые маркеры идентичности.

Изучение проявлений и репрезентации поморской идентичности в локальном дискурсе проходило с применением методов контент-анализа и киберэтнографии. С помощью *качественного контент-анализа* были проанализированы материалы СМИ и публикации в социальных сетях по теме исследования. Методы *киберэтнографии*, в настоящее время активно осваиваемые российскими учеными¹³³, оказались полезны при анализе местных сообществ в социальных сетях. Киберэтнография (или виртуальная/цифровая этнография) прослеживает, как виртуальная жизнь встраивается в повседневную реальность, изучает реальную (офлайн) и виртуальную (онлайн) идентичность. Виртуальная идентичность предполагает самовыражение в киберпространстве, которое связано с позиционированием и презентацией этнических сообществ в социальных сетях, на сайтах и форумах.

Работа с собранным полевым материалом и массивом источников велась с применением *дескриптивного метода*, который заключается в описании изучаемого явления на основе комплексного использования источников, *сравнительно-исторического анализа*, являющегося основным методом обобщения и систематизации материалов, и *системного метода*, позволяющего рассмотреть поморскую идентичность в качестве системы, выявить ее элементы и механизмы, внутренние и внешние связи и условия существования.

¹³³ Разумова И.А., Сулейманова О.А. Саамские сетевые сообщества в «этническом интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2. С. 114–122; Соколовский С.В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22; Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб., 2021. 280 с.

Источниковая база исследования. Исследование основано на комплексе источников: полевые, архивные и опубликованные материалы, данные статистики и нормативно-правовые акты, СМИ, интернет-ресурсы, социальные сети.

Основу работы составляют *полевые материалы* автора, собранные в результате выездов в 2020-2023 гг. в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карелии, входящие в территориальные рамки исследования, а также в Кандалакшский район Мурманской области для привлечения сравнительного материала (см. Приложение 1, карта 3). Было записано 75 интервью, из них 26 интервью в городской (Петрозаводск, Кемь, Беломорск, Кандалакша) и 49 интервью в сельской местности (Нюхча, Летняя Речка, Поньгома, Гридино, Чупа, Лоухи, Малиновая Варакка, Нижняя Пулонга, Кереть, Черная Река, Княжая Губа, Колвица). Описи и расшифровки хранятся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. По полу и возрасту информанты распределяются следующим образом: 49 женщин, медианный возраст – 1957 г.р., от 1988 до 1930 г.р., и 26 мужчин, медианный возраст – 1960 г.р., от 1994 до 1944 г.р. Из опрошенных 14 человек (11 женщин, 3 мужчин) работают в сфере культуры и/или занимаются проектами, связанными с поморским этнокультурным наследием, преимущественно это жители городов.

Фокус интервью был направлен на вопросы, посвященные сохранению элементов традиционной культуры на уровне повседневных практик и праздников, хозяйственной деятельности; поморской культуре и идентичности, формам ее репрезентации в современных условиях. Цитаты информантов в работе приводятся без персональных данных, однако указан пол, год рождения и место записи интервью; в некоторых случаях дополнительно дается информация о месте рождения человека.

В ходе полевых исследований сформировался также фонд фотоматериалов, который позволяет представить визуальные образы поморской этничности и способы ее современной репрезентации и воспроизведения.

Полевые материалы для настоящего исследования были собраны благодаря участию в нескольких научных и общественных проектах, включающих экспедиционные выезды в районы, входящие в территориальные рамки изучаемой темы: «Фольклорная кладовая» (2020 г., финансирование Министерства национальной и региональной политики Республики Карелия, сбор материала в г. Кемь и г. Беломорск); «Карельское Поморье–2021» (2021 г., финансирование Петрозаводского государственного университета, работа в с. Нюхча); «Инициативы для сельских музеев Карелии: Гридино» (2021-2022 гг., финансирование Фонда президентских грантов, работа в с. Гридино); «Традиции и новации в региональной идентичности жителей современных арктических районов (муниципальных образований) Карелии: историко-социологическое исследование» (2022-2023 гг., РНФ №22-28-20318, рук. С.Э. Яловицына, сбор материала в Беломорском и Кемском районах); экспедиции ИЯЛИ КарНЦ под руководством М.В. Кундозеровой по изучению и собиранию материалов о карелах и поморах Кандалакшского (2021 г., финансирование Карельского просветительского общества), Лоухского (2022 г.) и Кемского (2023 г.) районов.

В работе частично привлекались *неопубликованные архивные источники*. Среди документов из фондов Научного архива КарНЦ РАН необходимо отметить информативные рукописи И.М. Дурова¹³⁴, материалы экспедиции А.М. Линевского в Гридино и Калгалакшу в 1943 г.¹³⁵, очерк «Карельское Беломорье в XIX в.» А.Т. Сергеева¹³⁶. Этнографические рассказы, которые сопровождают записи различных жанров фольклора, содержатся в материалах фольклорных экспедиций сотрудников ИЯЛИ в Лоухский¹³⁷,

¹³⁴ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 33. Д. 440; Ф. 1. Оп. 32. Д. 237; Разр. XI. Оп. 2. Д. 67, 69.

¹³⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784-791.

¹³⁶ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 41. Д. 66.

¹³⁷ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Колл. 58-59 (рук. К.В. Чистов, соб. К.Ф. Прохорова, А.Ф. Солякова, Н.С. Полищук); Колл. 124 (соб. А.П. Разумова и А.А. Митрофанова); Колл. 146 (соб. Н.Ф. Онегина).

Кемский¹³⁸ и Беломорский¹³⁹ районы. Некоторые сведения по теме были получены из отчетов и полевых дневников экспедиций сотрудников Национального музея Республики Карелия 1950-2000-х гг., хранящихся в архиве музея¹⁴⁰.

Группа *опубликованных источников* по истории и традиционной культуре поморов Карелии включает:

– путевые очерки XIX – начала XX в. Н.Я. Озерецковского, П.И. Челищева, С.В. Максимова, А.В. Эрвасти, К.К. Случевского, В.В. Сулова, А.П. Энгельгарда, А.Г. Слезкинского;

– статьи исследователей и краеведов, опубликованные на страницах дореволюционной периодической печати (Архангельские и Олонецкие губернские ведомости, Архангельское общество изучения Русского Севера);

– научно-исследовательские работы по изучению северных морских промыслов первой половины XX в. (отчеты В.Р. Алеева, Р.П. Якобсона, В.Е. Розова, напечатанные в «Материалах к познанию русского рыболовства»; описание быта и промыслов населения западного побережья Белого моря В.В. Никольского);

– материалы советской периодической печати («Карело-Мурманский край», «Экономика и статистика Карелии» и др.).

Отдельно следует выделить статистические материалы и нормативно-правовые акты, сведения из которых привлекались для написания исторической справки и сюжетов, касающихся современной социально-экономической ситуации в изучаемых районах. К *статистическим материалам* относятся данные списков населенных мест (Архангельской губернии, 1861 г., 1905 г.; Карелии, 1926 г., 1933 г.), статистические обзоры (обзор Архангельской губернии за 1904 г., «Архангельская Карелия», 1908 г.),

¹³⁸ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Колл. 36 (рук. К.В. Чистов); Колл. 124-125 (соб. А.П. Разумова и А.А. Митрофанова).

¹³⁹ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Колл. 53, 81, 94, 109, 123-127, 129-132 (соб. А.П. Разумова, Т.А. Коски, Е.И. Русакова, Т.И. Сенькина); Колл. 135 (соб. Н.А. Криничная, В.И. Пулькин); Колл. 145 (соб. А.П. Разумова, И.А. Разумова); Колл. 155 (соб. Т.И. Сенькина).

¹⁴⁰ НМРК. Д. 61; Д. 258; Д. 335; Д. 398; Д. 584; Д. 644; Д. 779; Д. 1243-1244; Д. 1248; Д. 1630.

документы анкетирования населенных пунктов Беломорского, Кемского и Лоухского районов в 1981-1984 гг.¹⁴¹, данные муниципальной статистики Карелиястата, размещенные на официальном сайте организации. Сведения о численности поморов с 2002 г. получены из материалов всероссийских переписей населения. *Нормативно-правовую* базу источников составили документы по Арктической зоне РФ, включая Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. №645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.», приказы Министерства сельского хозяйства РФ об утверждении правил рыболовства для Северного рыбохозяйственного бассейна, распоряжения Правительства Республики Карелия о реализации государственной национальной политики на территории региона.

С целью изучения позиционирования поморской идентичности в локальном общественном дискурсе привлекались:

– *материалы СМИ*: органы районной («Беломорская трибуна», «Сорока Беломорская», «Советское Беломорье», «Кемский курьер», «Наше Приполярье») и республиканской периодической печати, включая интернет-издания (информационное агентство «Республика», ГТРК «Карелия», новостной портал телекомпании «Сампо ТВ 360°»; СМИ, издаваемые частными компаниями: газета «Губернiя Daily», интернет-издания «Столица на Онего» и «Петрозаводск говорит»);

– *интернет-ресурсы*: сайты администраций Лоухского, Кемского и Беломорского районов и их официальные страницы в социальной сети «ВКонтакте»;

– *тематические сообщества в социальной сети «ВКонтакте»*: официальные страницы культурных учреждений и общественных организаций; новостные группы городов Кемь и Беломорск, пгт. Чупа; группы, посвященные поморским поселениям.

¹⁴¹ НА РК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 1; 2; 4.

Научная новизна. Работа представляет собой первое комплексное исследование этнической идентичности поморов Карелии, включающее определение наиболее значимых маркеров идентичности в условиях городской и сельской среды, выявление факторов актуализации поморской идентичности, анализ репрезентаций поморской идентичности в Республике Карелия в общественном дискурсе и практиках. Введены в научный оборот новые архивные документы по исследуемой теме и полевые материалы, собранные автором. Апробирована методика обработки и анализа полевого материала с применением техники кодирования текста.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования. Исследование позволяет определить основы современной поморской идентичности, оценить положение и этническое самочувствие поморов в этнокультурном пространстве Республики Карелия. Результаты работы могут быть использованы при разработке теоретических проблем этнологии, связанных с этнической идентификацией, стратификацией этнических сообществ, этническими коммуникациями. Опыт организации эмпирического исследования и набор взаимосвязанных методических приемов может быть использован при изучении современных идентичностей разного уровня. Материалы и выводы диссертации могут быть востребованы при написании обобщающих трудов, посвященных этнографическому изучению русских в России и Республике Карелии. Они могут применяться в сферах музейной деятельности, охраны культурного наследия и региональной политики в Республике Карелия, а также в образовательном процессе при подготовке материалов по истории, этнографии и этнической идентичности поморов. Некоторые результаты работы уже были изложены в лекциях, прочитанных в Карельском филиале РАНХиГС в рамках программы профессиональной переподготовки «Экскурсовод (гид)»; в Национальном музее Республики Карелия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Наиболее распространенные маркеры современной поморской идентичности в Карелии образуют совокупность трех слагаемых: факт рождения и/или проживания у Белого моря; приобщение к хозяйственным практикам, связанным с морским рыболовством; наличие родственных связей и «поморских корней». Занятие морской промысловой деятельностью в настоящее время является чаще символическим этнодифференцирующим признаком, чем практикуемым действием.

2) Поморская идентичность является частью множественной этнической идентичности. В подавляющем большинстве случаев поморская идентичность включается в русскую, что проявляется в самоопределении «русский помор / русская поморка». В пограничной зоне Карельского и Кандалакшского берегов (прибрежные территории Лоухского р-на Карелии и Кандалакшского р-на Мурманской обл.) между общностями поморов и карелов фиксируются случаи проявления смешанной карельско-поморской этничности (двойная этническая идентичность «карельские поморы», «поморы-карелы»; совмещение терминов этнической самоидентификации «карелы» и «поморы»), что обусловлено близкими хозяйственными и брачными контактами.

3) В сельской местности поморская идентичность поддерживается за счет участия в морских хозяйственных практиках и непосредственного проживания «у моря», визуализируется в экспозициях сельских музеев, демонстрируется и артикулируется в ситуации праздничных мероприятий. В городской среде поморская идентичность укрепляется через приобщение к традиционным способам самообеспечения, посещение родовых мест, погружение в историю семьи, участие в тематических культурно-досуговых мероприятиях, создание виртуальных сообществ, посвященных поморским поселениям, и материальные предметы, символизирующие принадлежность к поморской культуре.

4) Появившееся в начале XXI в. в Архангельской обл. поморское движение для защиты правовых и экономических интересов поморов через признание за ними статуса коренного малочисленного народа не получило ответного импульса в Карелии. Актуализация поморской идентичности в Республике Карелия в 1990–2020-х гг. локализовалась в культурной сфере и выразилась в росте числа проектов по сохранению поморского культурного наследия.

5) Основными агентами этого процесса являются сотрудники культурных учреждений, музеев, библиотек. Фокус реализуемых этнопроектов направлен на изучение и репрезентацию традиционной культуры поморских сообществ XIX – начала XX в., а способом демонстрации этничности чаще всего является формат культурно-досуговых мероприятий.

6) В рамках региональной арктической парадигмы, обусловленной включением северных районов Карелии в АЗРФ, одним из основных векторов социально-экономического развития выбрана ориентация на туристическую индустрию, в связи с чем главной ценностью местного поморского сообщества признается его историко-культурное наследие. Оно рассматривается как культурный ресурс, обладающий потенциалом для повышения туристической привлекательности территории. Схожий подход к позиционированию поморов как значимого этнокультурного символа проявляется на уровне местной власти в Лоухском и Кемском р-нах, в то время как в Беломорском р не поморская идентичность продолжает играть заметную роль в конструировании современной локальной идентичности.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в 15 докладах на международных, всероссийских и региональных научных мероприятиях, среди которых: IX Шегреневские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт–3» (Санкт-Петербург, 2020 г.); межрегиональная конференция «Беломорье: история и культура с древнейших времен до наших дней» (Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2020 г.); региональная конференция «Краеведческие

чтения: Карелия в слове, тексте, образе» (Петрозаводск, 2021 г.); XIV, XV и XVI Конгрессы антропологов и этнологов России (Томск, 2021 г.; Санкт-Петербург, 2023 г., Пермь, 2025 г.); всероссийская конференция с международным участием «Полярные чтения» (Санкт-Петербург, 2021 г.); юбилейная конференция КарНЦ «Интеграционные процессы в российском и международном научном пространстве: опыт и перспективы» (Петрозаводск, 2021 г.); конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (Москва, ИЭА РАН, 2022 г.); всероссийская конференция «Бубриховские чтения: языки и культуры в эпоху цифровизации» (Петрозаводск, 2022 г.); всероссийская конференция по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера «Рябининские чтения» (Петрозаводск, 2023 г.); всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитарные исследования в регионах Российской Арктики» (Апатиты, КНЦ, 2024 г.); конференция «Социокультурные трансформации в сообществах Севера и Арктики» (Москва, ВШЭ, 2024) и др. Результаты диссертационной работы изложены в 11 публикациях, из них 6 статей в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ (4 из них – RSCI).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка источников и литературы, а также приложений.

Глава 1. Попытка этнической мобилизации: поморское движение и его влияние на территории Карелии

§ 1. Краткая история образования поморских поселений в Карелии

К территории современной Республики Карелия относится юго-западная часть беломорского побережья: весь Карельский берег и основная часть Поморского берега до границы с Архангельской областью между селами Нюхча и Малошуйка (см. Приложение 1, карта 1).

Принято считать, что заселение северных территорий, примыкающих к берегу Белого моря, шло в XII-XV вв. двумя основными путями, известными в науке под названиями новгородской и верхневолжской (низовской) колонизации¹. Переселенцы из новгородских земель осваивали в первую очередь юго-западное побережье Белого моря, включая территории современного Карельского Поморья; выходцы из Волго-Окского междуречья оседали в бассейне Северной Двины, откуда позднее жители Двинской земли, локализованной в нижнем течении реки, расселились по побережью Двинской губы и южному берегу Кольского полуострова у рек Умба и Варзуга. Данные топонимии², языкознания и диалектологии³ свидетельствуют о том, что к моменту их появления на беломорских территориях уже проживало аборигенное финно-угорское население, и формирование севернорусского населения проходило путем синтеза различных этнических компонентов. Помимо этого, Т.А. Бернштам отмечала, что вместе со славянами на Север также переселялись представители скандинавского, балтского и финно-

¹ Власова И.В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М., 2015. С. 30.

² Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Петрозаводск, 2007. С. 71-77; Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011. 342 с.; Кузьмин Д. В. История освоения Карельского Поморья (в свете языковых данных) // *Linguistica Uralica*. 2016. Т. 52, № 3. С. 179-194; Муллонен И. И. Карельский след в топонимии Поморского берега Белого моря // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 2. С. 231-247.

³ Кюршунова И.А., Гусева Е.Р. Карельское Поморье в лингвистическом контексте // Научный диалог. 2020. № 10. С. 62-95; Мызников С.А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М.; СПб., 2021. 912 с.

угорского населения Новгородской земли и Волго-Окского междуречья⁴. Вопрос о соотношении колонизации-заселения и колонизации, сводившейся к установлению власти русских князей над северными территориями, до сих пор остается дискуссионным⁵.

Возникновение постоянных русских поселений на беломорском побережье, согласно письменным источникам, возводится к периоду с середины XIV в. до конца XVII в. Основной путь освоения Западного Поморья русскими пролегал из бассейна Онежского озера через водораздел к верховьям реки Выг, на юго-восточную часть Выгозера, затем менял свое направление и через водораздел выходил на систему озер Коросозеро-Пулозеро-Сумозеро, далее по реке Суме на побережье Белого моря⁶. Изменение движения, вероятно, было связано с тем, что земли на севере Карелии к тому времени уже принадлежали пяти родам карельской феодальной знати – «пяти родам корельских детей», союзникам Новгорода⁷.

Самые ранние упоминания о земельных владениях новгородцев по реке Сороке относятся к 1419 г.⁸; о существовании к 1450 г. Кемской и Сумской волостей говорит закладная Марфы Борецкой Соловецкому монастырю⁹. Вотчины новгородской и карельской знати соседствовали между собой на юго-западном побережье Белого моря до ликвидации самостоятельности Новгорода и потери его земельных владений в 1478 году. Пути освоения данных территорий подтверждают этнически окрашенные названия, фигурирующие в более поздних переписных документах XVI-XVIII вв.: к востоку от устья реки Онега упоминаются *Двинская сторона*, к западу – *Карельская сторона* Поморья, а также *Русский конец* и *Русская сторона*, под

⁴ Бернштам Т. А. Поморья: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 30-33.

⁵ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 10; Саарикиви Я. История карельского языка // Народы Карелии: историко-этнографические очерки / Отв. ред. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск, 2019. С. 56.

⁶ Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVII веках. М., 1974. С. 145.

⁷ История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 97.

⁸ Кошкина С.В. Сорока - Беломорск, 1419-1938: краеведческие записки, летопись. Петрозаводск, 2012. С. 13.

⁹ Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 43-44.

которыми понимались селения Сорока, Сума, Шижня, Вирма и Нюхча¹⁰. Позднее закрепилось деление всей линии беломорского побережья на ряд *берегов*: Терский, Кандалакшский, Карельский, Поморский, Онежский, Летний и Зимний.

Историк А.Ю. Жуков установил, что в купчих середины XV в. уже появляются территориальные определения земельных участков в «Поморье», «по морскому берегу»; источники XVI в. под Поморьем подразумевали все западное побережье Белого моря и Мурман – от устья р. Онеги на юге и вплоть до Колы на севере. К концу XVI в. в различных документах все чаще появлялись названия «поморец», «поморцы» и «поморянин». Они относились к населению Западного Беломорья, терминологически отделяя их от Двинского и Каргопольского уездов, *двинян* и *каргополов* Восточного Беломорья, а на западе от *лопян* – карел материковых Лопских погостов¹¹.

В XVI-XVII вв. новгородский период освоения поморских земель сменился монастырским. Соловецкий монастырь сыграл большую роль в территориальном объединении поморских волостей, осуществляя административные функции и объединяя население посредством установления приходов. По данным писцовых книг 1563 г., самой густонаселенной была Сумская волость с числом дворов более 120; в Нюхоцкой волости насчитывалось около 45 дворов; в Виремской, Колежемской волостях и Сухом Наволоке от 20 до 30 дворов¹². Кереть (44 двора) с Черной Рекой и Чупой входили в территориально-хозяйственный округ вместе с Кандалакшей, Княжой Губой, Ковдой и Порьей Губой, расположенный на пути в Колу к мурманским промыслам.

¹⁰ Жуков А.Ю. История карелов Поморья и Беломорской Карелии в свете новых источников конца XVII–XVIII вв. // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск, 2016. С. 51.

¹¹ Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 86.

¹² Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVII вв. М., 1974. С. 166. Авторы отмечают, что писцовые книги 1620 г., 1628 г. и 1647 г. содержат пропуски в описаниях, в вотчинах Соловецкого монастыря упоминаются только центры волостей.

В конце XVI в. поморские территории начали терять население в результате нападений отрядов шведов и «каянских немцев» (финнов). В ходе войны со Швецией в 1589-1592 гг. были полностью сожжены Кемский и Сумский остроги, деревни Вирма и Шижня на Поморском берегу, на Карельском берегу разорены варницы, тони и промысловые избы. Наибольшее сокращение населения вследствие военных набегов и разорений Смутного времени было зафиксировано в писцовых книгах 1620-х гг.¹³. В связи с ростом военной угрозы на северных границах государства возросло и значение Соловецкого монастыря как защитного форпоста. В 1592 г. был создан особый административный округ Соловецкого монастыря, в который вошли поморские и северо-карельские вотчины обители. К этому времени относится образование нескольких постоянных поселений на Карельском берегу (Гридина Губа, Калгалакша, Поньгома и Летняя Река).

Оборонительная деятельность, раздача льгот и освобождение монастырских вотчин от пошлин позволили стабилизировать положение поморских волостей и создать условия для развития промыслов и торговли. Ревизские сказки 1720 г. и 1782 г. зафиксировали постепенный рост населения поморских волостей; наиболее многочисленными были Сумская (около 200 дворов), Ньюхотская (до 100 дворов), Сорочинская (около 65 дворов) и Колежская волости (около 55 дворов)¹⁴.

На протяжении XVIII в. поморские волости не раз меняли свое административное подчинение, входя в состав Архангелогородской губернии, Вологодского наместничества, Олонецкого наместничества¹⁵. В 1764 г. в результате секуляризации был упразднен Соловецкий округ, и монастырь стал выполнять только функцию духовной обители. Указ 1802 г. закрепил Кемский уезд в составе Архангельской губернии. Границы и волостной состав уезда неоднократно менялся; к рассматриваемой территории относились Керетская,

¹³ Витов М.В., Власова И.В. Указ. соч. С. 178.

¹⁴ Витов М. В., Власова И. В. Указ. соч. С. 179-180.

¹⁵ Кораблев Н.А. Эволюция административно-территориального устройства Карелии в XIII - начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1 (130). С. 12, 14.

Поньгомская, Шуерецкая, Сорокская, Лапинская, Колежомская и Нюхотская волости, Сумский Посад (см. Приложение 1, карта 2).

По данным «Списков населенных мест Архангельской губернии»¹⁶, в середине XIX в. Поморский берег был наиболее многолюдным среди остальных берегов Белого моря, выделяясь многодворностью поселений. Основные хозяйственные занятия населения, проживающего на берегу Белого моря, естественным образом были связаны с морем и морскими ресурсами. К концу XIX – началу XX в. основу хозяйственной модели поморских поселений рассматриваемой территории составляли: мурманские «дальние» рыболовные промыслы (треска, палтус, пикша); беломорские «ближние» рыболовные промыслы (сельдь, семга, навага); бой морского зверя (в Кандалакшском заливе, горле Белого моря, у берегов Шпицбергена и Новой Земли); судостроение; внутренняя и внешняя торговля; сельское хозяйство¹⁷. Отхожие ближние промыслы, в том числе работа на лесозаготовках, были распространены больше в селениях, расположенных рядом с лесопильными заводами – Кереть, Черная Река, Сорока, Выгостров, Шижня. Население Шуи, Сухого, Вирмы, Сумского Посада, Колежмы и Нюхчи участвовало в них меньше, «считая это позорным»¹⁸, т.е. менее престижным по сравнению с морскими промыслами, и почти целиком сосредотачивалось на мурманских промыслах, морских торговых и транспортных перевозках.

Участие подавляющей доли мужского населения большей части Поморского берега и юго-восточной части Карельского берега в дальних мурманских промыслах способствовало широкому развитию на данной территории комплекса праздничных обрядов, связанных с проводами и встречей рыбаков и зверобоев с дальних промыслов, строительством и

¹⁶ Списки населенных мест Российской империи. Вып. 1: Архангельская губерния. СПб., 1861. 131 с.

¹⁷ Джиошвили Э.А. Традиционные хозяйственные занятия и промысловый календарь Карельского Поморья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 53–61.

¹⁸ Якобсон Р.П. Статистико-экономическое обследование морского побережья и рыболовных угодий на Онежской губе между г. Кемью и Онегой и Онежского закола в 1911 году // Материалы к познанию русского рыболовства. 1913. Том 2. Вып. 5. С. 18.

спуском на воду судов¹⁹. Как и у поморов других берегов, промысловая специфика оказала влияние на календарную обрядность. Т.А. Бернштам пришла к выводу, что в основе промыслового календаря поморов лежал упрощенный аграрный календарь, трансформировавшийся в связи с изменением хозяйственной деятельности²⁰. Основными церковными праздниками, которые делили промысловые сезоны в Карельском Поморье, были: *Евдокия* (1/14 марта), *Егорьев день* (23 апреля/6 мая), *Благовещение* (25 марта/7 апреля), *Ирина* (5/18 мая), *Никола Вешний* (9/22 мая), *Петров день* (29 июня/12 июля), *Успение* (15/28 августа), *Иван Постный* (29 августа/11 сентября), *Покров* (1/14 октября), *Никола Зимний* (6/19 декабря). *Никола Вешний* и *Никола Зимний* являлись рубежами в промысловых путях, с ними также было связано множество погодных и промысловых примет.

События первой трети XX в. – Первая мировая война, строительство Мурманской железной дороги, революции и установление советской власти, гражданская война и интервенция, индустриализация 1920–1930-х гг. – способствовали притоку населения и постепенному размыванию культурных традиций, характерных для поселений на берегу моря; повлекли за собой диверсификацию экономики края и изменения в структуре занятости местных жителей. К 1918 г. оказались нарушены хозяйственные связи, в которых главная роль отводилась Архангельску как центру товарного обмена. В результате исторически сложившиеся торговые и транспортные пути, связывавшие Поморье в единое пространство, были перестроены.

В 1920 г. была создана Карельская трудовая коммуна (КТК), в 1923 г. КТК была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (АКССР)²¹. В 1927 г. постановлением ВЦИК упразднялось уездно-волостное территориальное деление, вместо уездов и

¹⁹ Бернштам Т. А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX – начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: традиции и культура сельского населения. Л., 1977. С. 88–115.

²⁰ Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. С. 369.

²¹ Покровская И.П. Административно-территориальные изменения в Карелии за 1920-1957 гг. Петрозаводск, 1960. С. 6.

волостей были образованы районы и сельсоветы. Прибрежные поселения вошли в состав 4 районов: Кандалакшского, Лоухского, Кемского и Сорокского. Позднее, в 1938 г., Кандалакшский район был передан Мурманской области, а Сорокский район переименован в Беломорский. С этого времени прибрежные территории Белого моря, вошедшие в состав Карелии, находятся в границах трех районов – Лоухском, Кемском и Беломорском.

Согласно списку населенных мест, составленному по результатам переписи 1933 г., численность сельского населения поморских поселений практически не превышала дореволюционных показателей 1905 г. (10310 чел. и 10664 чел.), вместе с тем в три раза увеличилось население Кеми и Сороки (с 3727 чел. до 11614 чел.). Рядом со старыми поморскими поселениями стали возникать рабочие поселки: поселок лесозавода в Керети, Чупа-станция, Кузема, станции Поньгома, Шуерецкое, заводские поселки у Сороки, где жили семьи работников железнодорожных станций и лесной отрасли. На прибрежных территориях развернулись изыскательные работы, началось строительство горнодобывающих предприятий и рудников, что способствовало образованию ряда горняцких поселков вблизи моря – Хетоламбина, Малиновая Варакка, Нижняя Пулонга, Плотина, Чкаловский, Тэдино. В 1931-1933 гг. силами заключённых Белбалтлага был построен Беломорско-Балтийский канал, в 1939-1941 гг. – железнодорожная ветка Сорока-Обозерская, соединившая Мурманскую и Северную железные дороги. На протяжении от Сороки до Маленги (около 130 км) на территории в границах современного Беломорского района располагалось 13 или 14 лагерей, а также лагерные зоны в Колежме, Сумском Посаде и Нюхче²².

В поморских поселениях в 1930-х гг. были созданы рыболовецкие колхозы, которые стали стержнем социально-экономической жизни. В них сочетались различные виды хозяйственной деятельности, включая сельское

²² Волкова Н.Н. Лихолетье Беломорья. Петрозаводск, 2011. С. 69.

хозяйство, лесозаготовки и отходничество, но ведущим оставалось рыболовство. В 1950-1960-х гг. на севере Карелии также усиленно развивались промышленные отрасли, что способствовало притоку населения из других районов Карелии и СССР и изменениям в структуре хозяйства. В Кемском районе развивалась гидроэнергетика, в Лоухском районе – горнодобывающая промышленность, в Беломорском – деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная. Повсеместно велись заготовки и сплав леса. В целом численность жителей северных районов Карелии за 1930-1950-е гг. увеличилась в два раза, несмотря на значительные потери в годы Великой Отечественной войны²³.

С середины 1950-х гг. население Карельского Поморья начало постепенно сокращаться, усилилась миграция людей в другие районы республики и за ее пределы²⁴. Эти тенденции коснулись и поморских поселений. Часть рыбаков из бригад, занимавшихся промыслом на Баренцевом море, впоследствии осела вместе с семьями в Мурманской области. Особенно быстро темпы снижения численности сельского населения проявились в 1970-х гг. В рамках укрупнения сельских населенных пунктов и ликвидации «неперспективных деревень» были упразднены Кереть и Летняя Речка. По данным анкетирования сельских населенных пунктов 1981-1983 гг.²⁵, в приморских районах Карелии в структуре занятости населения ведущее место заняла промышленность.

Вместе с тем 1970-1980-е гг. стали периодом экономического расцвета рыболовецких колхозов и поморских сел, где объекты социальной инфраструктуры и убыточное сельское хозяйство поддерживалось за счет прибыли от добычи морских ресурсов – рыбы и водорослей. Модернизированный траловый океанический лов, в котором участвовали колхозы, стал историческим продолжением мурманских рыболовных промыслов, лежащих в основе хозяйственной жизни населения Карельского

²³ Социально-экономические проблемы Карельского Прибеломорья. Петрозаводск, 1994. С. 5.

²⁴ Там же.

²⁵ Документы анкетирования населенных пунктов Беломорского, Кемского и Лоухского районов в 1981-1984 годах. НА РК. Ф. Р-57.

Поморья в прошлом. Прибрежное рыболовство оставалось важным средством самообеспечения для местного населения, занятого в других сферах деятельности; выезды на рыболовецкие тони были распространенным семейным досугом.

Период перестройки и экономические реформы 1990-х гг. привели к дестабилизации хозяйственных связей и ликвидации большинства рыболовецких колхозов, которые повлекли за собой закрытие объектов социальной инфраструктуры, отток местного населения в города и частичное превращение поморских сел в дачные поселки с преобладающим числом «летнего» населения над постоянным. Ограничение доступа к морским ресурсам, лишение традиционных средств самообеспечения, сложное положение рыболовецких колхозов в изменившихся экономических условиях являлись общими проблемами для всего прибрежного населения Белого моря. На этой почве в русле региональной и этнической мобилизации в Архангельской области в 1990-2010 гг. возникло и получило развитие поморское движение, которое было институционально оформлено в ряде общественных организаций. Лидеры поморского движения выдвигали идею межрегионального объединения поморов для выработки совместных решений.

§ 2. Возникновение поморского движения в Архангельской области

Названия «поморское движение», «поморское возрождение», «поморский ренессанс»²⁶ в научной литературе получил процесс консолидации поморских активистов в Архангельской области в 1990-2010 гг. с целью защиты экономических интересов и традиционной культуры поморов²⁷. Применительно к этому процессу я буду использовать название

²⁶ Тулаева С. А. Поморская идея: возникновение и развитие // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 3-17.

²⁷ Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утверждён постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255. В него включаются народы численностью менее 50 тысяч человек, проживающие в различных субъектах Российской Федерации на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

поморское движение. Настоящая работа не ставит перед собой задачу анализа поморского движения в Архангельской области, однако для меня интерес в первую очередь представляет его влияние на Карельское Поморье и степень участия в нем представителей поморов Карелии. Поэтому, опираясь на опубликованные научные работы по данной теме, кратко представим основные этапы развития поморского движения.

С.А. Тулаева связывает возникновение поморского движения в Архангельской области на рубеже 1980-1990-х гг. с поиском новой идентичности для жителей постсоветской России: «крушение масштабной советской общности привело к фрагментации прежней идентичности и вызвало необходимость в поиске новой аффилиации. Эти искания зачастую были обращены к локальным корням и традициям, имеющим досоветское происхождение»²⁸. Поморское движение было инициировано местными активистами, поддержано учеными, представителями интеллигенции и региональной власти. Одной из основных его целей стала легитимация поморской этничности посредством обращения к государству и попыток вписать себя в официально признанные этнические категории.

В 1992 г. в Архангельске был зарегистрирован национально-культурный центр «Поморское возрождение», его руководителем стал Иван Иванович Мосеев. Еще в школьные годы он увлёкся изучением поморской истории и традиционной культуры, занимался сбором лексики беломорских говоров и фольклора. На формирование интересов повлияла его бабушка, Ульяна Максимовна Лемехова, которая родилась и проживала в д. Кулой Пинежского района Архангельской области. Историю «Поморского возрождения», объединившего «земляков-поморов, увлеченных своей родной культурой»²⁹, И.И. Мосеев отсчитывает с 1987 г.; в то время он учился в Архангельском государственном медицинском институте. Целями объединения организаторы

²⁸ Тулаева С.А. Указ. соч. С. 9.

²⁹ Мосеев И.И. Поморська говоря: краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. 372 с.

считали защиту прав поморов как коренного малочисленного народа, сохранение культуры, экономики и экологии в регионе³⁰.

Параллельно с развитием поморского движения в Архангельской области выдвигалась идея межрегиональной интеграции прибрежных территорий вокруг Белого моря. Ее предложили в 1997 г. участники IX Соловецкого форума, посвященного 60-летию Архангельской области. Общественное объединение «Соловецкий форум» было создано в 1989 г. как неформальное сообщество ученых. Основной его деятельностью было проведение научных конференций, посвященных проблемам постсоветского развития общества, вопросам экономики, социологии, психологии, истории, культуры и политики. В 1992 г. сообщество было официально оформлено как общественное объединение, сопредседателями движения «Соловецкий форум» стали историк Ю.Ф. Лукин, специализирующийся в области регионологии Арктики и Севера Европы, археолог А.Я. Мартынов, занимающийся изучением археологического наследия Соловецкого архипелага, и доктор медицинских наук П.И. Сидоров, в чью сферу научных интересов входили также вопросы этнической медицины и экологии человека. При перерегистрации в 1999 г. были уточнены цели движения: развитие активности и самостоятельности граждан; удовлетворение их интересов и потребностей; защита прав и свобод³¹.

Одной из тем IX Соловецкого форума стало обсуждение негативных социально-экономических процессов в поморской среде. Участники обратились к руководителям органов представительной и исполнительной власти Республики Карелия, Архангельской и Мурманской областей, Ненецкого автономного округа с предложением создать межрегиональный Совет Белого моря «для интеграции ресурсов в разработке и осуществлении

³⁰ Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. Ph.D. Thesis. University of Aberdeen, 2019. P. 169.

³¹ В 2012 г. организация утратила статус юридического лица, оставшись неформальным общественным движением. Подробнее см. Лаврентьева А.Ю. Соловецкий форум: на пути к гражданскому обществу (1989-2012) // Арктика и Север. 2013. №10. С. 61-73.

целевой межрегиональной программы оптимального использования потенциала Белого моря и прибрежных территорий, где и проживали поморы»³². Предложение поддержали главы Архангельской и Мурманской областей А.А. Ефремов и Ю.А. Евдокимов, председатель Правительства Республики Карелии В.Н. Степанов, министр региональной политики РФ В.А. Кирпичников. Были разработаны два проекта устава Совета Белого моря.

29 октября 1999 г. на Двино-Беломорском экологическом форуме была принята Декларация о межрегиональном сотрудничестве между Республикой Карелия, Республикой Коми, Архангельской, Вологодской и Мурманской областями, Ненецким автономным округом. После доработки и правовой экспертизы проекты Соглашения о межрегиональном сотрудничестве в бассейне Белого моря и Положения о Совете Белого моря были отправлены в Мурманск, Петрозаводск и Нарьян-Мар, однако их поддержали только Мурманская область и Республика Карелия³³. Таким образом, региональная инициатива объединения территорий вокруг Белого моря не получила развития.

Вторая попытка межрегионального объединения была предпринята на уровне муниципальной власти. На X Соловецком форуме в 2001 г. было предложено создать Совет муниципальных образований побережья Белого моря для координации решения социальных и экономических проблем. В 2002 г. возникло некоммерческое партнерство «Совет Белого моря» с составом учредителей полностью из Архангельской области³⁴. Предполагалось, что в дальнейшем в партнерство войдут муниципальные образования Карелии и Мурманской области, однако, по мнению Ю.Ф. Лукина, на тот момент «существующая потребность в интеграции усилий при решении социально значимых проектов ограничивалась

³² Лукин Ю.Ф. Ипостаси Беломорского Поморья, идентификация поморов. [Препринт статьи]. URL: https://www.arcticandnorth.ru/upload/medialibrary/f74/Pomorie_Oct_07.pdf (дата обращения: 15.06.2024). С. 25.

³³ Лукин Ю.Ф. Арктические проекты межрегиональной интеграции // Арктика и Север. 2013. №13. С. 21-22.

³⁴ В состав учредителей НП «Совет Белого моря» вошли муниципальные образования «Приморский район», «Город Онега и Онежский район», общественные объединения «Архангельский зеленый крест», «Соловецкий форум» и ряд физических лиц.

отсутствием необходимых финансовых ресурсов, профессиональных компетенций, креативности»³⁵.

Существенный стимул институционализации поморского движения придали итоги переписи населения 2002 г., в которой впервые поморы были выделены в отдельную форму групповой идентичности среди русских. В «Перечне национальностей, народностей, этнических групп и языков», разработанном Госкомстатом и отредактированном учеными из Института этнологии и антропологии РАН, содержалось 170 основных категорий и 24 подразделения. Список национальностей был построен «на основе принципа либерализации переписного инструментария и методик учета населения»³⁶, первостепенным признавалось обеспечение права граждан на самостоятельный выбор этнической и языковой идентификации. Решение о введении «подгрупп» было продиктовано необходимостью фиксации общностей, которые отличаются языковой и культурной спецификой, при этом сохраняют «в самосознании и принадлежности к общему, объединяющему несколько подгрупп, целому, то есть обладают “двойным” самосознанием»³⁷. Компромисс такого подхода заключался в том, что введение принципа двойной категоризации *группа – подгруппа*, по мнению В.А. Тишкова, «позволило отразить в переписи малые (или сложные) идентичности без уменьшения численности “больших” групп»³⁸. Среди русских были выделены подгруппы «казаки»³⁹ и «поморы».

Натали Ванзидлер сообщала, что согласно ее полевым материалам, перед переписью 2002 г. в Архангельской области активистами поморского движения и местными политиками проводилась кампания с призывом записаться поморами⁴⁰; тем не менее, А.Н. Пыжова отмечала, что люди в

³⁵ Лукин Ю.Ф. Арктические проекты межрегиональной интеграции // Арктика и Север. 2013. №13. С. 23.

³⁶ Соколовский С.В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. М, 2004. С. 54.

³⁷ Там же. С. 54.

³⁸ Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение, 2020, №2. С. 119.

³⁹ В переписи 2002 г. 140028 человек отметили свою этническую идентичность как «казаки».

⁴⁰ Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. P. 176.

сельской местности о такой возможности зачастую не были проинформированы⁴¹. По результатам переписи 2002 г. поморами записались 6571 человек, из них в Архангельской области – 6295 человек, в Мурманской области – 127 человек; в Республике Карелия – всего 13 человек⁴². Большинство отметивших свою этническую идентичность как «поморы» проживало в городской среде (4779 чел.), и меньшее число в сельской местности (1792 чел.).

Следом за этим активисты поморского движения начали создавать национально-культурные автономии. Согласно ФЗ от 17 июня 1996 г. №74-ФЗ в редакции от 13.11.2003, национально-культурная автономия – это «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры»⁴³. В 2003 г. в Архангельской области было создано три местные национально-культурные автономии: «Поморов Устьянского района» (председатель совета Мосеев И.И.), «Поморов г. Архангельска» (председатель совета Есипов П.А.) и «Поморов деревни Тойнокурье» (председатель совета Мосеева Д.П.).

В 2004 г. была зарегистрирована региональная «Национально-культурная автономия (НКА) поморов Архангельской области», а чуть раньше в январе того же года – «Архангельская областная территориально-соседская община коренного малочисленного народа поморов». В сравнении с национально-культурными автономиями, община малочисленных народов

⁴¹ Pyzhova A. Identity and Regional Culture: The Case of the Pomor People in Arkhangel'sk Region, Russia. Master's Thesis. Faculty of Humanities, Social Sciences and Education University of Tromsø, 2011. P. 48.

⁴² Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (дата обращения: 15.04.2024).

⁴³ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. №74-ФЗ в редакции от 13.11.2003. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/4092868/paragraph/14749:0> (дата обращения: 23.08.2024).

имеет более широкие возможности, в частности, в сфере защиты «исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры»⁴⁴.

Обеими организациями руководил юрист Павел Александрович Есипов. Деятельность НКА касалась преимущественно сферы культуры, через нее велась реализация общественных проектов, таких как «Поморские кадетские классы», «Поморская народная артель», «Поморское новолетие»⁴⁵; в рамках общины планировалось разработка программ в области регулирования любительского и промышленного рыболовства вместе с региональным правительством, а также работа по признанию поморов коренным малочисленным народом⁴⁶.

В 2004 г. была опубликована брошюра П.А. Есипова «Поморская сторона», где аргументировалось восприятие поморов как коренного народа Севера, обосновавшегося на берегах Белого моря еще до периода образования единого Русского государства, и потому являющегося самостоятельной этнической общностью. Ядром этой этнической общности, по мнению П.А. Есипова, были потомки пришлых славянских переселенцев и местного аборигенного финно-угорского населения: «Рожденные от смешанных браков, впитавшие в себя черты двух антропологических ветвей и воспитанные на самобытной местной культуре, поморы не знали другой родины кроме Поморья»⁴⁷. Отдавая дань уважения исследованиям Т.А. Бернштам, тем не

⁴⁴ Федеральный закон от 20 июля 2000 г. №104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» в первоначальной редакции.

⁴⁵ Праздник «Поморское новолетие» проводился в Архангельске ежегодно в сентябре в период с 2001 по 2015 гг. и был посвящен «древнему обычаю начинать год осенью»; в рамках празднования устраивались, наряду с концертами фольклорных коллективов, факельные шествия и хождение по каменным лабиринтам. Как пишет Н. Ванзидлер, со временем это мероприятие стало ассоциироваться с современными языческими движениями, подвергаться критике как не соответствующее историческим данным. По мнению исследовательницы, «празднование поморского Нового года иллюстрирует внутренний раскол, возникший среди поморских активистов. В то время как одна группа заинтересовалась идеями язычества, другие, особенно те, кто поддерживал связи с деревнями и связывал духовную жизнь больше с православной церковью и старообрядцами, не поддерживали проведение праздника» (Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. P. 172).

⁴⁶ Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. P. 170.

⁴⁷ Есипов П.А. Поморская сторона. Культура и краткая история поморов – коренного народа Севера России. Архангельск, 2004. С. 4.

менее, П.А. Есипов посчитал, что выбранный ей подход к изучению поморов как группы севернорусского населения и субэтнуса русских был «ошибочным», а вместо него «вполне оправданным было бы исследование поморов как обрусевших потомков финнов (лопарей)»⁴⁸. В качестве фона для сравнения и обособления конструируемой этнической общности автор выбрал «народы средней полосы России» и обозначил, что специфическими для Поморья (и родственными с «культурами народов северных стран») были такие культурные явления, как шатровые храмы, *йозы* (ограды для пастбища из наклонных жердей), намогильные голбцы, обетные кресты, деревянные погремушки *шаркунки*, промысловая одежда, идентичная одежде у коми и ненцев. При этом в настоящее время, по мнению П.А. Есипова, «помором, как впрочем и русским, украинцем или татаринном, может называть себя каждый, кто ощущает духовное и (или) кровное родство с населением Поморья, чувствующий близость культуры, религии, обычаев этих мест и обладающий особым характером, закаленным вековой суровостью поморского Севера»⁴⁹.

В других разделах брошюры автор представил краткую информацию о «поморских промыслах» (помимо рыбной ловли и зверобойного промысла, указаны солеварение, смолокурение, добыча жемчуга, слюды, серебра и железа, торговля), старообрядчестве как «традиционной поморской вере», бытовых обычаях, приметах и поговорках, «поморской говоре» и *руссенорске* – русско-норвежском пиджине, контактном языке, сформировавшемся во время меновой торговли на Мурмане⁵⁰.

⁴⁸ Есипов П.А. Поморская сторона. С. 4-5. Отмечу, что в тексте данной брошюры П.А. Есипов, придерживаясь выбранного направления обоснования *не-русскости* поморов, все-таки смешивал понятия поморского и севернорусского, не всегда четко их разграничивая и противопоставляя. Например, описывая «характер помора», он использовал цитату из неназванного источника про «северное русское население».

⁴⁹ Есипов П.А. Поморская сторона. С. 7.

⁵⁰ Подробнее о руссенорске см. Иванищева О.Н. Руссенорск как язык сотрудничества на Европейском Севере // Диалог культур. История и современность российско-норвежского культурного сотрудничества: материалы международной научно-практической конференции. Мурманск, 2021. С. 46-49; Шрадер Т.А. Взаимовлияние культур русских и норвежцев в период поморской торговли (XVIII-XIX вв.) // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 141-147; Репневский А.В., Нильсен Й.П., Тевлина В.В. Консулы, купцы, поморская торговля и руссенорск // Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М., 2017. С. 170-209; Перехвальская Е.В. Русские пиджины. М., 2014. 502 с.

На «поморской говоре» стоит остановиться подробнее. Различные локальные беломорские идиомы в глазах лидеров поморского движения, по всей видимости, обладали большим потенциалом для актуализации поморской этничности, так как наличие своего языка является одним из основных, «объективных» атрибутов выделения групп в примордиальном сценарии этничности. В брошюре «Поморская сторона» *поморская говоря* представляется как «язык народа поморов, в котором нашли свое отражение практически все диалекты исторического Поморья»⁵¹; по классификации она возводится в ранг языка «наддиалектного, межнационального общения народов Заволочья и Русского Севера», «относится к группе восточнославянских языков, возникших в XI-XII вв. на древнерусской лингвистической основе»⁵². Как заметила В.В. Баранова на примере анализа составления словаря кацкарей, поиск языковых корней в далеком прошлом и утверждение более древней природы используемого идиома в виде первоначального языка автохтонного населения позволяет обосновать этническую обособленность и поддержать представление о древности этнической группы; данные действия также направлены на преодоление устоявшихся негативных стереотипов в отношении диалектов и повышение статуса региональных идиомов в сознании их носителей⁵³.

В 2005 году И.И. Мосеев впервые опубликовал словарь «Поморська говоря»⁵⁴. Профессиональные лингвисты относят это издание к категории любительских словарей, использование материалов которого в научном обороте затруднено в связи с тем, что автор «понимает Поморье весьма широко – и не указывает, в какой именно области или районе записано это слово»⁵⁵. Однако И.И. Мосеев не ставил перед собой целью составление

⁵¹ Есипов П.А. Поморская сторона. С. 27.

⁵² Там же.

⁵³ Баранова В.В. Составление словаря и рождение нового языка // Антропологический форум. 2014. №21. С. 33-34.

⁵⁴ Мосеев И.И. Поморська говоря: краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. 372 с.

⁵⁵ Березович Е.Л. Этимологические заметки на полях экспедиционного блокнота: исконная русская лексика в говорах Терского Беломорья // Русский язык в научном освещении. 2022. № 1. С. 187; см. также Власов А.Н. Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики (Краткий обзор музейных

диалектического словаря, и в предисловии обозначил, что концепция его издания в том, что это «не академическое издание, и в его составлении участвуют не ученые, а сами коренные жители Поморья, увлеченные родной говорей. ... Это взгляд самих поморов. ... Мы намеренно включили в него только те слова и выражения, которые с детства знаем сами, слышали от своих родственников и земляков»⁵⁶. Основной мотивацией к написанию словаря стала потребность в создании учебно-методического пособия в формате, удобном для использования в практических задачах по ревитализации и популяризации беломорских говоров. Помимо слов, в издание были включены рекомендации по «правильному» произношению и описание особенностей «поморской речи». Издание было широко распространено по библиотекам и культурным учреждениям, в том числе за пределами Архангельской области; доступное всем желающим в сети Интернет, словарь И.И. Мосеева до сих пор используется в деятельности музеев, этнокультурных центров, творчестве людей, о чем подробнее будет рассказано в третьей главе исследования.

Таким образом, деятельность лидеров поморского движения по актуализации поморской идентичности сосредоточилась на поиске «этнических корней» в давнем прошлом; попытке выстраивания своеобразной картины этногенеза с упором на *не-славянское*, «смешанное» происхождение поморов; отборе и, по возможности, воспроизводстве объединяющих культурных символов в виде языка («поморская речь»), особенностей материальной и духовной культуры. В выбранных стратегиях видится опора на примордиальный сценарий этничности, согласно которому «этничность группы проявляет себя в устойчивом сочетании уникального языка, собственной территории, материальной культуры, нарратива национальной (древней) истории», при этом «конкретный этнографический материал

коллекций, собраний и публикаций краеведов северной России. Современное состояние, проблемы изучения) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 608-610.

⁵⁶ Мосеев И.И. Поморская речь: краткий словарь поморского языка. С. 7-9.

нередко заимствуется из академических работ, переосмыслиется и подчиняется инструментальной логике моделирования группы»⁵⁷. Стремление обосновать линии наследования аборигенному населению, обитавшему на той же территории – довольно распространенный мотив мифа о происхождении, в классификации В.А. Шнирельмана, «мифа об автохтонности»⁵⁸, который впоследствии может быть использован для легитимации территориальных, а вместе с ними и политических, экономических, социальных и культурных прав этнической группы.

Появление этнической группы в переписи может рассматриваться ее представителями как средство «заявить о себе», как значимый аргумент, дающий возможность документально подтвердить существование группы и основание для законодательного закрепления своего статуса, прав и предпочтений⁵⁹. Фиксация поморов в переписи населения 2002 года, пусть и в виде подгруппы русского населения, дало основания лидерам поморского движения стремиться к дальнейшим шагам по приобретению более выгодного социального статуса для своей группы. Этот статус, включая экономические предпочтения и контроль над территорией проживания, могло бы принести включение группы в список коренных малочисленных народов РФ. Борьба за получение поморами статуса коренного малочисленного народа (КМН) стала одной из основных целей деятельности П.А. Есипова и И.И. Мосеева.

§ 3. Борьба за обретение статуса КМН

Действующая в настоящее время парадигма отношения к коренным народам закреплена в Конвенции №169 Международной организации труда (МОТ) «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни», принятой в 1989 году. Она направлена на обеспечение равных прав и оказание

⁵⁷ Гаврилова К.А. Чудь как новая этническая группа: традиционалистский проект на Пинежье // Этнографическое обозрение. 2019. №5. С. 85.

⁵⁸ Шнирельман В.А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М., СПб., 2024. С. 47.

⁵⁹ Степанов В.В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №145. М., 2001. С. 3-4.

содействия коренным народам в определении их собственных приоритетов развития, акцентируя внимание на важности их вклада в мировое культурное разнообразие. Предыдущая Конвенция №107 (1957 г.) исходила из идеи государственного патернализма, интеграции коренного населения в жизнь доминирующего сообщества и его ассимиляции.

В западной традиции термин «коренные народы» («indigenous people») применяется для обозначения не доминантных групп населения, связанных с определенной территорией и обладающих некоторыми качествами «индигенности»; как правило, они не имеют своих государственных структур и связаны с неиндустриальным способом производства, что делает их уязвимыми со стороны государства и последствий модернизации. Синонимичными понятиями служат термины «абриген» и «автохтон», в зависимости от контекста употребляются также обозначения *natives, first nations, first peoples, huntergatherers, ethnic minorities, hill tribes* и другие⁶⁰. Как пишет М. С. Куропятник, в круг основных факторов, определяющих концепт «индигенности», входят добровольное сохранение отличительных особенностей культуры, включающих сферы языка, социальной организации, религии и духовных ценностей, способы производства, право и институты; самоидентификация и признание другими группами в качестве особой общности; опыт подчинения, маргинализации, лишений, исключения или дискриминации, вне зависимости от того, сохраняются ли эти условия⁶¹. Основу традиционной социальной организации коренных народов, как правило, составляют небольшие, дисперсно расселенные общины, жизнедеятельность которых связана с определенной территориальной базой. В связи с этим требования прав контроля над территориями традиционного природопользования со стороны коренных народов является залогом сохранения и развития их общин.

⁶⁰ Головнёв А. В., Киссер Т. С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы // Этнография. 2022. №3 (17). С. 9.

⁶¹ Куропятник М.С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. №1. С. 165.

В российской традиции во времена Российской империи окраинное нерусское население именовалось *инородцами, иноверцами, туземцами и ясачными*; в первые десятилетия советской власти эти категории населения стали обозначаться как *туземцы, нацмены* (национальные меньшинства), а также *малые народы* и *малые народности*. Последний термин применялся по отношению преимущественно к сибирским аборигенным сообществам, которые, по мнению советской власти, находились на родо-племенной стадии развития и требовали преодоления культурной отсталости⁶². В постсоветской России обозначение «малые народы» было заменено на «коренные малочисленные народы» (КМН), применяемое в настоящее время в официальной риторике и законодательстве.

СССР, а затем и постсоветская Россия не ратифицировали конвенцию МОТ о коренных народах, хотя многие ее установки и положения, включая понятие «коренной», были отражены в российском законодательстве⁶³. В России основным документом, регламентирующим статус и права коренных народов, является ФЗ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», где определено, что КМН признаются «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»⁶⁴. Использование критериев территориальности и порога численности подразумевает соединение в одном термине свойств, присущих коренным народам и меньшинствам; при этом количественный критерий (ограничение численности) известен только в российской традиции⁶⁵.

⁶² Головин А. В., Киссер Т. С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы // Этнография. 2022. №3 (17). С. 13-14.

⁶³ Там же. С. 13.

⁶⁴ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», в первоначальной редакции. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/4000521/paragraph/7:0> (дата обращения: 20.08.2024).

⁶⁵ Ткаченко А. А., Корюхина А. В. К проблеме ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 132.

Помимо основного закона о гарантиях прав КМН, правовому регулированию различных аспектов их жизни посвящены еще два федеральных закона: «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2000 г.) и «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001 г.). Особые права для представителей КМН предусмотрены Налоговым, Лесным, Водным и Земельным кодексами РФ⁶⁶.

В законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» не прописана процедура получения статуса КМН, однако на практике был выработан следующий механизм: «инициативная группа или ассоциация собирает подписи под обращением в органы власти субъектов федерации, которые, в свою очередь, обращаются за экспертной оценкой в академические институты для оценки численности и территории расселения соответствующей группы, своеобразия её языка, культуры и образа жизни, и в правительственный орган, курирующий национальную политику, также проводящий консультации с учёными, по представлении которого правительство включает данное сообщество и список территорий его проживания в официальный Единый перечень коренных малочисленных народов РФ⁶⁷, либо, на основе заключений экспертов, отказывает в признании статуса коренного малочисленного народа»⁶⁸. Ключевым этапом в этой процедуре является инициатива субъекта федерации, который должен поддержать ходатайство о включении в перечень КМН и направить запрос в федеральные органы власти.

⁶⁶ Пивнева Е.А. Этнокультурное многообразие и официальная категоризация малочисленных народов Севера России // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М., 2018. С. 258.

⁶⁷ Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утверждён постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255. В него включаются народы численностью менее 50 тысяч человек, проживающие в различных субъектах Российской Федерации на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

⁶⁸ Соколовский С.В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2016. С. 44.

Как пишет Н. Ванзидлер, активистами поморского движения были подготовлены соответствующие документы и переданы в администрацию Архангельской области, которая в марте 2004 г. направила запрос о включении поморов в перечень КМН в федеральное правительство. Однако в этот период проходила реорганизация федеральных органов исполнительной власти, отвечающих за региональную политику, и ответа на обращение не последовало⁶⁹. В 2005 г. обращение было повторно подано в новое Министерство регионального развития РФ. В обосновании в качестве аргументов приводились данные переписи населения 2002 г. (поморы – как «объективная реальность», зафиксированная в переписи) и сложившаяся социально-экономическая ситуация, при которой действующие правила затрудняли рыболовство для нужд самообеспечения местного населения; также упоминался запрет на зверобойный промысел, который исторически входил в круг хозяйственных занятий поморов. В этой связи давалось сравнение с проживающими рядом в схожих климатических условиях народами, включенными в перечень КМН и имеющими квоты на вылов рыбы. В качестве отличительных культурных особенностей поморов были отмечены говор и материальное наследие, включающее деревянные шатровые храмы, надгробные сооружения (гольцы), обетные и поклонные кресты, комплекс традиционной промысловой одежды⁷⁰.

Дальнейшие шаги предполагали обращение Министерства регионального развития за экспертным заключением научных институтов о целесообразности признания поморов малочисленным меньшинством. В заключениях Т.А. Бернштам (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН) и И.В. Власовой (Институт этнологии и антропологии РАН) был обоснован вывод, что отнесение поморов к КМН не подкрепляется историческими реалиями; по их мнению, поморы являются крупной

⁶⁹ Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ, созданное в 2000 году, было преобразовано в Министерство регионального развития РФ в 2004 г.

⁷⁰ Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. P. 174-176.

территориальной группой севернорусского населения, отличаются своим хозяйственным типом, но едины с русскими по народной культуре, имеющей локальные особенности. Подробно свою аргументацию И.В. Власова изложила позднее в статье «О терминах для обозначения этнических категорий»; с ее точки зрения, «самоощущение поморов, а не лидеров их движения, основано не на понятии этнической принадлежности, а на их исконном понимании своеобразия среди остального русского населения Севера, кроющееся в их традиционных промысловых занятиях, от которых сейчас мало что остается»⁷¹.

Данная позиция о несостоятельности выделения поморов в качестве коренного малочисленного народа была озвучена на совещании по вопросам социально-экономического и этнокультурного развития российских поморов, проведенном Министерством регионального развития 21 декабря 2007 г., где присутствовали советники аппарата Правительства РФЮ специалисты Госкомитета по рыболовству, прокурор Генеральной прокуратуры РФ, представители органов исполнительной власти Карелии, Архангельской и Мурманской областей, члены общественных объединений и ученые⁷².

Таким образом, проведенная в то время этнологическая экспертиза не подтвердила позицию, позволяющую государству рассматривать поморов как самостоятельную этническую общность, имеющую право на получение статуса коренного народа. Вместе с тем сам термин «коренной» в российском официальном дискурсе является довольно неоднозначным понятием; его принятие в качестве универсальной дефиниции «проблематично в связи с разнообразием определяемых ею групп, ситуаций и контекстов»⁷³. В настоящее время А.В. Головнев обращает внимание на то, что в российской традиции у понятия «коренной» существует по меньшей мере два значения:

⁷¹ Власова И.В. О терминах для обозначения этнических категорий // Этнографическое обозрение, 2009. №4. С. 126.

⁷² Там же. С. 126.

⁷³ Куропятник М.С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. №1. С. 164.

«туземный» (местный, почвенный) и «исконный» (изначальный, стержневой). Первым понятие «коренной» в значении «исконности» употребил в XVIII в. академик И.Г. Георги в отношении древних руссов при описании народов Российской империи. В этом смысле коренными будут все народы, имеющие «исторические корни» в пространстве России. Более того, признак малочисленности тоже подлежит сомнению, так как в российских реалиях «столь же бесспорно коренными являются многочисленные народы: башкиры, буряты, коми, мари, татары, чеченцы и другие, в том числе самый многочисленный народ России – русские»⁷⁴. Деление этнических групп на «пришлых» и «коренных» обладает конфликтогенным потенциалом, так как глубина «индигенности» того или иного народа может быть предметом дискуссии, поскольку история освоения российских территорий полна миграций и межэтнических взаимодействий⁷⁵.

М.Ю. Задорин, исследуя вопросы реализации прав коренных малочисленных народов, отмечал, что «разнообразие мнений ученых не может влиять на сам факт существования коренного народа – поморов», а включение в единый перечень КМН РФ камчадалов, метисного населения современной территории Камчатского края, Магаданской области и Корякского автономного округа, открывало «дорогу к признанию поморов в качестве коренного народа»⁷⁶. Первая попытка получения поморами статуса КМН оказалась неудачной, однако эта тема поднималась в последующие годы на межрегиональных общественных форумах, получивших название «поморские съезды».

⁷⁴ Головнёв А. В., Албогачиева М. С-Г., Белоруссова С. Ю., Беляева-Сачук В. А., Киссер Т. С., Перевалова Е. В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб., 2022. С. 15.

⁷⁵ Головнев А.В. Северность России. СПб., 2022. С. 380-383; Головнёв А. В., Киссер Т. С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы // Этнография. 2022. №3 (17). С. 28.

⁷⁶ Задорин М. Ю. Российские поморы и канадские метисы: этнография и право // Казанская наука. 2011. №9. С. 179.

§ 4. Поморские съезды

В 2007 г. состоялся первый объединительный съезд поморов в Архангельске. Организаторами выступили лидеры архангельских организаций. Участниками стали около 100 человек, присутствовали делегаты из Архангельской, Мурманской областей, Ненецкого автономного округа и других регионов РФ. В декларации по итогам мероприятия закрепили положения о праве на «сохранение и развитие собственного традиционного уклада жизни, культурного своеобразия и особой поморской этнической идентичности» и праве на «владение и пользование традиционными территориями и природными ресурсами наравне с другими коренными народами Севера, включенными в Единый перечень коренных народов России»⁷⁷. На съезде было принято положение о Совете поморского народа и избраны его члены, а сам съезд был объявлен «высшим руководящим органом поморского народа»⁷⁸.

В тот период требования поморов остались без особого внимания со стороны региональной власти, что было зафиксировано в обращении к Президенту РФ от жителей дер. Верхняя Золотица: «не выполняются поручения Совещания Минрегионразвития от 21 декабря 2007 г. по вопросам социально-экономической поддержки и этнокультурного развития российских поморов, доказательством чего являются игнорирование региональными властями интересов поморов в Концепции развития Архангельской области до 2020 г., нежелание создать Совет поморов при администрации Архангельской области по предложению Съезда поморов»⁷⁹.

Второй съезд поморов прошел в 2009 г. в пос. Умба Мурманской области. В резолюции съезда делегаты констатировали «критический этап»

⁷⁷ Поморы заявляют о своем праве на существование в качестве самостоятельного народа РФ. Декларация Съезда поморского народа // ИА «Руснорд». 24 сентября 2007. URL: <https://rusnord.ru/oldnews/8704-25811.html> (дата обращения: 05.06.2024).

⁷⁸ Шабает Ю.П., Дронова Т.И., Шарапов В.Э. Коми-ижемцы, поморы и устьицлемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. № 5. 2010. С. 146.

⁷⁹ Обращение поморов к Президенту России и к руководству Архангельской области // Интернет-портал Патриот Поморья. URL: <https://web.archive.org/web/20130602032050/http://patriot-pomor.ru/content/view/385/30/> (дата обращения 13.06.2024).

состояния поморского сообщества: «происходит стремительное вымирание коренного народа поморов; поморский народ лишается своих древних традиций и этнической культуры; деградируют традиционные формы хозяйствования поморов; поморский народ лишается жизненно необходимых квот на биоресурсы и своих промысловых участков; поморы лишены всех прав на традиционные промыслы; за счет распродажи земли народ поморов вытесняется с мест традиционного проживания, с территорий традиционных промыслов»⁸⁰. Среди решений предлагалось поддерживать тесную связь с региональными и федеральными органами государственной власти и заключить соглашение о сотрудничестве между муниципалитетами берегов Белого моря.

Следующий съезд было запланировано провести в Карелии, и руководители архангельских поморских организаций обратились с таким предложением к главе республики С.Л. Катанандову. Съезд, в районной печати Беломорска названный «доброй традицией, объединяющей поморов Белого моря, живущих в соседних регионах», решено было включить в план мероприятий в рамках празднования 90-летия республики⁸¹.

В течение года велась подготовка, в ходе которой наблюдалось оживление межрайонных связей в Карельском Поморье. По предложению кемских активистов А.П. Кузнецовой (уроженка с. Гридино, инициатор создания общественной организации «Поморы Кемского района»), В.Н. Федотовой (журналист, председатель Кемского отделения КРОО «Русский Север») и В.Л. Волковой (заведующая отделом краеведения районной библиотеки) и поддержке В.А. Васильева, руководителя Поморского хора из Беломорска, был организован визит кемлян в Беломорск с целью ознакомления с работой местных культурных учреждений (музей,

⁸⁰ Резолюция II съезда поморского народа Белого моря. Умба, 19 июня 2009 года // Русское православие. 2009. № 6 (57). С. 43-44.

⁸¹ Съезд поморов // Беломорская трибуна. 2009. 20 августа. С. 4.

библиотека, Поморский хор) в области сохранения материальной и духовной культуры поморов⁸².

Третий съезд поморов состоялся в Беломорске 25-26 сентября 2010 г. как завершающее мероприятие масштабного форума «Беломорье: нить времен», проведенного при поддержке местной и региональной власти. Форум позиционировался как площадка для изучения опыта «работы органов власти, учреждений науки, образования, культуры, общественных объединений в сфере сохранения и развития историко-культурного и духовного потенциала Беломорья»⁸³. В рамках форума состоялась также научная конференция, фестиваль традиционной поморской культуры, песенный фестиваль фольклорных коллективов «Поморский берег», выставка картин, презентация книги «Мое Поморье» местного краеведа, журналиста Татьяны Титовой.

В резолюции III съезда поморов в более сдержанных формулировках говорилось, что «проблемы социально-экономического развития поморских территорий, сохранения и использования историко-культурного наследия Поморья ... не нашли полноценного отражения в региональных стратегиях, арктической стратегии Российской Федерации и требуют для решения объединения усилий государства и общества, межрегионального взаимодействия и сотрудничества»⁸⁴. Среди основных решений съезда можно выделить положения о создании межрегионального органа координации общественных организаций поморов; организации работы по внесению в законодательство РФ (о рыболовстве, охоте, налоговом, лесном и земельном кодексах) поправок, «учитывающих интересы местного коренного населения в местах традиционного проживания поморов и обеспечивающих их правовую защиту»⁸⁵; о процедуре подготовки следующего съезда поморов в Архангельске с объявлением регионального Года поморской культуры в связи

⁸² Встретились поморы // Беломорская трибуна. 2010. 22 июля. С. 5.

⁸³ Беломорск встречает гостей // Беломорская трибуна. 2010. 2 сентября. С. 5.

⁸⁴ Решение III-го съезда поморов Архангельской области, Республики Карелия, Мурманской области, Ненецкого автономного округа Российской Федерации // Беломорье: нить времен: материалы Форума, Беломорск, 25-26 сентября 2010 года. Петрозаводск, 2011. С. 138.

⁸⁵ Там же. С. 139.

с 300-летним юбилеем М.В. Ломоносова и создания для этого Межрегионального поморского комитета. От Карелии в него вошли А.Т. Ячменев, заместитель председателя колхоза «Заря Севера» (Колежма), создательница общественной организации «Поморы Кемского района» А.П. Кузнецова (Кемь).

Необходимо отметить, что глава Кемского района А.Д. Кокков, уроженец и почетный гражданин Кеми, довольно активно участвовал в съезде. В своем выступлении он акцентировал внимание на социальных проблемах поморских сел и необходимости государственной поддержки рыболовецких колхозов в условиях аукционов на рыболовные квоты⁸⁶. По итогам форума в газете Кемского района была опубликована большая статья с краткой справкой о поморах, где указывалось, что «поморы – непризнанная этническая группа и не включена в единый перечень коренных малочисленных народов России, однако в Минрегионе России идет работа по включению поморов в список»⁸⁷. В этом же номере на первой странице было размещено обращение А.Д. Коккова к жителям района с призывом записаться поморами в предстоящей переписи населения: «Жители наших районов, проживающие вокруг Белого моря, только объединившись, могут заявить о своих правах и проблемах перед всеми уровнями власти. <...> Каждому из нас целесообразно заявить, что мы – поморы, записав в графе национальность “помор”. <...> Тогда с нами будут считаться и появятся программы по развитию территорий, прилегающих к Белому морю, включая Кемский район»⁸⁸.

Четвертый и последний съезд поморов состоялся в сентябре 2011 г. в Архангельске как одно из основных мероприятий года Поморской культуры, объявленного региональными властями в связи с празднованием 300-летия М.В. Ломоносова. Его организаторами выступили Правительство Архангельской области, Ассоциация поморов Архангельской области при

⁸⁶ Кокков А.Д. Выступление на III-го съезде поморов // Беломорье: нить времен: материалы Форума, Беломорск, 25-26 сентября 2010 года. Петрозаводск, 2011. С. 130-131.

⁸⁷ III съезд поморов // Советское Беломорье. 2010. 8 октября. С. 3.

⁸⁸ Мы – поморы! // Советское Беломорье 2010. 8 октября. С. 1.

содействии Северного (Арктического) федерального университета и Архангельской торгово-промышленной палаты. В официальном пресс-релизе мероприятия выражалась основная цель форума – разработка «комплекса мер по сохранению и использованию культурного наследия Поморья в интересах развития Архангельской области, межрегионального и международного сотрудничества»⁸⁹. Видение поморского движения и культурного наследия поморов как ресурса для развития регионального бренда было отражено в приветственном слове губернатора Архангельской области Ильи Михальчука: «самобытный поморский бренд откроет новые горизонты в развитии туризма, внесет достойный вклад в укрепление позиций России в Арктике»⁹⁰. Работа съезда была организована в рамках трех секций «Наука», «Бизнес», «Культура».

Вопрос о наделении поморов статусом коренного малочисленного народа рассматривался на заседаниях научной секции съезда 2011 г., и на этот раз к его решению подошли наиболее близко. Предварительно было получено положительное заключение от директора Института этнологии и антропологии РАН академика В.А. Тишкова и заведующего сектором этнографии ИЯЛИ Коми НЦ Уральского отделения РАН профессора Ю.П. Шабая о включении поморов в Единый перечень коренных и малочисленных народов России. Ю.П. Шабай полагал, что принятое выделение поморов в качестве субэтноса либо группы северных русских не является достаточным доводом против наделения их статусом КМН, и что «неприемлемо при решении судебных живых людей запросто примерять к ним идею “иерархии” этнических групп. Такая иерархия условна, а на практике разрушает принцип равенства граждан, разрушает и саму идею гражданской солидарности»⁹¹. Среди аргументов в пользу отнесения поморов к числу КМН

⁸⁹ IV межрегиональный съезд поморов. 17.09.2011 // Поморский вопрос: приложения, документы, проекты. Арктика и Север. 2012. № 7. С. 66.

⁹⁰ Там же. С. 65.

⁹¹ Ю.П. Шабай, М.Ю. Задорин. Поморский диспут // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2013. С. 178.

он приводил данные переписей, отмечая, что статистическая фиксация является прямым свидетельством наличия идентичности, и отражает факт культурного выбора; а также сохранение хозяйственного уклада и рациона питания, основанного на рыболовстве, в поселениях по берегам Белого моря⁹². На съезде были определены сроки подачи ходатайства в Министерство регионального развития РФ и ответственные лица⁹³.

Однако эти планы не получили дальнейшего развития. После IV съезда 2011 г. в Архангельске активизировались противники развития поморского движения, обвинявшие его лидеров в распространении бренда «Поморье» на территорию всей области, фальсификации истории, стремлении признать поморов финно-угорским народом, этносепаратизме с целью создания автономии и установления с помощью иностранных организаций контроля над северными территориями России. Эта позиция была изложена в серии статей Д.Л. Семушина на сайте ИА REGNUM⁹⁴, на портале сетевого издания «Эхо Севера»⁹⁵ и в открытом письме губернатору Архангельской области И.А. Орлову с просьбой «пересмотреть политику администрации области по осуществлению поддержки так называемого “поморского движения”»⁹⁶.

Можно сказать, что оппонентам поморского движения удалось добиться своих целей. Еще в апреле 2011 г. решением Министерства юстиции РФ была ликвидирована Архангельская областная община коренного малочисленного народа поморов по причине того, что поморы таковым народом не признаны. Год спустя в отношении одного из лидеров поморского движения И.И. Мосеева было возбуждено уголовное дело о разжигании межнациональной розни из-за комментария в адрес русских под одной из

⁹² Ю.П. Шабает, М.Ю. Задорин. Указ. соч. С. 179.

⁹³ Предложения секции «Наука» IV межрегионального съезда поморов // Поморский вопрос: приложения, документы, проекты. Арктика и Север. 2012. № 7. С. 69-71.

⁹⁴ Семушин Д.Л. «Поморский вопрос» и Русская Арктика / Сб. ст. под ред. М. А. Колерова. М., 2013. 256 с.

⁹⁵ Митюшов М.А. Перебор с брендом или «поморский» гвоздь в гроб русской цивилизации? // Эхо Севера. URL: <https://www.echosevera.ru/culture/2012/11/16/816.html> (дата обращения 16.05.2024).

⁹⁶ Открытое письмо губернатору Архангельской области Игорю Анатольевичу Орлову // Поморский вопрос: приложения, документы, проекты. Арктика и Север. 2012. № 7. С. 59-61.

записей на сайте «Эхо Севера»⁹⁷. После судебного процесса И.И. Мосееву присудили штраф, он покинул пост директора научно-образовательного центра «Поморский институт коренных и малочисленных народов» САФУ, а сам центр был закрыт.

Региональная власть обратилась к мониторингу общественного мнения, в результате которого были определены допустимые визуальные границы «поморскости» в культурной политике и брендинге Архангельской области, а также выбран курс на северную и арктическую тематику⁹⁸. Арктическая ориентация регионального бренда стала укрепляться по мере создания нормативного поля и формирования Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), куда Архангельская область частично вошла в 2014 г. Было сокращено финансирование «акций с поморским культурным содержанием» и увеличена поддержка организаций русофильской направленности⁹⁹. Руководитель Национально-культурной автономии поморов Архангельской области П.А. Есипов, пытаясь сгладить конфликт, в ноябре 2012 г. подписал соглашение о сотрудничестве с Архангельской региональной организацией «Русские Северного края» этнополитического объединения «Русские». В 2016 г. автономия поморов лишилась занимаемого помещения, а в 2018 г. прекратила свою деятельность по решению учредителей. В этих условиях поморское движение Архангельской области не могло больше выполнять объединительную роль.

Таким образом, IV съезд поморов в Архангельске стал последним мероприятием, на котором вопрос о наделении поморов статусом коренного малочисленного народа обсуждался на региональном уровне. В целом, можно заключить, что поморские съезды стали продолжением идеи проведения межрегиональных форумов начала 2000-х гг., посвященных обсуждению

⁹⁷ Шабает Ю.П., Задорин М.Ю. Указ. соч. С. 181.

⁹⁸ Подробнее см. Михалева А. В. Этнокультурное измерение регионального позиционирования Архангельской области // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 4(24). С. 4-19.

⁹⁹ Шабает Ю.П. Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского Севера РФ и в этнополитике // Человек. Культура. Образование. 3 (21). 2016. С. 312.

общих проблем населенных пунктов берегов Белого моря, попыткой объединить усилия и создать координационный совет на уровне местной власти и общественных организаций для решения этих проблем. Инициатива по проведению съездов принадлежала лидерам архангельского поморского движения. Несмотря на то, что III и IV съезды были формально поддержаны Архангельской областью и Республикой Карелия в лице органов исполнительной власти субъектов по вопросам региональной и национальной политики, достичь поставленных целей не удалось по ряду причин.

В первую очередь, активисты поморского движения начали отправлять официальные запросы на изменение статуса поморов и включение их в список КМН с 2004-2005 гг., когда время быстрого ответа государства на этнические запросы прошло: закон о гарантиях прав КМН был принят в 1999 г., а спустя год составлен «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации». С тех пор перечень КМН несколько раз подвергался редакции (последняя – в 2021 г.), чаще всего в части уточнения субъектов РФ, на территории которых проживают представители КМН; в сам список за более чем 20 лет были добавлены только две этнические группы, водь и сету. К тому моменту, когда было получено предварительное положительное экспертное заключение по вопросу целесообразности отнесения поморов к КМН, ситуация в регионе и общественно-политический контекст поменялись.

После судебного процесса над И.И. Мосеевым наиболее сильные акторы поморского движения в Архангельской области были вынуждены прекратить свою деятельность и лишились поддержки со стороны республиканской власти. Финансирование проектов, связанных с поморами, было сокращено; некоторые журналисты восприняли предшествовавшую информационную кампанию в СМИ и последующие события как предостережение, что апелляции к поморскому наследию могут быть восприняты государством как проявления этносепаратизма. А.В. Михалева обратила внимание, что при смене политической элиты области с приходом нового губернатора И.А. Орлова на смену И.Ф. Михальчуку в феврале 2012 г. позиция

региональной власти «в поморском вопросе стала более осторожной и осмотрительной»¹⁰⁰.

Неоднородность поморского движения, по мнению Н. Ванзидлер, также явилась одной из причин его угасания. Активную деятельность в рамках общественных организаций проводили лидеры поморского движения И.И. Мосеев и П.А. Есипов, на разных этапах к ним периодически присоединялись люди из разных сфер (ученые, музейные работники, краеведы, художники), которых объединял интерес к поморскому наследию. Однако взгляды лидеров движения и восприятие поморов как «самостоятельного этноса», не являющегося частью русского народа, разделялись не всеми участниками поморского движения; к тому же, увлечение Павла Есипова дохристианскими традициями повлекло за собой обвинения в попытках возродить «языческие ритуалы» и также не способствовало консолидации. В среде местной интеллигенции и выходцев из поморских поселений, переехавших в Архангельск, не поддерживался взгляд на поморов как на «коренной нерусский народ»; напротив, Русский Север рассматривался как территория, которая лучше всего сохранила «архаичные русские традиции»¹⁰¹.

Кроме того, поморское движение так и осталось преимущественно городским сообществом. С.В. Соколовский и С.А. Тулаева отмечали, что действующее законодательство о рыболовстве и квотирование уловов создало условия для одобрения притязаний поморов на статус КМН среди сельских жителей, работников рыболовецких колхозов, непосредственно вовлеченных в хозяйственную деятельность. Однако, по мнению Н. Ванзидлер, поморские общественные организации не смогли получить поддержку от людей, которых они стремились представлять: согласно ее полевым материалам, в отдаленных архангельских деревнях, таких как Койда и Долгощелье, немногие были осведомлены о поморских организациях в Архангельске, а «за незнание

¹⁰⁰ Михалева А. В. Указ. соч. С. 7.

¹⁰¹ Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. P. 171, 181-184.

сельских жителей, их образа жизни и за потерю связи с традиционным промыслом архангельских поморских активистов называли «лже-поморами» или «псевдо-поморами»¹⁰². Тем не менее, вероятно, часть сельских жителей разделяла идеи активистов касательно расширения доступа к морским ресурсам, по крайней мере, там, где поморское движение поддерживали местные лидеры общественного мнения. К примеру, в поморских съездах регулярно участвовали Б.В. Гофман, председатель рыболовецкого колхоза «Чапома» (Мурманская область), основавший региональную общественную организацию «Поморы Терского берега Мурманской области», и С.Н. Самойлов, председатель рыболовецкого колхоза «Беломор» (Архангельская область) и основатель территориально-соседской общины поморов Приморского района Архангельской области (2005-2011 гг.)

Таким образом, поморское движение, инициированное И.И. Мосеевым и П.А. Есиповым, в конечном счете не стало объединительной площадкой для поморов Архангельской области, как и основой для межрегионального объединения поморов. Кейс поморского движения остался драматичным примером того, как сообщество пыталось улучшить свое положение, используя возможный в условиях российского законодательства алгоритм действий – вписать себя в категорию коренных малочисленных народов, и потерпело неудачу.

Нельзя сказать, что участие представителей Карелии в поморском движении проявилось ярко. Отсутствие достаточной информированности и заинтересованности отразилось в отсутствии публикаций в местной прессе, посвященных событиям в Архангельске и развитию там поморского движения; исключение составляет серия статей 2010 г. в газете «Беломорская трибуна» (Беломорский район) о подготовке и проведении поморского съезда в Беломорске. Основной движущей силой являлись лидеры поморских организаций в Архангельске; сложилось так, что в Карелии не появились

¹⁰² Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. P. 184.

желающие взять на себя роль региональных этнолидеров. А.П. Кузнецова, инициатор создания организации «Поморы Кемского района», по личным обстоятельствам прекратила активную общественную деятельность вскоре после поморского съезда в Беломорске. Попытки создания общественных организаций поморов в Карелии («Поморы Кемского района», Поморское землячество в Петрозаводске) не увенчались успехом, по всей видимости, не найдя достаточного отклика у местного населения. Возможно, одна из причин этого заключалась в том, что местные жители не видели необходимости и практической пользы от объединения в различные институции: у поморов в Карелии не было близких соседей, обладающих статусом КМН и соответствующими преференциями в области доступа к природным ресурсам, как в случае с ненцами в Архангельской области.

Интенсивные контакты и межрегиональное сотрудничество могли бы оживить местное поморское сообщество, однако территориальная разобщенность, отсутствие средств постоянной коммуникации не способствовали и межрегиональной консолидации. По воспоминаниям участника поморского съезда в Беломорске, *«буквально происходили следующие ситуации: нас приглашают и зовут пофамильно на съезд, мы здесь друг с другом созваниваемся, председатель колхоза в Нюхче, я, там кто-то еще, представители тех и других, и мы выясняем, для того, чтобы нам попасть на съезд поморов, на котором должны приниматься важные решения, для которых нужны слагаемые усилия всех, мы понимаем, для того, чтобы одним днем туда приехать, мы должны неделю, неделю! потратить. Потому что поезд, который идёт на Архангельск, прибытие туда за 2-3 дня, это ожидание, а потом этот поезд идет обратно еще через сколько-то дней. Неделя нужна для того, чтобы доехать до Архангельска, хотя расстояние в километрах – это примерно 200, можно было бы на машине туда-обратно. Но тогда дорога там [между Беломорском и Архангельском через Нюхчу] была вообще, одно направление. <...> И такое случалось несколько раз, когда мы с огорчением понимали, что нет возможности собраться и поехать»*

(муж., 1951 г.р., Беломорск). Это в целом подтверждает немногочисленный состав делегации от Карелии на IV съезде поморов: «глава Кемского района А.Д. Кокков, депутат Совета Кемского муниципального района, предприниматель В. Василенко, генеральный директор ООО "Карельский морской историко-культурный центр" В. Дмитриев, руководитель Петрозаводского центра "Полярный Одиссей" Ю. Наумов»¹⁰³, т.е. всего по два делегата из Кеми и Петрозаводска, и ни одного представителя из Беломорска.

А.Д. Кокков, глава Кемского района, уроженец и почетный гражданин Кеми, частично использовал дискурс поморов как коренного народа, призывая жителей района отметить в переписи населения свою этническую идентичность как «поморы». Результаты обращения главы Кемского района в совокупности с освещением поморского съезда 2010 г. в местных СМИ, особенно Беломорского района¹⁰⁴, по всей видимости, проявились в итогах переписи 2010 г. (см. Табл. 1).

Таблица 1.

	Российская Федерация	Архангельская область	Мурманская область	Республика Карелия
Перепись 2002 г.	6571	6295	127	13
Перепись 2010 г.	3113	2015	235	504
Перепись 2020 г.	2232	1297	106	266

Численность поморов по данным Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. по регионам¹⁰⁵

¹⁰³ На IV съезде поморов // Советское Беломорье. 2011. 23 сентября. С. 1.

¹⁰⁴ В 2009 г. в районной газете «Беломорская трибуна» был опубликован 21 материал, касающийся «поморской» тематики (новости, репортажи, мемуары); в 2010 г. – 50, в 2011 г. – 30.

¹⁰⁵ Всероссийская перепись населения 2002. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 21.05.2024); Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 21.05.2024); Всероссийская перепись населения 2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul# (дата обращения: 21.05.2024).

Общая численность записавшихся поморами по России сократилась вдвое – 3113 человек, но численность поморов в Карелии значительно возросла по сравнению с данными предыдущей переписи – с 13 до 504 человек. В Кемском районе поморами себя записали 119 горожан и 63 сельских жителя; в Беломорском районе соответственно 93 и 136¹⁰⁶. Следующая перепись 2020 г. показала снижение числа поморов по всем трем регионам; в Республике Карелия поморами записалось 266 человек (в Архангельской области – 1297 человек, в Мурманской – 106).

Вместе с тем «поморская повестка» в Карелии начала все ярче проявляться в этнокультурной сфере в деятельности местных учреждений культуры и выразилась в росте числа общественных проектов, основанных на использовании поморского наследия. В следующих главах будет рассмотрено, какие смыслы, образы и представления существуют вокруг поморской идентичности, как и посредством чего они конструируются в различных слоях дискурса: носителями идентичности, сотрудниками культурных учреждений и участниками творческих объединений, средствами массовой информации.

¹⁰⁶ Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 25.09.2024)

Глава 2. Маркеры и механизмы складывания поморской идентичности в Карелии

В этой главе анализируются признаки, на основании которых выстраиваются границы локального поморского сообщества. С помощью каких этнических маркеров поморы описывают и объясняют свою идентичность? Прежде чем я перейду к описанию этих категорий, важно сделать несколько предварительных замечаний. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что многие из этих признаков относятся к области стереотипов – представлений людей о самих себе и о других, и иногда являются собой скорее культурные символы или воображаемую (желаемую, додуманную) ситуацию, нежели описание существующей реальности. В случае с интервью на это еще накладывается ситуация взаимодействия информанта с исследователем. Тем не менее, данные представления являются материалом, на основе которого люди выбирают, конструируют и объясняют себе и другим свою идентичность.

Информация об информантах дается после цитаты в скобках: пол, год рождения и место записи интервью. Место основного проживания информанта не всегда совпадает с местом записи интервью – в тех случаях, когда этого требует контекст описания, я указываю в скобках дополнительно место рождения или место проживания. Большинство интервью в сельских населенных пунктах было собрано в летний период; в это время туда часто приезжают выходцы из данных поселений, проживающие в настоящее время на постоянной основе в городах. Переезд в город осуществлялся в разное время, но можно выделить несколько чаще всего повторяющихся линий мобильности: в детском возрасте, когда родители получали работу в городе (пример: переезд семьи из Нюхчи в Териберку и далее в Мурманск вследствие изменения места работы отца); в юношеском возрасте во время профессионального обучения и последующего начала трудовой карьеры или

семейной жизни (пример: переезд из Гридино в Петрозаводск на учебу и возвращение в Кемь по распределению).

§1. Маркеры поморской идентичности

В описании процедуры кодирования массива интервью во Введении была представлена иллюстрация, демонстрирующая коды, объединенные в группу «Маркеры идентичности». Продублирую ее содержание в диаграмме (Рис. 1):



Рис. 1 Маркеры поморской идентичности

При первом взгляде на диаграмму, отражающую количество упоминаний признаков, которые информанты связывают с поморской идентичностью, явно выделяется маркеры, касающиеся территории, происхождения и хозяйственной деятельности. В основном они содержались в ответах информантов на довольно прямые вопросы, например: «Что вы вкладываете в понятие быть помором?», а также в аргументации и рассуждениях на тему «кого можно считать помором». К этой области нарративов относится и саморефлексия, которая чаще всего строилась по схеме: «(Да), я (не) помор/поморка, потому что...».

При этом некоторые этнодифференцирующие признаки, такие как черты характера, определенные навыки и умения, нечасто звучали в этих ответах, но проявлялись в ходе интервью в других контекстах – разговоре о хозяйственных практиках, местных нормах, что может говорить об их меньшей значимости для информанта в контексте выделения основ поморской идентичности, по сравнению с другими, явно проговариваемыми. Учитывая, что исследование строится не на количественных методах и частотности упоминания тех или иных слов, а на выявлении специфического дискурса вокруг поморской этничности, я буду использовать частоту упоминаний как ориентир для выявления доминирующих этнодифференцирующих признаков.

Территория

Первое, что звучит в ответах у большинства информантов – это устойчивая связь поморской идентичности с местом, берегом Белого моря. Это вшито уже в самоназвание группы: *«Ну, поморы. У моря живут, рыбаки. Люди, которые поселились около моря, называли поморами»* (жен., 1964 г.р., Поньгома). В настоящее время территориальный признак воспринимается значимым этнодифференцирующим маркером. Связь с морем может выражаться в разной степени близости и продолжительности: *«родиться у моря»*; *«родиться и прожить в этом месте»*; *«кто у моря живет»*, *«те, которые постоянно тут живут»*. Чаще всего принимается во внимание факт рождения и/или проживания в населенных пунктах у моря, но, как правило, не во всех прибрежных поселениях, а именно в «поморских».

Круг «поморских» поселений определяется довольно четко, так как метонимическая классификация «этничности» поселений по представлениям местного населения является одним из способов структурирования пространства¹. «Поморскими» считаются поселения, возникшие в период русской колонизации и хозяйственного освоения берегов Белого моря, исторически связанные с развитием морских промыслов и солеварением (см.

¹ Гаврилова К.А. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 30.

Приложение 1, карта 4), и не считаются таковыми поселки, образованные на побережье в относительно недавнем прошлом в течение XX в. рядом с железнодорожными станциями и рудниками: *«Мы относились уже к руднику; Кереть, вот они уже туда к поморам относились. Поморы Кереть, Черная Речка, Кандалакша, по-моему, тоже, Умба»* (жен., 1949 г.р., Нижняя Пулонга). Разделение по «старым» и «новым» микрорайонам может проводиться и в пределах одного населенного пункта; к примеру, уроженка Сумского Посада описала структуру села, выделив «историческую» и «промышленную» части: *«Сумский Посад состоит из трех частей: историческая часть, где вот **вся история, вся архитектура деревянная, все эти традиции, весь поморский уклад**; через три километра у нас идет лесозаготовительный поселок, Лесобиржа, потом в 1980-х годах это все стало называться одним селом Сумский Посад. И если в исторической части у нас нет [названий] улиц, то в той части, промышленной, у нас улицы Набережная, Светлая, Речная, Черноручейская, то есть такие, совершенно простые. И Сумпосад всегда был крупным железнодорожным узлом. Теперь это все уходит в историю, но вот сама станция тоже была населенным пунктом»* (жен., 1965 г.р., Петрозаводск).

При маркировании поселений как «поморские» часто отмечался род занятий местных жителей, наличие рыболовецкого колхоза: *«Летняя Река поморское село, тут колхоз большой был. <...> Калга, Гридино, южное побережье – Колежма, Нюхча»* (муж., 1953 г.р., Летняя Речка); *«[Кемь, Беломорск] тоже у моря дак. Также у них ведь свои обычаи, похожи на наши. Рыбачили так же, я же в Беломорске, Вирме была, тоже весной с фукусом, со всеми, тоже ведь сётями занимались»* (жен., 1938 г.р., Гридино).

В числе «поморских» моими информантами практически не назывались поселения, расположенные на южном берегу Белого моря более континентально, в сторону озера Сумозеро, и входящие в прошлом в Лапинскую волость – Лапино, Ендогуба, Сумостров, Пулозеро, Воренжа и Коросозеро. Лапинская волость в начале XX в. формально относилась к

поморским волостям Кемского уезда наряду с Нюхотской, Сорокской, Шуерецкой, Поньгомской, Керетской, Ковдской и Кандалакшской волостями (см. Приложение 1, карта 2). В прошлом жители этих поселений, согласно исследованию К.К. Логинова, поморами с побережья именовались «леса» или «живущие в “лисях”», потому что занимались преимущественно сельским хозяйством и участвовали в морских промыслах в качестве наемных работников². И.М. Дуров также проводил границу между поморским и непоморским населением по селу Лапино, отмечая характерный для него «сельскохозяйственный уклон бытовой жизни, близкий к крестьянам Сегежского района Карелии»³.

Концепт *берегов* также продолжает использоваться в описании пространств. В научной, краеведческой и публицистической литературе, в местных музеях, часто используют карту берегов Белого моря, составленную Т.А. Бернштам по источникам и собственным полевым материалам, где под *берегами* подразумеваются части беломорского побережья, отличающиеся природными и промысловыми особенностями, образовавшие территориально-хозяйственные зоны. Традиционно выделяются Терский (от Святого Носа до р. Умбы), Кандалакшский (р. Умба – р. Кереть), Карельский (р. Кереть – р. Кемь), Поморский (р. Кемь – р. Онега), Онежский (р. Онега – мыс Ухт-наволоок), Летний (юго-западный берег Двинского залива) и Зимний (северо-восточный берег Двинского залива до р. Мезень) берега Белого моря (см. Приложение 1, карта 5). В научных трудах встречаются также упоминания о Канинском берегу, который тянулся от Мезенского залива до мыса Канин⁴. С.В. Максимов в книге «Год на севере» (1871), описывая путешествие по беломорским берегам, уже не выделял Кандалакшский берег; основываясь на словах своих местных проводников, Княжую Губу он считал «последней

² Логинов К.К. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск, 2008. С. 96-97.

³ Дуров И.М. Очерк живого поморского языка // Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. С. 3.

⁴ Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание северного берега России: составлено капитан-лейтенантом М. Рейнеке в 1833 году. СПб, 1883. Ч. 1: Белое море. 488 с.

деревушкой Карельского берега»⁵, а начало Терского берега локализовал сразу к юго-востоку от Кандалакши.

В настоящее время к Карельскому берегу, как правило, относят территории до границы с Мурманской областью, включая поселения Черная Река и Нильмогуба (Приложение 1, карта 1). Довольно часто в речи информантов использовалось понятие Терский берег по отношению к поморским поселениям Мурманской области (Умба, Варзуга, Чаваньга), в то время как названия берегов Архангельской области почти не звучали, а назывались отдельные поселения – Архангельск, Лямцы, Пушлахта, Койда, Мезень. В локальном музейном дискурсе используются все принятые названия берегов, визуализированные в пространстве музея посредством карт.

Белое море воспринимается как отправная точка для конструирования поморской идентичности – это та основа, на которой строится все представления о том, что значит быть помором. При этом одно из самых распространенных суждений в интервью – помор не только тот, кто живет у моря, но тот, *кто живет морем*.

Хозяйственные практики

Традиционная хозяйственная модель поморов базировалась на использовании морских ресурсов. Делая этнографические заметки в своем труде о гидрографическом описании Белого моря, исследователь Белого и Баренцева морей М.Ф. Рейнеке (1801-1859) писал: «Скудное хлебопашество и бедность других отраслей сельского хозяйства заставляют прибрежных обывателей искать пропитания в морских промыслах. Поморцы говорят: “море, наше поле; была бы рыба – хлеб будет”. И действительно, неудача в морском промысле для Поморца тоже, что неурожай для хлебопашца»⁶. На различных берегах Белого моря существовали свои хозяйственные циклы в зависимости от сезонов и подходов тех или иных видов рыб и морских зверей; также в разной степени население беломорского побережья участвовало в

⁵ Максимов С.В. Год на севере. СПб, 1871. С. 164.

⁶ Рейнеке М. Ф. Указ. соч. С. 53.

мурманских рыболовных промыслах на Баренцевом море и бое морского зверя в Кандалакшском заливе, горле Белого моря, у берегов Шпицбергена и Новой Земли.

В тесной связи с морскими промыслами находились торговля и судостроение. Море и впадающие в него реки в отсутствии дорожного сообщения служили сетью транспортных артерий, образуя пространство мобильности и связывая локальные группы поморов в сообщество с единой территорией и экономическими связями. В 1870 г. во время посещения поморских сел Великим князем Алексеем Александровичем жители Сороки и Сумского Посада подали адрес с просьбой о строительстве канала между Белым морем и Онежским озером, чтобы быть соединенными «с дорогим для нас Царством Русским, от которого мы чувствуем себя как бы отрезанными»⁷; отрывки из прошения были опубликованы в «Олонецких губернских ведомостях», где говорилось, что «сообщений между поморскими селениями, даже городами (Кемь, Кола), кроме карбаса и собственных ног, не ищите»⁸.

Итак, море для прибрежного населения являлось основным источником дохода и пропитания, играло важную роль в транспортном сообщении. Краевед И.М. Дуров, с рождения проживавший в Сумском Посаде, во введении к «Словарю живого поморского языка» в 1930-х гг. писал: «туземное население Беломорья создало себе рыбные промыслы и неразрывно связанное с ними мореплавание, являющееся и по сей день главенствующим источником к существованию помора. Абсолютное большинство трудоспособного населения устремляется и сейчас на рыбные местные и океанские Мурманские промыслы. <...> Остающиеся же дома семьи и те немногие из поморов, что не являются отходниками, рыбаками и моряками, ведут местные речные промыслы, в то же время занимаясь кустарным производством, являющимся вспомогательным делом в промысле; как, например, мелкое рыбопромысловое судоходство, сетеплетение, изготовление промыслового и

⁷ По вопросу о соединении Онежского озера с Белым морем // ОГВ. 1870. № 62 (15 августа). С. 10.

⁸ Там же.

сельскохозяйственного инвентаря и прочее. Но и здесь основным занятием помора является рыбная ловля»⁹. В словарной статье «Помор» он дает следующее определение: «Житель Поморья (на Беломорье), занимающийся преимущественно рыболовством, звероловством и мореплаванием»¹⁰. Таким образом, в представлении И.М. Дурова «поморов поморами» делало участие в повседневных хозяйственных практиках.

Как было показано во введении, в советском академическом дискурсе именно занятие морскими промыслами выделялось исследователями одним из главных слагаемых поморской идентичности. В интервью апелляции к промысловому укладу жизни также составляют значительный пласт суждений. При ответе на вопрос «Кого Вы считаете помором?»¹¹ факты рождения и/или проживания на берегу Белого моря и занятие различными видами деятельности, связанной с морем, зачастую соседствовали:

«Родиться на море... Ну и уметь в море и грести, и рыбу чистить, ну вот всё, что необходимо, когда живешь у моря» (жен., 1951 г.р., Кемь);

«С морем связано. Должна быть деятельность, там рыбалка, например, да, все равно что-то с морем связано. И которые проживают» (жен., 1962 г.р., Беломорск);

«Поморами следует считать тех, кто как бы живет морем, кормится от моря и поддерживает вот эту культуру. Пусть он даже может там и не рыбачит, но он там... Они же поморы были разные, кто-то там капитанил, а кто-то там сети допустим сажал. <...> Кто ближе к традиционному образу, тот больше и помор, так скажем, кто поддерживает вот эти вот промыслы, тот в большей степени помор» (муж., 1981 г.р., Кемь).

«В моем понимании поморы – если ты питаешься морем, ловишь рыбу и живешь на побережье» (муж., 1989 г.р., Чупа).

⁹ Дуров И.М. Очерк живого поморского языка // Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. С. 4.

¹⁰ Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. С. 323.

¹¹ Варианты вопроса: Кто такие поморы? Кого вы можете назвать помором?

В качестве навыков, необходимых для жизни у моря, упоминались знание особенностей управления лодкой на море, умение *попадать в погоду* – ориентироваться по погодным явлениям, понимание лунного календаря и определение активности рыбы по четвертям луны, умение сшить лодку. Последний атрибут имеет чаще всего гендерную привязку и выделяется как особенно значимый символ для мужчин, выступает как бы подтверждением «поморскости»: *«Должен уметь себе лодку сшить, обязательно. Ты у моря. Если ты не можешь себе лодку сшить, хотя бы маленькую, ты не мужик, не помор»* (жен., 1955 г.р., Кемь).

Деревянные лодки все еще остаются в ходу, особенно в сельских населенных пунктах, известны мастера, которые могут сшить лодку (см. Приложение 4, рис. 17, 18). К лодкам, уже непригодным для пользования, проявляется амбивалентное отношение, включающее символические и прагматические действия: как правило, ее не утилизируют сразу, а *отпускают* или *отправляют* в воду; после того, как лодку прибило к берегу, ее уже можно разбирать на дрова: *«Сейчас же уже лет тридцать сплавов нет в воде. И плавника нет на берегах. Дрова надо с дому везти, костер развести. <...> А лодку обязательно где-то прибьет, и потом разбирают. Так что все с пользой»* (муж., 1948 г.р., Нюхча).

Отношение к морскому пространству также характеризуется некоторой двойственностью: море воспринимается как дружественная, но потенциально опасная среда; как пространство, требующее внимания и уважения:

«Льдину оторвёт, и вот унесло женщину одну. В другой раз такой падёт ураган, что тут жил мужчина один, так его здесь, в деревне разбило. Такой вихрь пал страшный, что его карбас размолотило и сам погиб. Его звали Проня, и этот камень [в реке] теперь зовут Пронь-камень» (жен., 1937 г.р., Нюхча);

«Уважительно относились к местам, например, мыс Шарапов – там когда шторм, большие волны, они скрещивались и лодке тяжело пройти,

опасно, и вот уважительно относились к этому мысу, называли “господин Шарапов”» (муж., 1963 г.р., Малиновая Варакка).

Память о пережитых опасных случаях на воде становится частью личных историй из жизни и семейных нарративов. Распространенными сюжетами являются мотив спасения во время шторма благодаря чудесным явлениям (заговор ветра, чтение молитв, вещий сон, помощь покойного родственника) и последующее выполнение обетных действий (приобретение памятной иконы, посещение святого места).

В контексте разговора о навыках и умениях возникал довольно устойчивый нарратив «в море с детства», который демонстрировал усвоение специфических знаний в процессе приобщения к хозяйственным практикам на ранних этапах социализации в семье:

«Ты с детства это видишь, как вяжутся сетки, <...>, все знали, что такое кабáлка [просмоленая веревка], нож, вот эти всякие термины с детства, с этим выросли» (муж., 1954 г.р., Нюхча);

«Вот я помню свое детство, как наверное киргизов в седло сажали, так и мы за весла» (жен., 1935 г.р., Княжая Губа);

«У моря надо же с детства быть, я же с пяти лет с отцом в море» (жен., 1955 г.р., Летняя Речка);

«В десять лет мы сами уже рыбачили в море» (муж., 1956 г.р., Кемь).

Многие информанты пожилого возраста рассказывали о том, как участвовали в выездах на рыболовный промысел, заготовке водорослей, сенокосных работах, сборе ягод и грибов, заготовке дров из плавника, выброшенного на берег. Передача навыков и умений происходила чаще всего в процессе непосредственного активного участия в различных хозяйственных операциях: *«отец шил, я и посмотрел. Много ли отец будет рассказывать, у него язык, не вытянешь» (муж., 1959 г.р., Гридино); «отец ведет лодку, смотришь маршрут; и когда я купила свою лодку, подвесной мотор, то пошла по этому маршруту, нормально хожу до сих пор» (жен., 1955 г.р., Летняя Речка).* Таким образом, на практике приобретался определенный набор знаний

о море, ветре и погоде, местах лова рыбы и сбора дикоросов, который расширялся в течение жизни – «кто у моря живет всю жизнь, тот наверное с закрытыми глазами с этим справится» (муж., 1974 г.р., Гридино).

Прибрежное рыболовство и выезды на рыболовецкие тони были распространенным семейным времяпрепровождением и досугом:

«Летом всегда были на тоні. С родителями. Тожэ водоросли помогали собирать. Женщины не рыбачили, в основном собирали только водоросли. А мужчины и водоросли собирали, и рыбачили. Дети рыбу тожэ ловили. Веслом зубатку ловили вот так, раз! Она раз на весло, мы ее подымали и в лодочку» (муж., 1966 г.р., Гридино);

«В 1970-х годах молодые были. Поехали отдыхать, невод возьмут, уху заловили, все. Сидят там у избы, гуляют. На следующей воды [в следующий прилив – прим. мое] домой обратно. [Компании] и мужские, и всякие. Молодежи было полно» (муж., 1948 г.р., Нюхча);

«Справимся с огородом, все дела домашние сделаем, отец приезжает с очередных плаваний и говорит: “Ну все, теперь можете на море”. Вот, у нас была длинная лодка, узковатая, нам очень нравилась, парус новый сшили. И вот мы отправлялись в плавание. К., сестра, и вот уже экипаж был. Я, конечно, за капитана, поскольку старше всех была и у меня опыт был. Где сено покосим на лудах, пирожник¹² собираем, и на нем спим под открытым небом. <...> Мы так не умели отдыхать, чтобы ничего не делать. Море любили. И там себя кормим, червей накопаем, рыбу ловим. На тоню если куда-то приехали, так там еще накормят вдобавок, если надо, и пригреют» (жен., 1935 г.р., Княжая Губа).

Среди информантов, живущих в городской и сельской среде, наблюдалась разница в восприятии промысловой деятельности как маркера поморской идентичности. Жители городов реже говорили о занятии рыболовным промыслом в качестве профессиональной деятельности, а скорее

¹² Пирожник – заросли дикого гороха по морским берегам.

о владении навыками и способности их применить. В сельской местности рыболовство остается одной из основ жизнеобеспечения, и помором чаще признается тот, кто занимается этим на регулярной основе. Бóльший упор на занятие промыслом именно в качестве профессии делали пожилые информанты, демонстрируя, таким образом, понимание поморской идентичности как профессиональной. С такой позиции подходили к восприятию поморской идентичности информантки из Гридино, обсуждая между собой, кого из современных жителей села можно назвать помором:

«1: Вот С., он помор?»

2: Да где, он же молодой, какой он... Это все современные, уже не они.

1: Он же живет за счет ловли рыбы, помор, настоящий.

2: Ну пусть будет помор [смеется].

1: А С.Г.?

2: С.Г. только для себя ловит, он не помор. Я перебираю в памяти, да никого тут не вижу.

1: А.? Он еще не на пенсии.

2: Ну если за счет рыбы живет, значит помор.

1: Л.

2: Л.? Да, вот Л. можно назвать помором [у Л. оформлено индивидуальное предпринимательство, он занимается выловом рыбы по квотам – прим. мое]» (1 - жен., 1957 г.р., 2 - жен., 1935 г.р., Гридино).

Отмечу, что при осмыслении ими своей собственной идентичности «промысловое» наполнение ядра «поморскости» сместилось на другие акценты. Информантка 1 (1957 г.р.) в индивидуальном интервью сказала, что она не поморка – *«нет конечно, какая я поморка, я же не зарабатываю рыбной ловлей»*; но в дальнейших беседах, в том числе в присутствии других жителей села, сообщила, что записалась поморкой в переписи населения и хотела записать поморами своих детей, учит с внуком «поморские слова», и определяет себя поморской «по рождению» (она провела детство в Гридино, дедушка и бабушка «были поморами»). Информантка 2 (1935 г.р.), используя

в качестве основного «поморского» маркера для односельчан участие в рыболовстве на тонях, себя отнесла к поморам в первую очередь по факту рождения:

«2: Она же в колхозе не работала. Я только помню, что она коз держала. На тонях она не сидела.

1: Но ты же тоже на тонях не сидела, а говоришь, что поморка.

2: А я по рождению!

1: Так и я по рождению!

2: Так ты и пиши [речь шла о том, кто записывался в переписи поморами – прим. мое]. Я косила в этом колхозе...

1: А я водоросли собирала» (1 - жен., 1957 г.р., 2 - жен., 1935 г.р., Гридино).

Таким образом, факт проживания на территории у моря оказывается важным не сам по себе, а в контексте деятельности человека. В этом плане по отношению к поморской идентичности применимы выводы, полученные А.А. Анисимовой и О.Г. Ечевской в результате исследования сибирской идентичности: территория является отправной точкой для определения идентичности, связь с территорией важна для актуализации идентичности, но сама она не является исключительно территориальной или региональной. Ее содержательное наполнение и особенности определяются различными факторами, как связанными с территорией, так и условно «автономными» от территориального измерения идентичности¹³. В этой связи более значимой составляющей поморской идентичности выступает и для сельских, и для городских жителей наличие «поморских корней».

Поморские корни

Как мы видели в примере выше, быть помором или поморкой «по рождению» в некоторых случаях уже сама по себе достаточная основа для выстраивания поморской идентичности. Рождение, проживание или

¹³ Анисимова А.А., Ечевская О.Г. «Сибиряк»: общность, национальность или «Состояние души»? // Laboratorium. 2012. №3. С. 21.

нахождение в течение некоторого периода времени в этой культурной среде (например, *«приезжали каждое лето в деревню»*), наличие кровных родственных связей, семейных преданий об участии в мурманских промыслах и зарубежной торговле играет важную роль в процессе самоидентификации:

«Я чистокровная поморка. У меня даже есть в роду, мой прадед, или прапрадед, в 1800-каком-то году, раньше же ходили пешком [на Мурман], он ходил в Норвегию» (жен., 1950 г.р., Кемь, уроженка Летней Речки);

«Так по родителям-то, по деду. Чистый помор» (муж., 1948 г.р., Нюхча);

«Дедка был, дядька Саша тоже вон этими зуйками ходил на елах, крючки там наживляли на треску» (муж., 1959 г.р., Гридино);

«Я считаю себя, в общем-то, поморкой. Потому что у меня кровь поморская во мне бежит» (жен., 1942 г.р., Нюхча);

«Мама у меня коренная поморка, она шуерецкая, село Шуерецкое» (жен., 1962 г.р., Беломорск);

Довольно часто можно было услышать мнение, что для того, чтобы в полной мере осознавать себя помором, нужно иметь в роду *настоящих поморов*. Понятие *настоящий помор* неоднократно появлялось в интервью в контексте рассказа о родителях, старших родственниках, в дискурсе о прошлом. Этим подчеркивалось некое дистанцирование современных поморов от тех, для которых морской промысел был основным занятием:

*«Мало осталось поморов, очень мало. **Настоящих**, вот таких, которые в четвертом поколении, которые сегодня еще ловят рыбу на Белом море, это вообще единицы. <...> Но вот она-то вообще **настоящая поморка**, с поморскими корнями. Её отец из деревни Гридино, это которая на самом Белом море»* (жен., 1966 г.р., Кемь);

*«Гридоне – **настоящие поморы**, они и промыслом зверя занимались, и рыбу ловили, рыболовецкий колхоз был»* (муж., 1963 г.р., Малиновая Варакка);

*«Но вот отец мой был **истинным помором**, если связать его традиции, рыбную ловлю, знания – он знал очень хорошо, мог с точностью определить, какая будет погода. Он говорил: шелонник с дождем, через сутки морянка,*

все, это было уже точно. Он ориентировался отлично по ветрам, по луне, висел у нас лунный календарь. Это он лучше барометра знал. Я думаю, что вот только своего отца могу так [помором] назвать, а сейчас я не могу сказать. Конечно, они рыбачат там, знают, эти мужчины, которые в колхозе работают, но не знаю, не могу сказать» (жен., 1967 г.р., Лоухи);

*«Папа – **помор-помор**, рыбак, он шил лодки даже» (жен., 1967 г.р., Беломорск);*

*«**Настоящая поморка** – З.Д., была звеньевой, сама рыбачила, отважная женщина» (жен., 1957 г.р., Поньгома).*

Понятию «настоящий помор» атрибутируются совокупность специфических промысловых знаний, свободная ориентация в пределах освоенного морского и прибрежного пространства, соблюдение местных норм и правил поведения, определенная степень *укорененности* на побережье Белого моря, когда история семьи насчитывает в роду несколько поколений, проживающих на поморских территориях. Но чаще всего концепт «настоящий помор» демонстрирует представление о хозяйственной деятельности, связанной с морем, как о комплексе практик, реализующих поморскую этничность.

Н. Ванзидлер в своей работе также отмечает, что в дискурсе информантов встречалось понятие «настоящий помор». Она описывает случай, когда ее собеседник, житель Архангельска, уроженец поморской деревни, не только описывал «настоящих поморов» как людей, чья жизнь «определялась морем» и которые до сих пор поддерживают связь с местом рождения, но и ставит им в противовес «псевдо-поморов» - городских активистов, представителей поморских организаций, выступающих за идею признания поморов коренным малочисленным народом¹⁴. Е.А. Пивнева, изучая вопрос влияния города на этническую идентичность обских угров, приходит к выводу, что правильное, с точки зрения традиционных норм, поведение дает окружающим основание

¹⁴ Wahnsiedler N. The Pomory: dimensions of a contested identity on the White Sea coast. University of Aberdeen, 2019. P. 35.

для отнесения человека к «настоящим». В основном это люди старшего и среднего возраста, «успевшие прикоснуться к традиционной жизни»¹⁵. В качестве сравнения приведем еще один пример – А.М. Рыжков, исследуя языковые практики в конструировании современной карельской идентичности, также отмечает артикулируемую информантами категорию «настоящие карелы», которая чаще всего связывается с активным владением карельским языком¹⁶. Таким образом, выражение «настоящий» отсылает к некоторому идеализированному образу носителя идентичности, обладающего самыми яркими, весомыми в глазах окружающих атрибутами этой идентичности.

Чувство принадлежности

Помимо тесно связанных между собой маркеров идентичности, которые можно считать объективными – рождение и/или проживание на беломорском побережье, знание морской промысловой культуры, наличие в роду выходцев из поморских поселений и «настоящих поморов», важной составляющей поморской идентичности становится чувство принадлежности, сопричастности с поморской территорией. Это то, что побуждает к осмыслению собственной этничности, оживляет и актуализирует ее.

Чаще об этом говорят информанты, которые впоследствии сменили место жительства, переехав в город. В интервью они не стремятся дистанцироваться от «деревенского» происхождения, с теплотой вспоминают место рождения или место, где прошло детство и юность:

«Мне кажется, это должно быть все-таки немножко в крови. Я-то вот тоже и сети ставила, мы же в деревню ездили, и рыбачили, я и сети поставлю, и рыбу чищу без проблем. Но, мне кажется, этого недостаточно, это вот надо... Любить море, родину свою любить. Вот я года не была [в деревне], начинаю говорить – у меня ком в горле» (жен., 1951 г.р., Кемь).

¹⁵ Пивнева Е.А. «Природу в квартиру не запихнешь»: о некоторых этнических маркерах у обских угров г. Ханты–Мансийска // Социальная антропология города. СПб., 2018. С. 63.

¹⁶ Рыжков А.М. Языковые идеологии и конструирование карельской этничности // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 144, 148.

Местам, закрепленным в памяти, как правило, придается высокий символический статус. Он выражается информантами через воспоминания о наделяемых положительной коннотацией соционормативных практиках, распространенных ранее в поморских деревнях: отсутствие замков на дверях, раздача рыбы из улова соседям и семьям без рыбаков, чистота в домах и на улице (*«все мостки были вышорканы»*), гостеприимство, взаимопомощь.

В эту же категорию можно отнести восприятие окружающего ландшафта. Некоторые собеседники отмечали красоту морского побережья и островов в контексте разговора об образах и ассоциациях, связанных с поморской культурой: *«Там на ветрах продувает, красота, глазу разгуляться благодать, до пределов земли небо вот всё видишь. Не знаю, по этой земле ходишь, конечно тут любовь к этой земле. Никуда неохота! Охота туда, в море»* (муж., 1981 г.р., Кемь).

Особое восприятие суровых климатических условий демонстрирует следующий фрагмент интервью: *«Мне нравится, как сегодня красиво на улице [в день проведения интервью был сильный ветер и переменный дождь – прим. мое]. Я шла и прямо во все глаза, вот так вот головой вертела. Вот это, наверное, все равно Русский Север, Поморье, и вот с Лихачевым полностью согласна»* (жен., 1956 г.р., Беломорск).

Связь с ландшафтом артикулируется и в качестве этнической границы. В одном интервью две мои собеседницы, поморка и карелка, поморскую идентичность маркировали тягой к морским берегам, в то время как карелы, по их мнению, больше селились у водных объектов в лесах. Любопытно, что в этой связи поморка упомянула про боязнь озер: *«а мы очень боялись озерной воды, ламбин, потому что привыкли к морю – у нас была плотная вода»* (жен., 1935 г.р., Княжая Губа).

В качестве примеров наиболее крепкой связи с морем некоторые информанты рассказывали истории о неудавшейся смене места жительства, переезде в город и последующем добровольном возвращении обратно:

«Сначала [после свадьбы], вот если бы он [муж] сказал “уедем”, поехали бы. Но мы настолько к этому месту привязаны, потому что он после армии поехал в Петрозаводск, там работал, но не смог. Год проработал где-то в строительстве и вернулся, не смог» (жен., 1959 г.р., Нюхча);

«Он [муж] так в городе устал. И [сын] тоже, вот говорит я не могу в городе, я день-два проживу, и я весь как разбитый. Мне надо в деревню» (жен., 1940 г.р., Нюхча).

Если переезд состоялся и человек проживает в другой среде, то периодическое посещение морского побережья является желаемым событием: *«Конечно, скучаю по морю. В прошлом году не получилось, а вот в позапрошлом году муж сестры возил нас на море, дети все в восторге были и мы» (жен., 1967 г.р., Лоухи).*

Динамика трансформации поморской идентичности при смене места жительства может проявляться в разновекторных направлениях: либо она слабеет и постепенно растворяется в других самоопределениях, причем не обязательно этнических, либо она усиливается в процессе развития личности, поисков жизненных ориентиров, и человек в связи со своей родовой территорией начинает видеть возможность подпитки своей «поморскости»: *«я нашёл в себе интерес и мотивацию туда возвращаться и каждый год ехать, и я прекрасно понимаю, что когда выйду на пенсию, я туда также уеду жить. Буду заканчивать там жизнь так или иначе. Вот. Ну, у меня там дом, там два гектара земли, там жили все мои предки, вот» (муж., 1988 г.р., Петрозаводск).*

По воспоминаниям информантов, в послевоенное время активно создавались бригады на Баренцевом море от беломорских колхозов, и часть рыбаков впоследствии осела вместе с семьями в Мурманской области в Териберке и Мурманске, а их дети и в других городах Кольского полуострова (во время учебы и последующего распределения на работу). О такой траектории переселения рассказывала информантка из Нюхчи: *«Отец [от колхоза] был направлен на курсы капитанов малых рыболовецких судов в*

Кеми, потом в Нюхчу и ходил на Баренцевом море капитаном малого рыболовецкого судна. Он уехал туда в 1947 г., первый год он ездил один, а на второй год <...> отец и мать поехали зимой. Там в Териберке в основном базировались, до этого еще в других становищах селились, но в послевоенные годы большинство не в Рынде, не в Захребетном, а в Териберке. Население тогда там было около 3 тысяч, наверное, большое. Там было 2 своих колхоза, имени Ворошилова и «Мурманец». И были суда Кемского района, Беломорского района. <...> Мы были увезены в Териберку. В Териберке я закончила школу, потом Мурманский педагогический институт» (жен., 1942 г.р., Нюхча).

Быт на новом месте организовывался зачастую благодаря помощи своих односельчан, в результате чего формировались своеобразные диаспоры по поселениям, внутри которых поддерживались тесные дружественные связи: *«Диаспора нюхоцкая в Мурманске, она довольно крупная. Все друг друга знали, ну я знал 50 человек, 5-10 семей. Но их гораздо больше было. Все обменивались новостями по Нюхче, когда собиралась гостьба, и называли еще так первое время по-нюхоцки – у кого-то свадьба, переезды или новоселье, как это принято. <...> 20-30 человек, застолья, с пирогами, с песнями, сейчас такие не делают. Через десять минут Саша [муж сестры из Вятки] вставал: “Ваша Нюхча надоела! Разговоры идут только про Нюхчу!”. Все тосковали всегда. <...> И все равно все рвутся в Нюхчу, и вспоминают всегда. Ну это святое» (муж., 1954 г.р., Нюхча).*

Чувство сопричастности к поморской территории довольно часто выражается также в понимании необходимости бережного отношения к природе, восприятию своей территории как базовой ценности. Нормой считается хозяйственная деятельность с соблюдением «естественных законов» природы, направленных на сохранение и воспроизводство ее ресурсов. В одном из примеров информант сознательно определял такое поведение как *«следование истинному закону природы»*, хотя оно может рассматриваться как нарушение согласно официально утвержденным

правилам рыболовства: *«Рыба мечет икру в снасти, по срокам я их должен уже вытащить, а они у меня в икре все, я не могу их вытащить, я загублю миллионы сельдей, если вытащу по закону 10 мая. И мне приходится их прятать в море, пока не выключится эта селедка, понимаете. А если найдут, то меня оштрафуют или заберут, а она там почти сто тысяч эта снасть стоит, к примеру. И мне приходится втихаря это делать, понимаете, потому что законы против природы. Я понимаю, что они как бы ложные, и мне нельзя по совести, не могу ее губить»* (муж., 1981 г.р., Кемь).

Отношение к морским и лесным ресурсам может служить дифференцирующим фактором, когда информанты сравнивают поведение местных и приезжих – «своих» и «чужих», указывая на потребительское отношение к природе со стороны последних: *«кто охотится неправильно, кто рыбу ловит неправильно, нарушает какие-то вещи принятые. Ну мусорят, попростому даже»* (муж., 1988 г.р., Петрозаводск). «Свои» иногда тоже обличаются в нарушении законов природы, что рефлексировалось признаком несоответствия образу «настоящего помора»: *«[Помор] тот, кто болеет за то, чтобы не грабили море, не грабили реку. ... А они в икромет сига вылавливают, это вообще беспредел, полный. И мне, честно говоря, стыдно смотреть, когда мои приятели хвастаются, что он там поймал 400 сига, а я 500 поймал. Ты что, голодный? Денег тебе дать что ли?»* (муж., 1954 г.р., Нюхча);

Искренняя любовь к морю, деятельность, направленная на развитие поморских территорий без стремления извлечь выгоду за счет чрезмерной эксплуатации местных ресурсов, может стать ключом к вхождению в категорию «поморы» и стать основанием для приобретенной поморской идентичности: *«Помор, это в первую очередь тот, кто любит море. Есть вот кто ходит, чтобы урвать рыбы, продать и всё. Это не поморы. А вот есть у нас В., я его считаю помором. Может быть, у него корни русские, где он родился я не помню, но он любит ездить в Калгу, он любит находиться в море. <...> Вот такого типа я признаю, вот в настоящее время, что это помор.*

Которые хотят улучшить, а не ухудшить обстановку Поморья. <...> Есть ребята, я знаю, которые домики строят, с Рабочего острова, здороваемся в море, но я не знаю кто это такие. Вот я считаю, что те, которые обустроивают, которые думают, как поморы, вот как в старину думали, вот я-то уйду, а [после меня останется]» (жен., 1950 г.р., Кемь).

Черты характера

Отвечая на вопрос о том, кого можно назвать помором, информанты нередко начинали перечислять черты характера, которые, по их мнению, свойственны представителям данной общности. Часть из них звучала как уже привычные автостереотипы, которые, как правило, демонстрируют комплекс положительных оценок: честные, трудолюбивые, сдержанные на эмоции, чистоплотные. Однако здесь необходимо отметить некоторые моменты. Любопытно, что многие информанты, говоря о трудолюбии, вспоминали поморских женщин, подчеркивая их самостоятельную роль в хозяйстве во время отсутствия мужчин на промысле и большой объем обязанностей по домашнему хозяйству в этой связи:

«Когда мужья уходили в море, они же весь дом на себе. На юге мужчины были главными, женщина там как бы на втором плане была все равно, а здесь вот, женщины-поморки, они все на себе, вот северные женщины, все хозяйство» (жен., 1962 г.р., Беломорск);

«Женщины, так они вообще поражали. Мужик приходил с моря, в сенях, в коридоре, как они говорят, «на дворе», сбрасывал всё, и шёл в одних носках в избу, и в исподнем, в баню, и все. А женщина бедная начинала там все это обрабатывать, и рыбу» (муж., 1955 г.р., Беломорск);

«В Поморье ведь всегда было как, главой семьи не мужчина был, а женщина, мужики были в море, кто зуйками, молодые мужчины, кто уже рыбаками все, а домом командовала женщина» (жен., 1950 г.р., Кемь);

«Женщины оставались здесь одни. Если брать просто Карелию, мужчины намного больше находились дома, в очаге, а с поморами было все совсем по-другому. Они уходили в море и не знали, когда вернуться. <...>

Поэтому здесь это укрепляло женщин, потому что весь очаг – дрова, вода – все это надо носить, руками делать, если еще какое-то сельское хозяйство раньше было сильно развито» (муж., 1994 г.р., Кемь).

Отмечая такие черты, как сдержанность, малоразговорчивость, малообщительность, некоторые информанты делали оговорку, что это присуще не только поморам, но и людям севера, поэтому их нельзя назвать отличительными. Сравнение чаще всего шло с представителями более южных территорий – не только в пределах страны, но и в пределах Карелии: *«Мама вот моя [родом из Пудожского района, юго-восточная часть Карелии] их не понимала. Разговорчивые только тогда, когда выпьют. <...> А мама у меня непьющая была, они говорят: “А., ты какая-то не такая, не пьешь, ты как будто выпившая все время болтаешь”. Она говорит, а вы-то какие странные, вообще не разговариваете» (жен., 1955 г.р., Кемь).*

Сдержанность, отсутствие яркого проявления эмоций не приравнивалось к безразличию, равнодушию: *«Вот эти бабки, когда ходят, танцуют в деревнях, у них в глазах такая суровая сосредоточенность. Они не стараются нравиться публике здесь, они сами в себе такие, сдержанные. <...> Они внутренне какие-то вот такие собранные, и очень, и очень душевные. Такие вроде бы не улыбочивые, а “дитенька, вот тебе пирог мы принесли”» (муж., 1955 г.р., Беломорск).*

Отличительными чертами поморов информанты считали такие, которые развивались в процессе освоения прибрежных территорий и адаптации к суровым условиям морской промысловой деятельности. Т.А. Бернштам также обращала внимание на влияние данных факторов на черты характера поморских жителей и описывала сформировавшийся в результате этого «особый психический склад» как совокупность чувства собственного достоинства, свободы действий, независимости, живого ума, сдержанности и осознания своей «особости»; основой этого послужил «предприимчивый,

беспокойный, бунтарский дух русских переселенцев»¹⁷. По мнению наших собеседников, необходимыми чертами характера для хозяйствования в условиях севера и Арктики были смелость, мужество, упрямство, находчивость:

«Очень предприимчивые, во всем. Потому что выживают в условиях, где им нужно быть сметливыми и все примечать и все подмечать. <...> Создать некую деревянную лодку, задумать маршрут куда-нибудь в Ледовитый океан, к Шпицбергену, Груманту, да, а потом все это еще осуществить. Я себе не представляю, вот я хожу [на яхте], попадаю в разные ситуации, не представляю, как можно на семиметровом карбасе отважиться через горло Белого моря в Баренцево и дальше, в эти льдины пихаться» (муж., 1955 г.р., Беломорск);

«Упрямство – не занимать поморам! Мне кажется, это вот основная черта характера, которая движет ими. Вот я туда дойду, до этого там Северного полюса» (жен., 1974 г.р., Кемь);

«Характер в основном. Постоянно на волнах, или шторм. Не страшно, а или страшно, но надо сетку снять, а волна большая. Сеточку жалко, ее порвет или что» (жен., 1960 г.р., Гридино);

«Смелые, настойчивые, если не сказать наглые. Не то что открытия, адреналин им нужен был. Их все куда-нибудь от семьи подальше» (жен., 1957 г.р., Гридино).

Выделялись и такие характеристики, как *общинность* (сплоченность) и *взаимовыручка* – необходимые качества для коллективного выживания на промыслах в суровых климатических условиях:

«Это труд артельный. Значит, надо было выживать сообща. Вот если [в артель] попался человек вздорный, скандальный, вороватый, больше второй раз его никто не пригласит. <...> Плюс достоинство надо иметь.

¹⁷ Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М., 2009. С. 226-230.

Нужна была смелось, обязательно, потому что труса тоже никто не возьмет в следующий раз» (жен., 1935 г.р., Княжая Губа);

«Море же забирало жизни частенько, вдове и детишкам, устав даже был специальный, не обижать и дать рыбы, не плохонькой там, мелочи какой-нибудь, а как себе. То есть забота была. Взаимопомощь. Да, в море иначе нельзя» (жен., 1969 г.р., Кемь);

«Наработанное в труде, в море, в опасности, как на фронте, оно не забывается. <...> В море ты с ним, и он погиб, у тебя на глазах, а его жена с детьми живет вот здесь, как ты не поможешь. Ну это вообще не по-человечески. Тем более не по поморским традициям» (муж., 1954 г.р., Нюхча);

«Взаимовыручка в любых ситуациях. Вот поэтому к настоящим поморам уважение действительно большое. Они знают, что в такой беде они могут оказаться сами. <...> У меня свёкр тоже с моим мужем, они попали, штормом их побило, они все вымокли, вероятно под дождём, и они в Поньгому приехали, и там “Давай-давай, скорее обогревайтесь!”, ребёнка на печку...» (жен., 1955 г.р., Летняя Река).

Внутреннее достоинство, гордость тоже относились к отличительным поморским чертам: *«издавна вот это в крови видимо есть, что мы немножечко так себя, да, с достоинством стараемся держать» (жен., 1966 г.р., Беломорск).* В целом же разговор об отличительных чертах характера, свойственных поморам, был больше обращен в прошлое, описывался скорее образ помора, сложившийся из личных воспоминаний, знаний, художественных произведений. Иногда этому сопутствовали высказывания, которые могут быть отнесены к категории исторической (социальной) памяти, «исторического фольклора», включающего в себя представления информантов о событиях, имевших, по их мнению, важное значение для формирования поморов как обособленной этнической группы.

Историческая память

В дискурсе информантов касательно исторического прошлого поморов чаще всего фигурировали сюжеты, посвященные новгородскому

происхождению и сохранению «всего самого русского»¹⁸; бегству на север тех, кто испытывал разного рода притеснения; отсутствию крепостного права; освоению поморами арктических территорий; защите северных границ российского государства.

«Новгородский сюжет» превалирует в рассказах о появлении поселений на беломорских берегах, этот процесс многие информанты связывают с новгородской колонизацией:

«А род-то, мы как бы с Новгорода, новгородские, у нас и кресты стоят новгородские. Ну, кто-то может быть уже и нет, деревне уже 300, сколько, больше 300 лет. А так-то начало с Новгорода. Ну так говорят. Может быть, кто-то был несогласный с той властью, ушли. Или новые земли может быть. Ну не зря же с Новгорода приехали тут кресты ставить¹⁹. <...> Мне родители рассказывали, что с Новгорода» (муж., 1966 г.р., Гридино);

«Вот сейчас мы едем в Новгород [в отпуск с дочерью], посмотреть на родину, истоки моего супруга» (жен., 1959 г.р., Нюхча);

«Мы-то при Иване Грозном были уже. Ну тут тракт проходил через нас. 455 лет уже известно, что мы были, наши земли Соловецкому монастырю отдавали, сколько еще не записано там, неизвестно. Это же с Новгорода сваливали, оттуда бежали, расселялись тут, я читал где-то.

– Потомки новгородцев?

– Да, я думаю, что так» (муж., 1966 г.р., Черная Река).

Тезис о новгородском происхождении выступает также аргументом в обосновании принадлежности поморов к русским: *«Ну а какие же [если не*

¹⁸ В этой связи несколько работников культурных учреждений вспоминали цитату Д.С. Лихачева. Приведем ее целиком: «Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека – это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжелые времена русской истории – эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию – песенную, словесную, русские трудовые традиции – крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины». Лихачев Д. С. Русский Север // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004. С. 3–4.

¹⁹ Поклонный крест в Гридино, по словам местных жителей, установлен представителями старообрядческой общины из Новгорода около 2010-х гг. См. Приложение 4, Рис. 19.

русские]? Вообще, это новгородские сюда бежали» (муж., 1959 г.р., Гридино). К рассказам о новгородском происхождении добавляются также повествования о дореволюционном прошлом, мурманских промыслах, поморской торговле. На контрасте с относительно недавними событиями рубежа XX-XXI вв., связанными с перестройкой экономической системы государства, банкротством и закрытием многих беломорских рыболовецких колхозов, тот период воспринимается как «золотой век». Как отмечал В.А. Шнирельман, исторический миф является выражением накопившихся эмоций, а также и персонификацией коллективных желаний; для малочисленных этнических групп, входящих в состав крупных многонациональных государств и имеющих опыт притеснения со стороны государства, «очевидно, что их золотой век остался в глубинах истории, когда их предки жили свободно и могли сами распоряжаться своей судьбой»²⁰.

Географической точкой притяжения в этих рассказах являются становища на Мурмане (*«Териберку открыли наши поньгомские земляки»*), а также страны Скандинавского полуострова (*«прадед ходил в Норвегию»*). Центральной фигурой этих нарративов выступают зажиточные судовладельцы и купцы, к которым заметно уважительное отношение:

«Бабушка у меня с Поньгомы, отец у нее купец был. Когда она замуж выходила, а дедушка тоже был не из бедных, отец подарил ей в приданое Колодезную губу, участок земли большой, в сторону Поньгомы. Прадед держал судно в Поньгому, даже может и не одно» (жен., 1955 г.р., Летняя Речка);

«Нюхча богатое село было, но не было такого угнетения классового, поскольку совместная рыбалка не допускает, это как на фронте пулю в спину получить, если ты ходил с человеком в море, он не будет тебя на суше голодом травить и батрачить заставлять» (муж., 1954 г.р., Нюхча);

²⁰ Шнирельман В.А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История, 2024. С. 25, 43.

«У нас очень много купцов было в деревне, дома купеческие были двухэтажные, ой! Село было красивое, как по рассказам. И хозяева были степенные, непьющие, добросовестные. А какие фотографии, какие они красивые все были! (...) Вот [в том двухэтажном доме] где музей, моя прабабушка из этого дома. По маминей линии. Она из Пономаревых рода. Муж рассказывал, он 1936 года [рождения], попомнятнее, привезут с Норвегии товару всякого, торгуют, даже продукты такие возят, калачи. <...> Я калачей настряпаю, он даже интонацию хозяйскую сделает, зазывает “Пономарёвым калачи, плюшки!”» (жен., 1940 г.р., Нюхча).

Некоторые информанты, особенно в селе Нюхча, подчеркивали, что традиции мореходства живут и в настоящее время, рассказывая о своих детях и внуках, которые сейчас работают на флоте: *«Мореходку нашу мурманскую сын закончил, высшее говорит не хочу, буду ходить лучше в море на торговых судах. Вот ходит в море. А у младшей племянницы мальчик заканчивает школу, учится отлично, хорошо, но собирается в какое-нибудь морское. К морю тянет. Это, мне кажется, они хотят быть похожими на дедушку, на моего папу» (жен., 1954 г.р., Нюхча).*

В нарративах о дореволюционном прошлом в основном преобладают рассказы о мурманских промыслах, в то время как отсутствуют воспоминания о том, что местные поморы участвовали и в дальних зверобойных промыслах у Шпицбергена и Новой Земли. В Карельском Поморье в XIX – нач. XX вв. промысел морского зверя (нерпы, морского зайца, белух) производился по всему Кандалакшскому заливу, и был наиболее развит в Гридино и Калгалакше, меньше – в Керети и Черной Реке, Поньгоме и Летней Реке. В масштабах всего Поморья зверобойный промысел в Кандалакшской губе не имел большого значения, однако для местной экономики он играл важную роль. Это нашло отражение в системе локальных прозвищ – в полевом выезде в Лоухский район в 2022 г. было зафиксировано прозвище *гридонские бахилы*, которым жителей Гридино наделили соседи из Керети и Сонострова на основе

того, что гридоне носили длинные бахилы из кожи морских зверей²¹. Помимо промысла у берегов Кандалакшского залива, зверобойные артели из перечисленных поселений отправлялись на охоту в горло Белого моря за тюленями (с марта до мая) и к берегам Новой Земли за тюленями и моржами (с июля до октября). По свидетельству В.Р. Алеева, совершившего в 1911 г. исследовательскую поездку с целью изучения зверобойного промысла в горле Белого моря на промысловом судне «Николай», из 21 члена промысловой команды судна 15 зверобоев были родом из Гридино²².

В рассказах информантов зверобойный промысел связывался уже с деятельностью рыболовецких колхозов:

«Дедушка у нас работал, перерабатывали вот этих тюленей, белух, вот эти вот жиры. При моей памяти. Здесь был пункт переработки, рыбопункт, и пункты приема водорослей» (жен., 1958 г.р., Гридино);

«Папа мой ходил. Каждую весну они выезжали в основном Умба, Чаваньга. Туда выезжали. В Архангельске там иногда. Ну, они как-то там до 8 марта недели две, наверное. Весной это обычно было. После наваги всегда идет зверобойка» (жен., 1963 г.р., Поньгома).

«На зверька, называется. Первый раз я был Чапома-Чаваньга, напротив, через Умбу. Небольшие такие деревушки, там председатель был на две деревни, типа хутора. Зато там был магазинчик, там было все. У нас ничего не было, а там было все. <...> Второй раз в Койде был, там побольше деревня» (муж., 1966 г.р., Гридино).

При разговоре о поморском характере, смелости и стремлению к освоению неизведанных территорий некоторые респонденты одновременно с чувством гордости и сожаления говорили о достижениях поморов в области открытия и удержания арктических земель, считая, что это сейчас незаслуженно забыто:

²¹ Полевые материалы С.А. Минвалеева, Лоухский район, 2022 год.

²² Алеев В.Р. Отчет о поездке на морской звериный промысел в горле Белого моря в 1911 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. 1913. Т. II. Вып. 2. С. 27.

«Они по сути присоединили Арктику, и они незаконно забыты, понимаете. Мы там помним Петра I, который нам окно в Европу прорубил, молодец, но они-то не меньше надел присоединили к России. И сейчас все вот эти богатства, всё, нефть мы качаем там, а кто ее присоединил? Вот эти люди, а их даже не вспоминают» (муж., 1981 г.р., Кемь);

«Мы всю жизнь испокон веков живём здесь, на рубежах, наши предки охраняли тут от набегов, а мы теперь... Поморы мы, или не поморы, я считаю, что вообще должна быть какая-то такая вот, ну нация-не нация, общность “поморы”, и им тоже какие-то свои послабления должны быть даны» (жен., 1967 г.р., Беломорск).

«Поморы ведь, как эта территория вообще пришла к России? Новгородцы начали расширяться. И вот здесь мы остались. Я столкнулся с культурой Заонежья, и увидел, что это одно и то же, что и мы. То есть или, они там застряли, и практически в это время пришли сюда, вот практически в одно время, как заморозилось у них [культура], так и здесь, в Поморье. Карелы туда не претендовали, они жили лесом, поморы жили морем. Жили, соседствовали. И как-то все это принадлежать стало России» (муж., 1956 г.р., Кемь).

Образ «соседа»: карелы

При разговоре об этнодифференцирующих чертах и местной истории, как мы видим в примере выше, иногда возникали сравнения поморов с другими этническими группами и категориями, в первую очередь, с карелами. Частота упоминаний возрастала с продвижением от южной части Карельского Поморья к северной. Если в интервью из Нюхчи высказывания о карелах практически не фигурировали – *«у нас карелов тут никогда и не было, это потом когда-то поселились сюда поближе, а потом поженились, а потом остались»* (жен., 1940 г.р.), то в поселениях Лоухского района нередко можно было встретить потомков смешанных браков: *«отец мой из Гридино, <...> и матушка моя, карелка, с другого поморского селения [Соностров]»* (муж., 1948 г.р., Чупа). Также можно отметить, что взаимные высказывания с

негативным оттенком на севере нами зафиксированы не были, в то время как южнее на побережье Белого моря в Кемском и Беломорском р-нах в недавнем прошлом были записаны поговорки: *Карельская родня хуже зубной боли* (д. Летняя Речка)²³; *Хоть змея пусти за печку, хоть кореляка на печку* (с. Сумский Посад)²⁴.

Это можно объяснить, по всей видимости, большей замкнутостью поселений на южном берегу Белого моря вследствие их удаленности и сложной транспортной доступности. Автомобильная дорога от Беломорска до Нюхчи и в настоящее время находится в плачевном состоянии; железнодорожная ветка Сорока-Обозерская, соединившая Мурманскую и Северную железные дороги, была построена в 1939-1941 гг. Согласно сведениям из Списка населенных мест Карелии 1926 года²⁵, население в прибрежных поселениях этого района оставалось довольно однородным (см. Табл. 1). Данные поморские сообщества были более закрытыми, хотя контакты с карелами, и хозяйственные, и брачные, несомненно, тоже присутствовали, но не такие интенсивные, как в пограничной зоне Карельского и Кандалакшского берегов.

²³ ПМА, Кемский район, 2023 год.

²⁴ НМРК. Д. 398. Дневник Л.И. Капуста, составленный во время экспедиции в Беломорский р-н. 1979 г. Л. 95.

²⁵ Список населенных мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1926 года). Петрозаводск, 1928. 159 с.

Таблица 1. Этническая принадлежность жителей поселений по данным за 1926 год

	Населенный пункт	Русские	Карелы	Прочие нац-ти
КАНДАЛАКШСКИЙ БЕРЕГ	Колвица	12	183	12
	Лувеньга	1	22	
	Кандалакша	3817	104	274
	Княжая Губа	327	389	36
	Ковда	2453	50	4
	Нильмогуба	20	30	3
	Черная Река	333	25	5
	Чупа	349	162	141
	Нижняя Пулонга	10	46	6
	Кереть	969	57	3
КАРЕЛЬСКИЙ БЕРЕГ	Соностров		71	
	Гридино	379		
	Калгалакша	165		
	Поньгома	323		5
	Летняя Речка	177	12	
	Шуерецкое	988	114	13
ПОМОРСКИЙ БЕРЕГ	Сальнаволоок		149	
	Шижня	781	53	
	Сухое	457	20	
	Вирма	584		
	Сумский Посад	1121	11	4
	Юково	112		
	Колежма	1167	1	
	Нюхча	1737		

Оранжевым цветом отмечены населенные пункты с преобладающим карельским населением, голубым цветом – русским (поморов не выделяли в качестве отдельной этнической категории), зеленым – смешанное население.

Север Карельского Поморья характеризовался более пестрой этнической картиной. Период возникновения постоянных русских поселений на беломорском побережье совпал с продвижением на север карелов. Д.В. Бубрих, выделяя несколько волн карельского переселения, появление карел в средней и северной Карелии связывает с Ореховецким миром 1323 г.²⁶, когда была установлена граница между шведскими и новгородскими

²⁶ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947. С. 37-38.

владениями, в результате чего к Швеции отошли три западных карельских погоста. Первоначально на юго-западном побережье Белого моря вотчины новгородской и карельской знати соседствовали между собой до ликвидации самостоятельности Новгорода и потери его земельных владений в 1478 году. В результате деятельности Соловецкого монастыря карелы были оттеснены от морского берега, но затем неоднократно небольшими группами переселялись в поморские поселения и постепенно ассимилировались в русской среде. К примеру, В.В. Никольский, исследовавший беломорские промыслы в начале 1920-х гг., сообщал, что «жители Выгострова и Шижни, возводя свою родословную к эпохе никонианства²⁷, вместе с тем, утверждают, что карелы чуть ли не в одно время с ними начали участвовать в общем строительстве жизни. <...> Все подобные, давнего происхождения карельские пришельцы успели уже совершенно ассимилироваться: утратили связь с родиной, позабыли даже материнский язык и совершенно искренне выдают себя за коренных русских; они и юридически ничем не отличаются от остальной массы населения»²⁸.

Об ассимиляции прибалтийско-финского населения свидетельствуют также современные фамилии жителей поморских деревень, восходящие к карельским антропонимам: Карельские, Шамалуев, Куккарин (Нюхча), Пакулин (Колежма), Койбин, Шуттиев (Сумский Посад), Каншиев (Шижня), Адеев, Югаров (Летняя Река), Кутчев, Микков (Поньгома), Тиммиев (Черная Река), Коргуев, Таскаев, Тимиев (Кереть)²⁹.

Одна из значительных миграций карельского населения с территорий вокруг оз. Топозера к морскому побережью на севере Карельского и на Кандалакшском берегов произошла в конце XIX – начале XX в. вследствие

²⁷ Первые письменные упоминания о Шижне в источниках относятся к более раннему времени: в новгородских частных актах река Шижня упоминается с 1459 г., в 1539 г. земли по рекам Шижне и Выг и на Сухом наволоке с деревнями были пожалованы Соловецкому монастырю.

²⁸ Никольский В.В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря. М., 1927. С. 13.

²⁹ Об этом и карельском пласте топонимии Белого моря подробнее см. Кузьмин, Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Петрозаводск, 2007. С. 20-89.

ряда неурожайных лет³⁰. В это время карелы основали ряд поселений на озерах западнее от морского берега в глубине материка, а также несколько поселений на берегу моря (Колвица, Лувеньга, Нильмозеро, Нильмогуба, Соностров, Юково, Сальнаволоок), где проживали обособленно от поморов, но имели с ними тесные хозяйственные и брачно-родственные связи. Переселенцам не сразу удавалось получить доступ к морским и речным тоням³¹. Отголоски воспоминаний о противостоянии жителей двух соседних поселений, поморской Черной Реки и карельской Нильмогубы, сохраняются и в дискурсе информантов в наше время и выражаются во взаимных прозвищах. Чернореченцев-поморов карелы из соседней деревни Нильмогуба называли *шойболы*, отмечая их буйный, агрессивный характер (от местного названия '*шойбала*' - быстрый юго-западный ветер; *«расшумелся, как шойбала!»*). Те, в свою очередь, называли соседей-нильмогубцев *кошелями*, т.к. они ходили на рыбалку с берестяными кошелями за спиной. В интервью в Черной Реке пожилая информантка вспоминала, что *«карелы не любили русских, прямо в глаза могли сказать»*, с чем ее дочь сначала согласилась, а потом поправила – *«как же не любили, когда на мне карел жениться хотел?»*. В конце беседы обе информантки сошлись во мнении, что *«отношения были нормальные, хорошие»* (жен., 1930 г.р.; жен., 1953 г.р., Черная Река)³².

Сравнивая поморов с карелами, информанты вспоминали смешанные браки и сообщали, что конфликтов не было (*«принимали, а куда денутся»*, *«понимали друг друга»*), а бытовой уклад во многом совпадал, особенно, в отношении к чистоте: *«Карелы очень чистоплотный тоже народ, очень. И поморы им не уступят»* (жен., 1935 г.р., Княжая Губа). Карелов называли трудолюбивыми, менее склонными к пагубным привычкам (что, вероятнее всего, объясняется широким распространением старообрядчества и связанными с этим запретами), но вместе с тем им же атрибутировался

³⁰ Никольский В.В. Указ. соч. С. 15-16.

³¹ Там же. С. 14

³² ПМА, Лоухский район, 2022 год.

стереотип об «алкогольном гене» северных народов: *«Раньше говорили, что у карелов нет иммунитета, если они запили, то... Поморы тоже пьют, но они и пьяные работают»* (муж., 1966 г.р., Гридино). Представление о карелах как о других, обладающих потенциально враждебной силой – может не только помочь, но и в случае чего навредить – воплощалось в нарративах о колдовстве: *«Если приезжала женищина [из неместных карелов], баню топили и обязательно соседи своих детишек приволюкут»* (жен., 1935 г.р., Княжая Губа); *«раньше были, И., и В.И. жена, карелка тоже. Вот эти карелы-то колдуны»* (муж., 1959 г.р., Гридино). В числе прочих этнических границ выступало, как говорилось ранее, и освоение ландшафта – карелы воспринимались как оседлые, озерные, а также пищевые предпочтения: *«они знают, чем от нас отличаются, они рыбу тухлят. Карелы-то специально раньше, говорят, на печку бочку ложат. Я бы ее есть не стал. Там запах, мне кажется, один убьёт»* (муж., 1966 г.р., Гридино).

В поселениях Кандалакшского района Мурманской области сюжеты о заселении края отличаются еще бóльшим «этническим» разнообразием. Наряду с участием новгородцев в освоении территории, отмечаются также и карелы, и саамы:

«Я думаю, что здесь жили карелы до, а русские потом приходили. Вот новгородцы, ходили здесь дружины новгородские, отряды, которые как бы защищали эти границы, в древности дань собирали даже. И вот эти поселения наши как форпосты были. <...> Люди прибегали, бегали от крепостного права, от произвола. Бегали без жен. И поэтому заводили здесь семьи. Кого они брали в жены – тех же карелок, тех же лопарок. И перенимали. Вот где в России знали оленеводство, нигде. Оленеводство узнали от лопарей. Эти места наши – лешая лопь. Мы все дразнили друг друга в детстве “лешая лопь”. Как тут разделить, кто от кого пошел? Первые, это новгородцы, карелы, это была их территория, где они дань собирали» (жен., 1935 г.р., Княжая Губа).

Интересно, что у карелов, живущих в поселениях у Белого моря, также фигурирует тезис о стремлении предков к свободе, вольности: *«Карелы ни перед кем шапки не гнули. Не Иван ли Грозный еще тогда дал им, как бы, вольную, что они могли, спокойно, не снимая картуз, там ходить, карелы. <...> А потому что море, оно воспитывало так. Как говорится, кто в море не ходил, тот и Богу не молился»* (жен., 1958 г.р., карелка, Чупа)³³. Сравните с высказыванием поморки: *«Нет у него привычки кланяться, не так ведет себя, как человек в средней полосе за годы крепостного права, вечно угождать, шапку снимать перед каждым, кто господин. Этого не было у поморов, не было крепостного права, народ был вольный»* (жен., 1935 г.р., пом., Княжая Губа).

Культура и традиции

Наименее конкретизированной при разговоре о поморской идентичности оказалась категория «культура и традиции», под которыми понимается как «традиционный» хозяйственный уклад жизни – рыболовство, охота, сбор ягод и грибов, рацион питания, основанный на свежей морской рыбе, так и соблюдение местных принятых норм поведения – взаимопомощь, бережное отношение к природным ресурсам. При этом информанты зачастую отмечали, что способы производства этих традиционных видов хозяйственной деятельности неизбежно меняются: на смену деревянным лодкам приходят надувные лодки из ПВХ, все чаще используются моторы, эхолоты, приложения для отслеживания режима приливов и отливов и определения мест клева рыбы в зависимости от погодных условий. Как заключил один из информантов, *«все-таки надо все равно честно признать, что как бы уже всё, так скажем, основное ушло всё равно»* (муж., 1981 г.р., Кемь).

Вместе с тем сохраняются знания о сезонах и сроках лова рыбы, на практике передаются навыки хождения по морю: знание глубин, проходов в

³³ Полевые материалы С.А. Минвалеева. ФА ИЯЛИ № 4251.

заливы и устья рек, важность отслеживания режима приливов и отливов³⁴, определение погоды по фазам луны. Также могут передаваться «заветные», уловистые места: *«у него [мужа] свои заветные места. Вот уже когда он заболел в 2011 году, вот ребятам сказал, что, ребята, поедem, у него два сына, я вам покажу те места, где никто не знает»* (жен., 1951 г.р., Поньгома). При этом строгого закрепления промысловых точек нет: если кто-то поставит сети на чужое место, в большинстве случаев это не провоцирует конфликт: *«приезжаем – свободно, значит ставим на свои места; поставили на моем месте, ничего, я пять метров отъеду и поставлю свою сетку»* (жен., 1950 г.р., Кемь). Примерно такое же отношение наблюдается и к тоневым избам, которые не принято закрывать на замок. Как правило, у старых «колхозных» тоневых изб есть свои «хозяева» из местных жителей, которые за ними следят, ремонтируют, и чаще всего останавливаются там на промысле. Если изба свободна, любой приехавший на тоню также может там переночевать; второй вариант – желающий остаться в избе может заранее позвонить «хозяину» избы и предупредить его. В тоневой избе принято поддерживать порядок, оставлять сухие дрова, спички, иногда – продукты. Новопостроенные избы также обычно не закрывают на замок.

В качестве культурных отличий поморов чаще всего отмечались особенности русских беломорских говоров. Многие информанты, проживающие в городской среде, упоминали своеобразную ритмику речи, диалектные слова, местные выражения. Они часто слышали их в детстве в деревенской обстановке, но не воспринимали, как что-то необычное:

«Я тогда еще в принципе не знала, что это поморский говор, поморская говóря, но эти слова мне были знакомы с детства» (жен., 1969 г.р., Кемь);

³⁴ Белое море характеризуется широкой полосой приливов и отливов, и это необходимо учитывать для построения маршрута, например, времени отъезда и прибытия – во время отлива не всегда можно выйти в море через устье реки; если оставить лодку на литорали, во время прилива ее может унести в море.

«Были слова какие-то, названия ветров или что-то поморские, но тогда это в детской памяти не отложилось, потому что как-то специально об этом не говорили, что вот мы поморы» (жен., 1975 г.р., Беломорск).

Использование «поморских» идиомов прекращалось обычно в связи с попаданием в иную культурную среду, к примеру, при переезде из деревни в город во время учебы: *«тетя Аня, она приехала когда в Кемь в интернате учиться, говорит меня переучивали, меня никто не понимал, <...> меня переучивали говорить по-русски»* (жен., 1974 г.р., Кемь). Более резкий контраст наблюдался при отъезде на учебу в другие города, например, Петрозаводск: *«Всегда говорили, что я такие словечки говорю, которых вообще нет. Типа «кóлайдает», «куйпога», это я у бабушки слышала <...>. «А́ндели» там, вот эти, такие какие-то словечки. Они говорили, где ты такие слова берешь? А я не знаю, говорю, я как-то даже не задумывалась»* (жен., 1962 г.р., Беломорск).

На вопрос, используют ли сейчас «поморские» слова в повседневной жизни, часть информантов отвечала утвердительно. В пример приводились отдельные слова, выражения, названия ветров, природных и погодных явлений. В процессе интервью в речи информантов можно было услышать лексику, связанную с морской и промысловой терминологией: *куйпога* (сухой берег при отливе), *шкэ́рить* рыбу (чистить), *пласта́ть* рыбу (чистить, разделывать), *па́ла по́ветерь* (попутный ветер), *попасть в погóду* (шторм), *моря́на* (холодная погода со слабым дождем), названия ветров *шелóнник*, *поберéжник*. Но в целом больше заметна символическая, нежели коммуникативная, функция беломорских говоров: способность понимать диалектные слова, знание или память о том, что прежде использовали «свой поморский язык» воспринимаются не только как этнодифференцирующий признак, но и как одно из оснований локальной идентичности. В данном контексте можно привести пример из села Гридино: основательница местного музея И.А. Филипенко вместе с односельчанами составила «Словарь поморских слов "Малтать по-гридонски"».

Собирание диалектных слов является распространенной практикой не только среди краеведов, но и внутри семей, как способ поддержания межпоколенческой связи и солидарности членов семейно-родственной группы:

« - Вам хотелось бы, чтобы внуки тоже знали историю своей семьи?

- А как же. У меня ведь была тетрадка, там 500 или 600 слов поморских. В то время у меня как из рога изобилия такие слова, были такие вот жєницины, не замечаешь, что ты говоришь поморское слово, вот таким языком разговаривали. <...> Брат мужа меньше, но он говорит записываю, даже пословицы и поговорки. Поморские наши, очень здорово. И ребята [племянники] сейчас читают, удивляются, надо же.

- А брат вашего мужа здесь живёт?

- Нет, он в Питере. <...> Раньше каждый год приезжали сюда зимой, и с детьми» (жен., 1940 г.р., Нюхча).

Другая информантка из Кеми, уроженка Гридино, привела в пример использование говора на внутрисемейных праздниках: *«Мама у меня этим занималась, я же тоже не слушала, мне тоже не интересно было. Сейчас бы – а спросить не у кого! У меня иногда получается, что где-то когда-то вспомнится – я раз и записываю, слово запишу, выражение запишу. <...> Даже иногда какое-нибудь небольшое повествование сочиню, действие какое-нибудь на поморском языке, вот придет. <...> Мы [дочь и внучка] даже просто сами, у нас есть поморские наряды, вот у нас есть какая-то тусовка, мероприятие, дни рождения или что, наряжаемся и придуряемся, как называется. "Да будет тебе, да ладно, да будет..." Присутствующие нас понимают, это хорошо, это и смешно, и интересно» (жен., 1955 г.р., Кемь).*

К сфере традиционной культуры информанты относят также соблюдение некоторых бытовых обычаев: стирали и топили бани по субботам, в воскресенье и церковные праздники старались отдыхать, печь пироги, ходить в гости: *«[Муж недавно] строил лодку, но в Страстную пятницу не строил, был дома» (жен., 1959 г.р., Нюхча).* В качестве традиций воспринимается и

обычаи ряженья на Святки, гостевания в праздничное время («гостьбы»), исполнение поморских песен на свадьбах, домашних застольях, отмечание церковных праздников («старинные праздники»):

«Я помню в Териберке церковные обряды на Рождество, на Паску, вокруг дома обходили со свечками. Выходили во двор женщины, и обходили с молитвами и со свечками. Молитвы не забывались. Своего рода крестный ход малый, около дома. Выходили, в 12 часов, ну у нас «стряпалось», приготовили все, «отстряпались», ну и пошли в 12 часов, обойдут дом. Я сейчас, например, когда наступает Пасха, наступает Рождество, я зажигаю свечку. И я даже заметила, что и в Мурманске, потом-то мы жили в Мурманске, в некоторых домах не горит свет в 12 часов. Люди со свечкой обходят свой дом. И вот здесь, я с тетушкой жила, зажигаем свечку, Христос Воскресе, и обходим, начиная с кухни, у нас там образа висят, открываем, идем на двор, обходим туда, там не живем, но все равно обходим, приходим сюда, и вот так. Обязательно» (жен., 1942 г.р., Нюхча).

При том, что информанты подчеркивают современное исполнение отдельных обрядовых действий в своих семьях, в общем контексте обсуждения традиций и обрядов их рассуждения зачастую смещаются в зону прошлого: они рассказывали скорее не о практикуемых в настоящее время действиях, а о том, как эти обряды соблюдали родители и прародители.

К области традиций можно отнести и корпус нарративов, связанных с религией. Отмечались запреты в отношении религии в советское время и ее полулегальное существование в рассказах о разрушении храмов, спасении икон, организации молельных домов, отмечании церковных праздников. Несмотря на заявления в печати и внешний запрет, население поморских сел, в основном старшее, продолжало по возможности отмечать церковные праздники. Религия стала интимной, потаенной частью жизни: *«Они были верующими людьми в душе. Вот почему сохранились эти иконы, иконы-то ведь у деда куплены в 1914 или 1915 году. Ведь у П., крайний дом сейчас, там были иконы собраны в чемодан, в ящики такие, хранились. Там ведь много*

икон нашли тогда. И все это хранилось, и все это было необходимо, понимаете какая вещь. И этим дорожили» (жен., 1942 г.р., Нюхча).

В Нюхче практиковался обычай в Духов день совершать ход на Святую гору, где раньше находилась Ильинская часовня³⁵; в Гридино в ночь на Пасху одиноким пожилым женщинам тайно привязывали к калитке тючки с угощением (*темна милостина*)³⁶. Роль церковных служителей выполняли набожные пожилые люди. Иногда неофициальные молельные дома существовали бок о бок с колхозной администрацией, что иллюстрирует рассказ информантки из Нюхчи:

«Мой дед набожный был. А что, женщины потеряли мужей, семьи были у кого три, у кого пять ребятишек, голодно, все со слезами ходят. Так вот придут, на лавочку сядут, и вот дед читает службы. А кровать у нас в кухне стояла, красивая такая, деревянная кровать, так вот я лежу и слушаю. А бабушки когда встанут, когда сядут, посидят, но больше всего сидели, потому что они уставшие. По воскресеньям приходили, или в праздник какой.

- Это в каких получается годах?

- В сорок пятом, сорок шестом, в сорок седьмом он уже умер. <...> Храм-то разрушили, и вот он дома потихоньку. Запрещали тоже. У нас за стенкой был председатель совета дак.

- А он не знал об этом?

- Ну так, его отец [дед информантки – отец председателя, прим. мое]. Но всё равно потихоньку, женщины потихоньку придут, посидят. Когда чаю попьют с таким, когда и чая нету» (жен., 1940 г.р., Нюхча).

В сельской местности часто звучали рассказы о старообрядческих традициях местного населения: использовали персональную посуду и столовые приборы, крестились двумя перстами, существовали свои молельные углы в доме. Но в целом не акцентировалось внимание на религиозности в значении этнодифференцирующего признака поморов.

³⁵ Кичангин В.М. Нюхча: К 90-летию организации колхоза «Беломор». 2021. С. 9.

³⁶ ПМА, Кемь, 2020 год; Гридино, 2021 год.

Вероятно, это можно объяснить тем, что соседние группы в подавляющем большинстве разделяли общую религиозную принадлежность – православие или старообрядчество, которое было широко распространено на севере Карелии, поэтому она не играла роль культурной или этнической границы. В этом контексте уместно привести сравнение с казаками – согласно исследованию, проведенному на материалах, собранных в субъектах Северо-Кавказского федерального округа, ядром ценностной системы казаков и значимым фактором самоидентификации выступает православная вера³⁷.

Таким образом, в нарративах информантов можно выделить следующие основания поморской идентичности: проживание на берегу Белого моря и хозяйственно-промысловая деятельность, связанная с морем; хозяйственные и культурные практики, составляющие определенный уклад жизни, понимаемый как *традиционный*; «укорененность» на поморской территории: факт рождения и/или длительное проживание у Белого моря, наличие родовых мест, родственных связей с *настоящими поморами*; чувство принадлежности, сопричастности, ощущение связи с морем и/или поморскими поселениями; разделяемые представления о некоторых исторических событиях, имеющих символическое значение, и ценностно-нравственных образах, выраженных в описаниях поморского характера. Схематично их можно представить следующим образом (Рис. 2).

³⁷ Михайлова Е.А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №4. С. 136.

Маркеры поморской идентичности

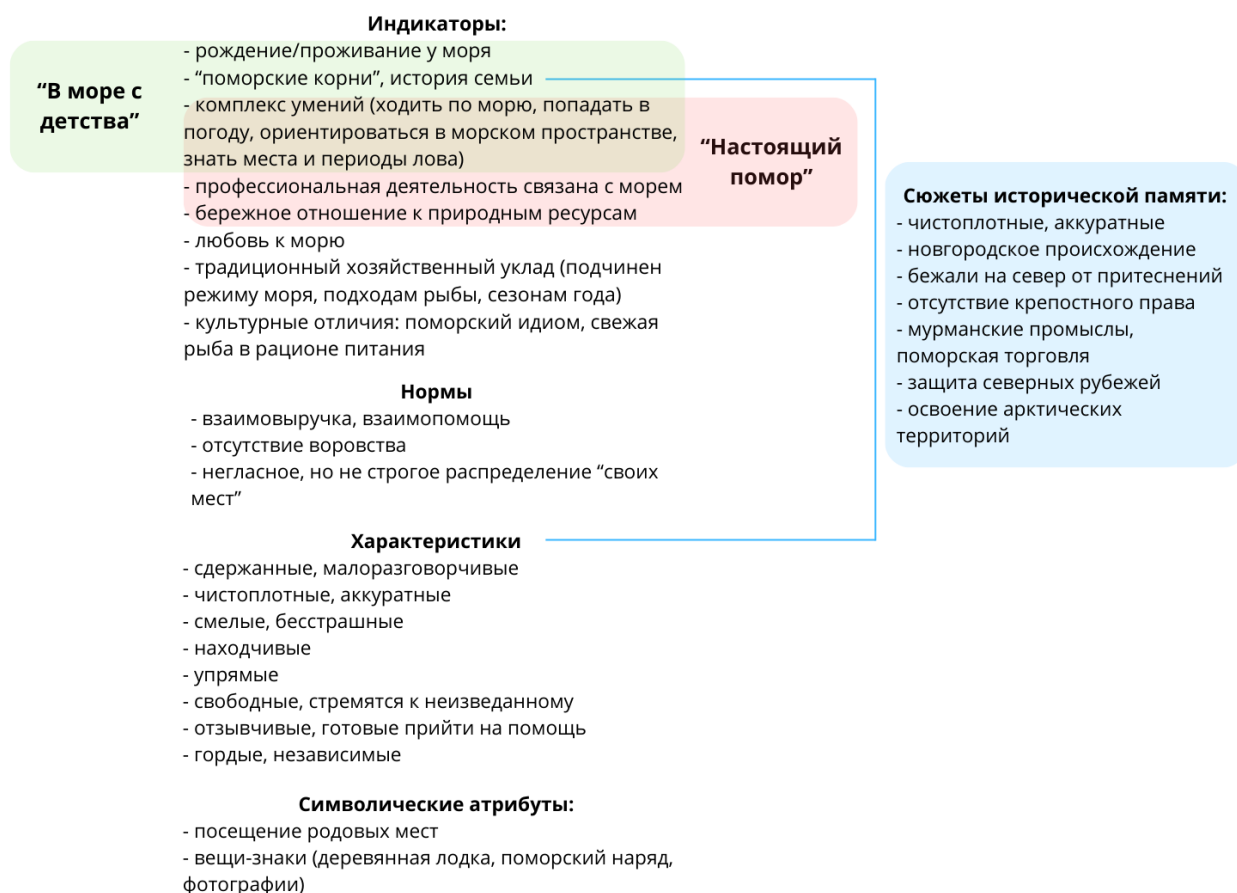


Рис. 2 Категории маркеров современной поморской идентичности

Отправной точкой для конструирования поморской идентичности является все, что связано с территорией проживания – берегом или близостью Белого моря, что вложено в самоназвание группы. Но факт проживания «у моря» оказывается важным не сам по себе, а в сочетании с другими не менее значимыми составляющими. Их взаимодействие мы рассмотрим в следующем параграфе.

§ 2. Механизмы конструирования поморской идентичности

Учитывая, что самоопределение человека всегда индивидуальный процесс, происходящий под влиянием различных внешних и внутренних факторов, постараемся, тем не менее, обратить внимание на некоторые

заметные черты. Территория у моря (место рождения; место, где прошло детство или место постоянного проживания) является отправной точкой для определения поморской идентичности, связь с территорией важна для актуализации идентичности, но сама поморская идентичность не является исключительно территориальной. Также нельзя сказать, что это профессиональная идентичность: как сравнил один из информантов, *«из этой логики следует, что казак – это тот, кто с шашкой на коне»* (муж., 1954 г.р., Нюхча). Несмотря на то, что в сельской местности у информантов пожилого возраста чаще выявляется корреляция поморы = те, кто занимаются рыболовством как профессиональной деятельностью, например, в составе колхозных рыболовецких бригад, значимой составляющей и у сельских, и у городских жителей оказывается наличие поморских корней, т.е. кровное родство с *настоящими поморами*. Однако и это нельзя назвать универсальным определяющим фактором в пользу выбора поморской идентичности. В одних случаях это является достаточным основанием для актуализации этничности, в других – нет:

«Да, я считаю [себя поморкой], я считаю. На море выросла, все воспоминания оттуда, на кладбище все наши родственники в Сухом, всё связано вот с этим» (жен., 1967 г.р., Беломорск);

«[Папа], конечно, да. И мама тоже может поморкой была. Но тогда не задавали, вот, ты помор ли что ли? Оно как-то редко это слово было всегда. Хотя они поморы, действительно, поморы. Но спрашивают, ты, разговор такой, так ты там поморка или кто? Вроде как не знаю, хочется сказать, и не хочется, не знаю. Поморка я или не поморка... Ну потому что я не связана очень-то была с морем-то. Связана была с культурой [работала киномехаником]» (жен., 1947 г.р., Нюхча).

Приведенные выше примеры также демонстрируют, что проживание в городе и деревне обуславливает несколько различающиеся наборы маркеров идентичности, выделяемых ее носителями. У горожан старинные сельские поселения в целом воспринимаются как места, где сохраняется подлинная

«поморскость»: *«вот там идентичность»* (жен., 1975 г.р., Беломорск); *«я считаю, здесь она действительно настоящая, здесь ничего наносного нет»* (жен., 1959 г.р., Нюхча). В настоящее время отдаленные села на Поморском и Карельском берегах маркируются местными жителями как *«действительно поморские села»*:

«Если, например, поедете в то же самое Гридино, в ту же самую Калгалакшу, да – понятно, что это вот действительно поморские села, они вот, коренные поморские» (жен., 1969 г.р., Кемь);

«Колежма, там все потомственные рыбаки. Сумпосад – там много всего, они ходили в море, но и работали в леспромхозе, любой профессией уже занимались, кто-то железнодорожники. В свободное время они все равно рыбаки, потому что да, они мореходы. А Колежма и Нюхча – там только в основном рыбаки, потому что там это осталось, исконное» (жен., 1965 г.р., Петрозаводск);

«Гридоне – настоящие поморы, они и промыслом зверя занимались, и рыбу ловили, рыболовецкий колхоз был» (муж., 1963 г.р., Малиновая Варакка);

Проживание в деревне зачастую воспринимается как близость к тому самому традиционному укладу жизни: *«думаю, что век прожили, да ничего не изменилось у нас, да мы сами не изменили ничего, как жили, дак так и живем. Как надо»* (жен., 1938 г.р., Гридино). С.А. Тулаева, анализируя поморское движение в Архангельской области, также пришла к выводу, что для его лидеров поморские деревни были важны не с экономической точки зрения, а как *производящие традиционность* (образ жизни, отношение к природе, лов рыбы традиционными орудиями), и поскольку «переизобретение традиций и формирование новой групповой идентичности <...> нуждается в некоторых материальных доказательствах своего существования, традиционные деревни в этом случае оказываются дополнительным аргументом в их пользу»³⁸. Мои полевые материалы показывают, что даже для людей, не вовлеченных в

³⁸ Тулаева С. А. Поморская идея: возникновение и развитие // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 9.

этнопроектную деятельность, старинные поморские села воспринимаются как своеобразные заповедники «поморскости», места, где живут «настоящие поморские традиции».

При этом в сельской местности к праву называться помором относятся еще избирательнее: не всякий, живущий в поморской деревне, является помором. За таковых не признаются переехавшие в поморские села уроженцы других мест, а также их уже взрослые дети: *«Ну вот стоят здесь, всю жизнь поморы. Ну я не знаю, у кого предки. Тут есть приезжих много, те не поморы. Ну они напополам, может быть, они местные, ну а нас-то [можно назвать поморами], мы местные»* (муж., 1965 г.р., Гридино).

Однозначное определение этнической принадлежности детей от браков между «местными» и «приезжими» вызывает сложности. Выше приведена цитата из интервью с мужчиной в Гридино, который разграничивает местных («стоят здесь, всю жизнь поморы, у кого предки»), и приезжих, которые, по его мнению, возможно уже и стали «местными», но не поморами; при этом в разговоре с односельчанкой он затруднился однозначно определить «поморскость» рожденных в браках между «коренными местными» и «приезжими» детей:

«1: Вот взять Г., у нее муж помор, а она? [Г. родом не из Гридино]

2: Она нет.

1: А их дети?

2: Ну вот это уже хер знает как...» (1 – жен., 1957 г.р., 2 – муж., 1965 г.р., Гридино).

Занятие рыболовным промыслом в качестве профессиональной занятости является значимым при выстраивании границ группы сельскими жителями. Они считают городских поморами при определенном обстоятельстве – если последние также живут за счет морских ресурсов. Приведем в пример разговор информантов в Гридино:

«1: Дак они тоже у моря. Также у них ведь свои обычаи, похожи на наши. Рыбачили так же, я же в Беломорске, Вирме была, тоже весной с фукусом, со всеми, тоже ведь сётями занимались.

2: [вернулся после телефонного разговора]: Калгане?

1: Нет, в Беломорске.

2: Ну да, там-то тоже колхозы такие, ну да.

3: В Кемии тоже же был колхоз, «Океан» по-моему назывался.

1: Да.

2: Там еще под Кемью были» (1 – жен., 1938 г.р., 2 – муж., 1966 г.р., 3 – жен., 1957 г.р.).

Таким образом, в повседневной жизни в сельской местности поморская идентичность поддерживается больше за счет практикуемых действий: рыболовство как основное хозяйственное занятие, система питания, включающая большой набор блюд из свежей рыбы. Она не так сильно артикулирована в повседневной жизни, однако там, где сохранились дома культуры, фольклорные группы, различные элементы поморской культуры демонстрируются на сельских мероприятиях. Собираение старинных вещей и ведение краеведческой деятельности также становится каналом поддержания и трансляции локальной идентичности. Как правило, в таких случаях достаточно инициативы со стороны одного активного начинателя и поддержки со стороны сообщества, выражаемой в передаче предметов в музей в качестве экспонатов, помощи в обустройстве помещения под хранение музейного фонда, участие в сборе материала в качестве информантов.

В процессе интервью с городскими жителями вопрос «Считаете ли Вы себя помором/поморкой?», задаваемый после обсуждения различных аспектов и черт «поморскости», в целом побуждал к рефлексии информантов, которые не поддерживают самообеспечение за счет морских промыслов и не всегда живут у моря. Актуализация поморской идентичности в таких случаях связывалась с процессом поиска своего места в текущей социальной

реальности, осмыслением своего «я», попыткой связать себя со своими предками. Это иллюстрируют следующие фрагменты интервью:

«Я не живу морем, я уехал в Петрозаводск, и в принципе здесь вырос, но в тоже время как-то к тридцати годам какая-то такая прошла у меня тоже самое идентификация. <...> Самоидентифицирую [помором] себя почему – потому что у меня там корни все мои, я оттуда пришёл, я не пришёл просто откуда-то, за мной стоят несколько поколений людей» (муж., 1988 г.р., Петрозаводск);

«Ну как-то вот теперь, с возрастом, мне хочется считать себя поморкой больше. Раньше, я говорю, об этом не задумывались, русская в паспорте, русская речь, ничего такого, казалось бы, нет, а когда понимаешь теперь и знаешь, что это так, то... Хотелось бы быть поморкой» (жен., 1975 г.р., Беломорск)

В ряде случаев актуализация идентичности произошла в результате возросшего интереса к локальной и семейной истории в силу различных внутренних мотивов: профессиональная деятельность, личный интерес, желание узнать больше о своем происхождении. Т.Г. Стефаненко, разрабатывая проблемы этнопсихологии, указывала, что «одна из причин всплеска этнической идентичности в современном обществе – поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией, вызывающем чувство беспокойства и тревоги, нестабильном, полном насилия мире»³⁹. Свою роль сыграли и внешние факторы, когда в процессе попыток развития туристической отрасли в общем информационном пространстве начали визуализироваться и популяризироваться исторические и культурные особенности территории. Этому способствовала и реализация проектов этнокультурной направленности. В данном контексте можно привести пример, когда соприкосновение с реконструируемой культурой побудило «всплеск» самоидентификации:

³⁹ Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. №2. С. 5.

*«Я помню, что поморский наряд [для проведения мероприятия] мне тогда предоставила любезно жительница Сумского Посада <...>. И вот это ощущение, наверное, пошло именно оттуда, **вот я не знаю, когда надеваешь поморский наряд, чувствуешь себя совсем по-другому**» (жен., 1975 г.р., Беломорск);*

*«Нам Г.П. сшила поморские костюмы. Вот сейчас есть у меня тот костюм. Мне было интересно его надеть, и сразу хотелось что-то проводить, потому что как перевоплощение. **Я думаю, ну все, значит поморские корни!** Потому что ради этого костюма я начала вести эти, не то что ради, а вот то, что перевоплощение, стала вот эти программы – «Поморская изба», все эти вести, вот такие» (жен., 1962 г.р., Беломорск).*

Таким образом, для городских жителей поморская идентичность, как правило, базируется на «исходных» основаниях – рождение и проживание какое-то время в поморском поселении и/или наличие кровных родственных связей, «поморских корней». Культивирование в себе «поморскости» и приобщение к *поморскому* происходит несколькими способами. Первый – через изучение семейной истории, собирание старинных предметов (см. Приложение 4, рис. 20), обладание вещами, наделяемыми символическими функциями, связанными с памятью:

«Я себе на 60 лет сшила новую лодку деревянную, себе подарок сделала» (жен., 1950 г.р., Кемь);

«У меня кости кита на улице, позвоночника, потому что я их привез. Есть якорь такой, которого в Кемь нету, почти до потолка, который я вытащил со дна. <...> У меня есть фотографии очень интересные жителей, поморов конца XIX — начала XX века. Лейцингера фотографии. <...> Потому что это тоже пласт культуры нашей. Ну что-то останется такое. И я их очень бережно храню» (муж., 1956 г.р., Кемь);

«Я даже себе сарафан сшила. У меня сарафан себе, дочери и внучке шит» (жен., 1955 г.р., Кемь).

Второй путь подпитки поморской идентичности у городских жителей состоит в посещении культурно-досуговых мероприятий поморской тематики. Как правило, участие в таких мероприятиях вызывает сильный эмоциональный отклик: *«Мурашки бегали по коже от начала и до конца всего выступления моих замечательных землячек – поморских женок. <...> Я горжусь, что родилась в Поморье! Горжусь своими бабушками поморками-певуньями-виремчанками! Горжусь, что принимала когда-то участие в коллективе сама!»* (отзыв после посещения юбилейного концерта Поморского русского народного хора в Петрозаводске⁴⁰).

Еще один способ поддержания не только поморской, но и локальной идентичности – ведение страниц и групп в социальных сетях, посвященных определенному поселению. К примеру, группа «Село Шуерецкое»⁴¹ создана 10 марта 2009 г., в ней на июнь 2024 г. состоит 949 человек. Администратор группы – уроженка села, проживающая в Петрозаводске. Среди публикуемых записей преимущественно репосты⁴² публикаций о поморах из других групп исторической, краеведческой и этнографической направленности (страницы Кемского краеведческого музея «Поморье», Яреньгского музея «Поморская Изба», «Карельский колорит», «Котласский Коллекционер» и др.); поздравления с государственными и православными праздниками; посты с целью уточнения информации (ледовая обстановка на реке, просьба сфотографировать дом прабабушки и т.д.). Есть отдельная рубрика «Люди и события в истории села Шуерецкое», где публикуются авторские посты. В комментариях к некоторым публикациям подписчики активно делятся воспоминаниями. К примеру, репост публикации с личной страницы администратора группы о приготовлении беломорской сельди вызвал оживленное обсуждение:

⁴⁰ Пост во славу Поморского русского народного хора // Личная страница Людмилы Роц ВКонтакте. 6 ноября 2022. URL: https://vk.com/lrots?w=wall555337679_1023 (дата обращения: 13.06.2024).

⁴¹ Село Шуерецкое // Группа ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club8324920> (дата обращения: 14.05.2024).

⁴² Репост (от англ. repost, reposted message) – это действие в социальных сетях, при помощи которого пользователи могут делиться понравившимся контентом на своей странице или в группе, при этом сохраняется ссылка на первоисточник публикации.

«Беломорка, вода, соль и... хвостик к хвостику!... Рассыпчатая домашняя картошечка и чёрный хлеб из нашей местной пекарни!... Всё, как моя бабушка делала! <...> Самая лучшая еда в сезон, когда в море шла и ловилась селёдка-беломорка! Люблю! И всегда буду любить и готовить! Лишь бы... ловилась! Мы же – поморы!»⁴³

Комментарии:

«Мама так делала на углях в русской печке! Пальчики оближешь!»;

«И запах, и вкус в голове! А в памяти дядя Слава Галанин:" Катюшка, пойдем рыбку есть"...»;

«Да, Славик был помором с поморской говорей! Очень любил рыбу!»;

«Так вкусно сказано!!! Мама всегда говорила: мы поморы!»;

«Отличные были времена, всегда бабулечка нажарит в печке селедочку, ведь как раз приезжали на зимние каникулы».

В группе также публиковалась информация накануне переписи населения о возможности указать себя поморами и поздравления с Международным днем коренных народов. В тексте поздравления был сделан акцент на отличительные черты поморов – вклад в историю освоения беломорского побережья, своеобразный говор, традиционный женский костюм: *«Мы – поморы, хоть и из новгородцев, по праву считаем себя коренными жителями Карельского Беломорья. Это наши далекие предки заселяли, осваивали, открывали морские просторы Белого моря! Наша поморская гóворя не стала одним из признанных языков Карелии, но этим мы отличаемся от других! А наряды поморских девушек и женщин своеобразны, неповторимы и удивляют своей красотой и роскошью!»⁴⁴.*

В условиях современного общества с множеством гибридных идентичностей и лояльностей поморская идентичность не существует сама по себе, она встроена в целый ряд других идентичностей – региональную,

⁴³ Дождались!!! // Село Шуерецкое, 19 декабря 2021 года. URL: https://vk.com/club8324920?w=wall-8324920_8854 (дата обращения: 14.05.2024). Здесь и далее в цитатах из СМИ и интернет-ресурсов пунктуация и орфография сохранены.

⁴⁴ [Поздравление с Международным днем коренных народов] // Группа ВКонтакте «Село Шуерецкое». 10 августа 2021 года. URL: https://vk.com/club8324920?w=wall-8324920_8485 (дата обращения: 14.05.2024).

этническую, локальную. Очевидно также, что у каждого человека конструируется своя иерархия идентичностей, где в зависимости от внешнего и внутреннего контекстов могут меняться приоритеты, на первый план выходить то или иное самоопределение. Даже в течение одного интервью, в зависимости от темы, могут актуализироваться разные грани этнического самоопределения: *«Конечно, [считаю себя поморкой]. Кем мне еще себя считать, если все были поморами, чистой поморской крови»*, и ранее в той же беседе: *«Ну вот у меня, у меня что, не карельская что ли кровь? Я по матери пускай русская, а по отцу - да, они правда обрусевшие, но они карелы»* (жен., 1936 г.р., Княжая Губа).

Тем не менее, можно сделать некоторые обобщения, говоря о языке и терминологии, через которую описывается поморская идентичность. Практически все информанты, идентифицирующие себя как поморы, маркировали свою этническую принадлежность как «русский помор», «русская поморка»:

«Идентифицирую себя как русский помор, да. Но в первую очередь я, конечно, русский» (муж., 1988 г.р., Петрозаводск);

«Я бы, наверное, написала «русская», но все равно говорю, что я отношу себя к поморам».

- *Русская поморка?*

- *Русская поморка»* (жен., 1975 г.р., Беломорск).

В собранном мной полевом материале случаев разделения поморской и русской этничности не было зафиксировано: *«Ну, поморы-то русские, язык все равно русский»* (жен., 1967 г.р., Гридино). Категория «русские» воспринимается как официальная, признанная, закрепляемая в паспорте и переписи. «Поморскость» в сравнении с этим осмысливается как нечто наследуемое: как сообщила одна информантка, этническая идентичность не играет для нее значимой роли, «по папе» она поморка, «по маме» – карелка, а в официальных документах – русская: *«Я не чувствую никакой разницы, помор, карел, или еще кто-то, нет. Ну я, как бы, если по папе судить, то да,*

поморка. Если по маме, то карелка. А в паспорте русская. Нету, говорят, такой национальности, поморы. <...> Вот нас записали по папе, что мы тут в деревне родились, так нас и записали “русские”» (жен., 1958 г.р., Гридино).

Как отмечает А.К. Байбурин, фиксация этнической идентичности в паспорте и феномен «паспортной национальности» является следствием стремления к ее максимальной объективации и эссенциализации⁴⁵. В отношении поморской идентичности это справедливо по отношению к желанию зафиксировать ее в переписи населения и, таким образом, наделить легитимностью:

« - Вы с какого времени записывались поморкой?

- Когда был такой вопрос, я не помню, в каком году это появилось, я уже сразу стала. Потому что с 1988 по 1990 я работала в статистике в Кемь, этого не было, писали “русские”, не было такого в переписном листе, отмечать, что “поморы”, нет. Мы хотели давно уже, чтобы поморы, всё. Но появилось позже намного.

- И вы сразу стали отмечать?

- Я всегда говорю, что я чистокровная поморка. Что у меня никаких примесей нет» (жен., 1950 г.р., Кемь).

В силу различной осведомленности информантов и погружения в новостную повестку, связанную с поморским движением, поморы помещались в различные номенклатурные рамки. Наиболее часто звучало мнение «поморы – это не национальность», вместо этого: *выходцы из русских, народность, группа, «это так уж, название, что мы по морю живем и все»* (муж., 1966 г.р., Черная Река). В редких случаях в интервью в данном контексте вспоминались казаки – группа, также учитываемая в официальной переписной номенклатуре как подкатегория русских и не имеющая в широком восприятии статуса «народа»: *«Казаки, у них ведь тоже не национальность, но вот они так более-менее организованы. На Дону, на юге, не было*

⁴⁵ Байбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб., 2017. С. 453.

крепостного права, так и на севере не было» (муж., 1950 г.р., Гридино). Реже поморы назывались «субэтносом», при этом данное понятие употреблялось в двух значениях: 1) как часть более крупной этнической группы: «это субэтнос такой, который просто, как и вологодские, у которых есть там разница в акценте» (муж., 1988 г.р., Петрозаводск); 2) как этническая группа, сформировавшаяся из разных компонентов: «в субэтнос поморов входят четыре национальности: саамы, карелы, ненцы, и собственно русские» (жен., 1966 г.р., Кемь).

Отмечу, что последнее мнение встречалось реже всего, можно сказать, что это были единичные эпизоды. Цитата, приведенная в примере, принадлежит женщине, которая активно занимается реализацией этнопроектов, осведомлена о деятельности участников поморского движения в Архангельской области. В остальном редкие упоминания перипетий с признанием поморов КМН в дискурсе информантов свидетельствуют о низком уровне информированности по этой теме: *«Хотели, хотят сделать народность поморы. Признать поморов как часть народа. Не знаю, это будет или не будет. Ну по всему-то по морю, до Архангельска» (жен., 1940 г.р., Нюхча).*

А.Н. Пыжова, изучая преимущественно городскую поморскую идентичность в Архангельской области, выделила несколько позиций касательно сущности поморской идентичности. Согласно первой, которую поддерживали лидеры поморского движения, поморы – это коренное население с финно-угорским происхождением. Вторая точка зрения, преобладающая как в политическом, научном дискурсе, так и среди ее информантов, базируется на принадлежности поморов к русским и выражается в разном спектре: часть русских, группа севернорусского населения; локальная или культурная идентичность; отрицание существования поморской идентичности и ее растворение в русской. По ее мнению, узкоориентированная модель поморской идентичности, основанная на финно-угорском происхождении, вызывала сопротивление и непонимание

в академических кругах, а также со стороны местных и центральных властей; сравнение поморов с коренными народами, ненцами или саамами, воспринимаемыми как «инородцы», не вписывалось в мировоззрение части носителей поморской идентичности⁴⁶. В этом смысле термин «русские поморы» довольно удобен: в нем нет отсылок к дистанцированию от крупной этнической группы, и в то же время подчёркивается исключительность и самобытность поморской группы; он также органично отражает ситуацию в Архангельской области, где многие называют себя русскими поморами⁴⁷. Исследовательница пришла к выводу, что поморы являются носителями двойной идентичности – поморской и русской, и не всегда однозначно можно определить границы этих идентичностей и сказать, где заканчивается «русская» и начинается «поморская».

Как было обозначено выше, подавляющая часть моих информантов также определила поморскую идентичность, как включенную в русскую. Однако вместе с тем обнаружились и другие вариации. У некоторых информантов из Лоухского и Кандалакшского района, пограничной зоны Карельского и Кандалакшского берегов, проявляется еще более сложная структура этнической идентичности. Этнограф А.П. Конкка сообщил о том, что в экспедиции в Варзуге в 1987 г. одна из информанток около 80-ти лет сказала ему: *«мы не русские, мы поморы, в нас всякой крови течет, и лопарской, и карельской»*. В полевом дневнике Д.Н. Кузнецова, сотрудника Национального музея Республики Карелия, выезжавшего в экспедицию в Кандалакшский район в 1995 г., зафиксирован ответ жительницы д. Колвица: «на вопрос, называли ли себя карелы поморами, сказала, что считает себя и карелкой, и поморкой, определив “помор” - живущий у моря, занимающийся морскими промыслами. Карелы себя считали поморами в силу того, что рыбачили»⁴⁸.

⁴⁶ Pyzhova A. Identity and Regional Culture: The Case of the Pomor People in Arkhangel'sk Region, Russia. Master's Thesis. Faculty of Humanities, Social Sciences and Education University of Tromsø, 2011. P. 73.

⁴⁷ Ibid. P. 74.

⁴⁸ НМРК. Д. 1244. Полевой дневник №1. Л. 15, 17.

Из моего полевого материала любопытен пример из совместного интервью с карелкой (инф. 1, 1937 г.р.) и поморкой (инф. 2, 1935 г.р.) из с. Княжая Губа (Кандалакшский район Мурманской области⁴⁹, 2021 год, записано вместе с Ю.В. Литвин). Информантки сошлись во мнении, что поморы – *«это люди, которые устраивали свою жизнь по берегам морей», «выживали сообща»*. Иллюстрацией гибкости этнических границ служит следующий фрагмент интервью, в котором собеседницы рассуждали о распространении «поморских» черт на местное карельское население. Карелы Княжой Губы тоже могли считаться поморами при определенных обстоятельствах: за таких признавались местные «коренные» карелы, которые родились на побережье и чей род занятий был связан с промыслами в море. Мама одной из собеседниц была «местной» карелкой, т.е. родилась в Княжой Губе. Она вышла замуж за финна из деревни Оланга Кестеньгского района Карельской АССР⁵⁰, переехала туда и там родилась ее дочь – моя информантка (инф. 1). Отец был репрессирован, и когда Инф. 1 было четыре года, ее мать приняла решение вернуться в Княжую Губу. Поэтому Инф. 1 себя поморкой не считает: *«Если я родилась в Карелии, то ну какая я поморка? Я не поморка»*. В то же время ее мама-карелка, уроженка Княжой Губы, признается за поморку обеими информантками:

«- А Ваша мама уже поморка?»

Инф. 1: А наша мама поморка.

Инф. 2: Да, поморка, она и дочь помора»⁵¹.

⁴⁹ До 1938 г. Кандалакшский район находился в составе Карельской АССР. Население Княжой Губы отличалось пестрым этническим составом: во второй половине XIX века там проживало преимущественно русское население, позже на эту территорию стали переселяться карелы, в 1920-х гг. – финны. В годы Великой Отечественной войны появилась группа удмуртов, переселенная для работы в местных колхозах; после войны приток населения был связан со строительством Княжегубской ГЭС.

⁵⁰ После районирования Карельской АССР в 1927 г. Оланга входила в состав Кестеньгского района Карельской АССР. В 1955 г. Кестеньгский район был упразднен, его территория вошла в состав Лоухского района. См.: Покровская И.П. Административно-территориальные изменения в Карелии за 1920-1957 гг. Петрозаводск, 1960. 40 с.

⁵¹ Подробнее об этом кейсе: Dzhhiashvili E., Litvin J. Analytical Coding of In-Depth Interviews for Studying the Identities of Karelian and Pomor Women // Integration Processes in the Russian and International Research Domain: Experience and Prospects. 7(3), 2022. P. 55–61.

Другой пример из Княжой Губы: «озерный» карел переселился в Княжую и «стал помором», по словам его родственника-карела, но в глазах местных жителей он остался и карелом тоже:

« - Сегодня интересная фраза прозвучала у В.Е. про его родственника: он карел, но переселился в Княжую и «стал помором», стал рыбачить и т.д.

- Я с этой фразой никогда не согласна [смеется]. Я даже поняла, наверное, о ком идет речь. <...> Но он такой да, помор, не знаю почему, но он карел, по-моему, был, истинный карел. <...> Я просто не согласна с этой фразой – стал помором. Я не потому не согласна, что он не помор, а что был-стал. То, что он помор, не отменяет же того, что он карел» (жен., 1960 г.р., Княжая Губа).

Примеры двойной идентичности нашлись и у информантов из Лоухского района. В данном случае отец информанта был помором из Гридино, а мать карелкой из Сонострова. После свадьбы родители жили в Сонострове в карельской среде, отец умер, когда информанту был 1 год:

«- Отец мой Николай Иванович, у него погоняло было Колька-рыбак, помор из Гридино. (...) И матушка моя, карелка, с другого поморского селения [Соностров].

- Она по-карельски говорила?

- Отлично. Поэтому и я говорю. Я вырос среди карелов, северных карелов, язык которых практически пропал. (...) Я без моря не могу, не влюбляйтесь в Белое море, засосет. (...) Что украинцу сало, то для помора треска, в любом виде» (муж., 1948 г.р., Чупа).

Выходцы из д. Соностров, которая располагалась между двумя поморскими селами, Гридино и Кереть, в интервью часто демонстрировали множественную этничность. Соностров, по местному преданию, возник в 1912 г., его основали карелы из Кестеньги и Елетозера⁵². С соседними

⁵² Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: материалы науч. симп. / сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2007. С. 82.

поморскими селами со временем установились хозяйственные и брачные связи. Приведу еще два примера⁵³:

1. Жительница Чупы (1958 г.р.), слушая беседу собирателя с уроженкой Сонострова, когда та назвала себя карелкой, воскликнула: *«Какие вы карелы? Вы поморы!»*. Первая информантка согласилась, что она поморка, но отметила, что папа по паспорту карелом был, поэтому она и карелка тоже. С этим суждением вторая собеседница спорить не стала: *«А, карел, а, ну да»*.

2. Жительница д. Нижняя Пулонга (1953 г.р.), назвав себя в начале беседы карелкой, далее в разговоре сообщила: *«Мы поморы соностровские. – Соб.: Вы поморские карелы? – Да»*.

Такая смешанная идентичность отражает современную пеструю этническую картину, сложившуюся в результате длительного проживания на северо-западном побережье Белого моря, пограничной территории Карельского и Кандалакшского берегов, карелов и поморов, ведения ими совместной хозяйственной деятельности и поддержания брачных связей. Данная множественная этническая идентичность была зафиксирована в результатах последней переписи населения: в 2021 г. в Карелии был зафиксирован термин этнического самоопределения «поморы-карелы».

Говоря о восприятии этничности с точки зрения ее (не)престижа, следует заметить, что определение себя помором/поморкой включает позитивный эмоциональный компонент – самоидентификация выражается в высказываниях с оттенком гордости:

«Я себя вот поняла, и поняла свои корни, <...> и я знаю, что я поморка и этим горжусь» (жен., 1975 г.р., Беломорск);

«И гордость, какая-то, за то, что ты вот допустим поморка. [Рассказ про фильм «Россия молодая», образ поморской женки Еленки] Мужики по полгода уходили в море, женщины-поморки и по хозяйству вели сами, и, если

⁵³ Полевые материалы С.А. Минвалеева, Лоухский район, 2022 год.

что-то сломается, ремонтировали, вообще, молодцы. Ну а чем я хуже них?» (жен., 1955 г.р., Летняя Река);

«У меня свекровь от первого мужа все называла меня “поморкой”, я говорю, так это хорошее слово, что вы ругаетесь? “О, поморка!” на меня. Я говорю да, поморка. Чем я хуже вас?» (жен., 1953 г.р., Черная Река).

Это коррелирует и с рассказами про отличительные черты поморов *«издавна вот это в крови видимо есть, что мы немножечко так себя, да, с достоинством стараемся держать»* (жен., 1956 г.р., Беломорск), и с сюжетами исторического фольклора: *«ни перед кем шапки не гнули»*. Поморская идентичность рассматривается как «позитивная ценность», предмет гордости. Воспоминания о ситуациях, в которых прослеживались оттенки стигматизации, были связаны скорее с социальными отличиями по линии «город-село» и проявлялись, например, в образовательной среде: *«я себя очень неграмотной чувствовала. Эти вот слова наши... Но я с учителями нашла общий язык, меня в школе подлизой звали»* (жен., 1951 г.р., Кемь).

Рассматривая поморскую идентичность с точки зрения устойчивости в контексте желания (или нежелания) передать ее своим потомкам, можно выделить две стратегии поведения, коррелирующие с номинальным и активированным типами этничности. Номинальная этническая идентичность рассматривается как категория, при которой самоопределение строится на основе происхождения – «основанные на происхождении характеристики дают человеку возможность группового членства»⁵⁴. Информанты, не проявляющие активно свою идентичность, более спокойно относятся к самоопределению детей: *«они далеко от этого, конечно, дальше, чем я»* (жен., 1951 г.р., Кемь), хотя и отмечают, что для них важно, чтобы дети ощущали связь с поморскими территориями и *«жаль, что они-то не рвутся уже сюда»* (жен., 1942 г.р., Нюхча). В случае активированной этнической идентичности, когда человек осознанно практикует членство в группе, наблюдается

⁵⁴ Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головинёву) // Этнография, 2023. №. 1 (19). С. 20.

стратегия поведения, направленная на трансляцию своей поморской идентичности потомкам:

«Я старшего внука приучаю. Он каждый год как приезжает в отпуск, обязательно хоть на недельку, но в деревню приедет.

- Вы ему передаете?

- Да, да, обязательно. <...> [Я его выбрала], потому что он больше жил в деревне. Он маленький всё время со мной был, и с нами с бабушкой, пока бабушка был жив. И после бабушки каждое лето он со мной был. <...> Он больше разбирается, и его тянет» (жен., 1950 г.р., Кемь).

Идея «выбора наследника», которому *передается* знание, и которого необходимо *приучить* быть помором, коррелирует с восприятием поморскости как идентичности, укорененной в действиях, которые должно освоить на практике. В описании навыков и умений как маркера поморской идентичности я приводила цитаты информантов, согласно которым устная передача этих знаний невозможна (*«много ли отец будет рассказывать»*). Схожий пример обнаружился и в полевом материале Н. Ванзидлер, где информантка из Долгощелья говорит, что «этому нельзя научиться, смотря телевизор, это нужно попробовать руками»⁵⁵. Исследовательница отмечает, что различие между старшим и младшим поколениями проводится не только подчеркиванием недостатка знаний и навыков, но и в разнице подходов к труду – по мнению пожилых информантов, молодые сейчас в большинстве своем уже не готовы к тяжелому труду в море.

Вместе с тем «впитывание» поморской идентичности непосредственно на месте, у моря, через участие в традиционной промысловой деятельности практически сходит на нет. Меняются каналы трансляции этничности, ее содержание все чаще переходит из области культурных отличий в ценностно-ориентационную сферу личности, и выражается в ощущении чувства принадлежности и совершаемых символических действиях:

⁵⁵ Wahnsiedler N. The Pomory: Dimensions of a Contested Identity on the White Sea Coast. P. 111.

«Она [дочь] сшила сарафан, поморский костюм для дочки для своей. <...> У нее еще одна маленькая дочка подрастает, той первый костюм подойдет. И вот две хотят они в этом костюме сходить, две поморочки. Они себя поморками считают. Они живут в Мурманске» (жен., 1955 г.р., Летняя Речка).

В результате анализа собранного полевого материала были выделены этнодифференцирующие маркеры, которые возникают в дискурсе информантов вокруг поморской идентичности. Характеристики, воспринимаемые информантами как отличительные, являются не только закономерным итогом исторических, экономических, социальных процессов, но и результатом многочисленных личных трактовок и мотиваций. Значимыми маркерами современной поморской идентичности в Карелии оказалась совокупность трех слагаемых: связь с территорией Белого моря (факт рождения и/или проживания поблизости от беломорского побережья); происхождение – наличие кровных родственных связей с «настоящими поморами»; обладание промысловым знанием и способность применить его на практике (последнее растягивается по шкале от «уметь выйти в море» до «заниматься рыболовством в качестве основной профессиональной деятельности»).

Важным и для городских, и для сельских жителей является фактор родства, который играет в этой триаде главную роль. Для городских жителей он зачастую становится основополагающим; в сельской местности поморская идентичность больше связывается с промысловой деятельностью, но и здесь, как правило, всегда учитывается происхождение: поморы – местные, те, у кого тут предки. Родство и связь с побережьем Белого моря, выражаемую либо в непосредственном проживании на берегу моря, либо в чувствах сопричастности (любовь, тяга, стремление приехать), можно признать наиболее устойчивыми основаниями современной поморской идентичности.

Озвучиваемые информантами сюжеты исторического фольклора и автостереотипы свидетельствуют о позитивном характере поморской идентичности, воспринимаемой чаще всего с чувством гордости за прошлое, но иногда – обиды за настоящее (*незаконно забыты, рыбы не видим*). В выстраиваемых иерархиях идентичностей превалирует включение поморской идентичности в русскую, вместе с существованием ряда других идентичностей: общероссийской, региональной, локальной. У части информантов в контактной зоне Карельского и Кандалакшского берегов зафиксирована множественная этническая идентичность, вплоть до совмещения терминов этнической самоопределения «карелы» и «поморы».

Механизмы кумуляции и трансляции поморской идентичности включают комплекс действий. В повседневной жизни в сельской местности поморская идентичность менее артикулирована в пространстве, поддерживается за счет хозяйственных практик, демонстрируется на праздниках и может воплощаться в вещественном виде в стенах сельского музея. В городе поморская идентичность подпитывается также через приобщение, по возможности, к традиционным способам самообеспечения (морское рыболовство «для себя», сбор дикоросов), посещение мест, имеющих символическое значение (отъезд на лето в родовой дом в сельскую местность, выезд на «свои места» – тони, ягодники), изучение семейной истории, собирание старинных предметов, а также через участие в культурно-досуговых мероприятиях с поморской тематикой, ведение страниц и групп в социальных сетях, посвященных определенному поселению, и обладание вещами, наделяемыми символическими функциями (*сшила себе поморский сарафан*).

Глава 3. Репрезентация поморской культуры и идентичности в деятельности культурных учреждений и общественных организаций

В данной главе анализируется, какие аспекты истории и культуры поморов Карелии включаются в сферу этнокультурной деятельности на территории Беломорского, Кемского и Лоухского районов. Под этнокультурной деятельностью понимаются действия, которые направлены на изучение, сохранение, развитие *традиционной культуры* и трансляцию ее произведений и ценностей в современное социокультурное пространство. Традиционная культура в этом смысле понимается как комплекс культурных практик, осознаваемых как специфичные для этнической группы и наследуемые по каналам передачи культурного опыта от старших членов группы.

В ходе исследования выяснилось, что значимую роль в этом процессе играют местные культурные учреждения, которые инициируют проекты в области популяризации поморской культуры. В этой связи необходимо изучить деятельность культурных учреждений и общественных объединений, ставящих своей целью сохранение культурного наследия поморов Карелии. Музеи являются одними из наиболее значимых и востребованных форм представления и актуализации этнокультурного наследия. В.А. Шнирельман, рассматривая музейные проекты как возможность конструирования и переформатирования культурной памяти народа и государства, отмечал, что музей «с помощью своей экспозиции и ее комментирования экскурсоводами оказывает влияние на эти настроения и способствует укреплению той или иной идентичности»¹. Д.В. Маслов, изучая репрезентацию этнической культуры алтайцев в муниципальных музеях, пришел к выводу, что они репрезентируют «не локальную идентичность в целом, а лишь отдельный её

¹ Шнирельман В. А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 25.

срез – культурный престиж локального сообщества»², и выступают как институты, способные производить социальные практики, влияющие на локальную идентичность. Я коснусь деятельности нескольких музеев – двух краеведческих музеев Беломорского и Кемского р-нов, музея поморского быта в с. Нюхча и музейной комнаты в с. Сумский Посад Беломорского р-на, школьного музея в пос. Чупа Лоухского р-на, обратив внимание на то, как они выбирают и репрезентируют образы поморской культуры, на кого направлена эта репрезентация и какие действия, реализующие и поддерживающие солидарность локального сообщества, они производят.

Еще одним пространством, где заметны усилия по поддержанию и актуализации поморской идентичности, являются этнически ориентированные творческие коллективы. Самым известным среди них в Карелии является Поморский русский народный хор из Беломорска; помимо него, существуют и другие фольклорные группы, нацеленные на демонстрацию локальных песенных и танцевальных традиций поморов. Библиотеки, ведущие работу по распространению историко-краеведческих знаний, в качестве объекта демонстрации также выбирают сюжеты культуры и истории поморов, которые являются темой как разовых, так и постоянно проводимых мероприятий.

Деятельность сотрудников этих учреждений нередко проявляется в персональных креативных инициативах. Импульсом, призванным подпитывать и актуализировать этничность, являются этнопроекты. В качестве основы этнопроекта, как правило, выбираются элементы традиции, которые в результате персональной интерпретации могут трансформироваться; в этом отношении этнопроект может выступать как инструмент для изобретения новой традиции.

² Маслов Д. В. Локальные музеи и репрезентация этнической культуры алтайцев: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. С. 198.

§1. Музеи и этнокультурные центры

1.1. Центр поморской культуры, г. Беломорск

Центр поморской культуры был создан в Беломорске 1 января 1996 г. на базе Поморского русского народного хора как структурная единица Беломорской детской музыкальной школы. Целями его создания были сохранение «самобытной культуры поморов», воссоздание «обычаев культуры Русского Севера» и поддержка «самодеятельного художественного творчества»³. Идея создания Центра поморской культуры принадлежала Виктору Александровичу Васильеву, руководителю Поморского хора, и была непосредственно связана с развитием коллектива и шире – традиционной культуры поморов, под которой в первую очередь понимались песенные, судостроительные и мореходные традиции.

Поморский хор является одним из старейших и известных хоров Карелии. Его основой стал «Кружок поморских песен и плясок», созданный в 1937 г. учительницей железнодорожной школы ст. Сорокская А.И. Егоршиной для участия в смотре художественной самодеятельности⁴. В дальнейшем его возглавляли М.И. Галькевич, К.Н. Стасюк, Г.К. Калинина. В основном репертуаре коллектива были поморские народные песни, представление «Поморская свадьба». С 1939 г. развернулась деятельность по созданию песен в русле официальной идеологии о жизни советского Беломорья, призванных «внушать слушателям оптимизм и радость советской счастливой жизни»⁵. В то время исполнение народных песен зачастую регламентировалось, «гармонизировалось», исключалось варьирование, тексты сокращались⁶.

Поморский хор из Беломорска, в 1952 г. получивший звание «народного», приобрел широкую известность за пределами Республики

³ Распоряжение Главы самоуправления Беломорского района Республики Карелия «О реорганизации сети учреждений культуры» от 16 января 1996 г. 1 л. Цит. по: Традиционная культура поморов Белого моря: истоки и современность / авт.-сост. В.А. Васильев, И.Г. Ильина, С.В. Кошкина. Петрозаводск, 2019. С. 6.

⁴ В 1930-х гг. на севере Карелии значимыми культурными центрами, а подчас и единственными, были профсоюзные клубы железнодорожников, которые создавались для культурного обслуживания работников Кировской (бывшей Мурманской) железной дороги. Данный смотр художественной самодеятельности был также организован районным комитетом профсоюза железнодорожников.

⁵ Традиционные песни Беломорья / Сост. В.А. Васильев. Кухмо, Петрозаводск, 2014. С. 3.

⁶ Русские народные песни Поморья / Сост. С.Н. Кондратьева. Москва, 1966. с. 269.

Карелия, неоднократно становился лауреатом республиканских и всесоюзных конкурсов и смотров. У Поморского хора была и определенная миссия: представлять русскую культуру в национальной республике. В 1959 г. Поморский хор был участником Декады карельского искусства и литературы в Москве, на заключительном концерте которого в Кремле присутствовали руководители государства и республики.

С 1974 г. и по настоящее время руководителем хора является Виктор Александрович Васильев. При нем Поморский хор приобрел свою индивидуальность. В.А. Васильев решил уйти от усредненной формы «народного» и вернуться к локальным песенным традициям: «В народных хорах того времени важны были не традиции народного творчества и его этнокультурная самобытность, а некая стилизация, которая фактически вела к утрате этой самобытности. Прослушав некоторые записи концертов Поморского русского народного хора, я понял, что в коллективе все-таки сохранилась довольно интересная традиция, которой необходимо придерживаться при последующей работе»⁷. В.А. Васильев неоднократно выезжал в экспедиции по сбору песенного материала, создал внушительный фонограммархив песенного наследия поморов Поморского берега. Поддержку руководителю в постановке песен оказывали участницы хора – уроженки поморских сел, «коренные поморки М.Р. Подлесская, А.Я. Носкова, Л.М. Кичигина, А.И. Тихонова, Г.Н. Васильева, Л.П. Богушевич, К.П. Шлепикене»⁸. В 1985 г. был образован спутник хора – детский фольклорный ансамбль под руководством И.В. Васильевой. По задумке супругов, воспитанники детского хора в дальнейшем могли обеспечить продолжение существования самого Поморского хора.

Большое внимание В.А. Васильев уделял просветительской работе, устраивая в хоре беседы на тему традиционной культуры поморов, полагая, что эти знания способствуют лучшему пониманию певческого стиля.

⁷ Традиционные песни Беломорья. С. 3.

⁸ Традиционная культура поморов Белого моря: истоки и современность. С. 75.

Атмосфера творческого погружения в культуру создавала условия для актуализации этничности. Одна из участниц коллектива, Галина Никитична Васильева, пришедшая в хор в возрасте сорока лет, в общении с писателем К.В. Гнетневым призналась: *«В хоре от песен и этих бесед я будто бы заново сроднилась с тем позабытым, что когда-то было в нашем доме и в селе, а потом ушло. <...> Будто бы я снова жить начала. <...> И, наверное, впервые осознала себя не просто человеком на земле, не гражданином большого государства, но – поморкой»*⁹. Как писал сам руководитель хора, *«мне особенно приятно, что в результате творческого общения у некоторых женщин более молодого поколения поморов происходило пробуждение историко-культурной памяти. Ярким примером может служить деятельность Любви Меркурьевны Кичигиной. <...> Поначалу она лишь скромно подпевала в хоре, а затем все активнее стала вспоминать свое, родное, и стала душой хора, много рассказывая и поясняя»*¹⁰.

Основной задачей, которая виделась В.А. Васильеву на момент создания Центра поморской культуры в середине 1990-х гг., было создание условий для деятельности хора, обустройство пространства, где базируется коллектив, обеспечение среды для сохранения преемственности поколений. Также среди задач мыслились оказание методической помощи другим фольклорным коллективам на основе собранного массива аудиозаписей; развитие деревянного судостроения и вовлечение детей, подростков и взрослого населения в освоение морских навыков¹¹. В 2006-2007 гг. были получены грантовые средства на реализацию проектов «Одеянка» и «Борок» с целью реконструкции традиционного поморского женского наряда для использования его в фольклорных праздниках и концертно-просветительской деятельности Центра поморской культуры. Параллельно с этим шел поиск средств на реконструкцию здания бывшего цеха Беляевского лесопильного

⁹ Гнетнев К.В. XX век. Поморы. Петрозаводск, 2020. С. 163-165.

¹⁰ Традиционные песни Беломорья. С. 5.

¹¹ Нам бы сохранить лицо [Интервью с В.А. Васильевым] // Беломорская трибуна, 2021. №45. С. 3.

завода, где было решено разместить Центр.

Однако недостаток финансирования, отсутствие взаимопонимания и поддержки данных начинаний В.А. Васильева со стороны администрации района привели к смене статуса учреждения и некоторой переориентации в направлениях его деятельности. В мае 2009 г. Центру был присвоен статус муниципального учреждения, в 2010 г. его директором стала Ольга Александровна Степанова. По ее словам, «эта необходимость постепенно назревала, поскольку наряду с богатейшим фольклорно-песенным наследием Поморского народного хора, требовалось также развивать другие направления традиционной культуры. Для того, чтобы учреждение “зазвучало” по-новому; чтобы участвовать в грантовых конкурсах, получая финансовую и экспертную поддержку; чтобы сохранить и развивать уникальный этнографический ресурс, было принято решение о придании Центру поморской культуры статуса юридического лица»¹². Внимание было направлено на развитие краеведческого направления и проектной деятельности.

В 2012 г. на базе Центра начало свою работу общественное объединение «Поморский берег», созданное по инициативе местных краеведов С.В. Кошкиной, Г.Т. Пигановой и Б.Е. Ильютика. Чуть позже в структуре Центра был создан информационно-краеведческий отдел под руководством Светланы Викторовны Кошкиной. Ее основной задачей стала организация научно-исследовательской работы по изучению культурного наследия Беломорского района. Совместно с членами объединения «Поморский берег» публиковались материалы в виде электронных и печатных изданий, создавались собственные краеведческие ресурсы, а также организовывались выставки фотографий и картин местных фотографов и художников, визуализирующие образ Поморья. Сама С.В. Кошкина стала автором более двадцати краеведческих изданий (сборников и очерков), посвященных

¹² Были лучшие, а стали худшие? // Столица на Онего, 2021. 28 октября. URL: <https://stolicaonego.ru/read/byli-luchshie-a-stali-hudshie/> (дата обращения: 05.03.2024).

жителям и поселениям Беломорского района¹³.

Среди ее работ есть альбомы-биографии, посвященные уроженкам с. Колежма, песенницам и сказительницам З.К. Сеницыной¹⁴ и А.Г. Трифионовой¹⁵. Фигуры коренных жителей, талантливых и выдающихся земляков занимают важное место в мероприятиях по сохранению культурного наследия. Персональное наполнение в большинстве случаев оказывается значимой составной частью локальной идентичности, становится ее внутренним и внешним образом. Изучая персоналистику в региональном аспекте, авторы коллективной монографии И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.А. Самоделова отмечали значение персоны как культурного символа, который призван отразить специфику связанной с ним социальной группы: «персональные характеристики присваиваются сообществом, становятся частью его самосознания, то есть персоне в этом случае начинает участвовать в формировании культурных практик и ментальных моделей, которые определяют специфику группы»¹⁶. Фигуры песенниц представляются носителями не только фольклорных традиций, но и материальной культуры – в альбоме, посвященном А.Г. Трифионовой, опубликованы фотографии «предметов старины, которые сберегла семья ее дочери»¹⁷: традиционный женский праздничный костюм, повойник, перо – украшение из жемчуга на голову, броши, праздничный передник с черным бисером.

По инициативе С.В. Кошкиной в Центре поморской культуры ежегодно с 2012 г. проводится межрегиональная краеведческая конференция «Балагуровские чтения», названная в честь Я.А. Балагурова (1904–1977), доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Карельской АССР (1960 г.) и РСФСР (1965 г.). Яков Алексеевич Балагуров был уроженцем

¹³ См. библиографию автора:

http://avtor.karelia.ru/about/koshkina_svetlana_viktorovna.html?ord=202&ukazatel=1

¹⁴ Кошкина С.В. «Попустить мне-ка свой зычен голос...»: Сеницына Зинаида Кирилловна: альбом-биография сказительницы Карельского Поморья. Беломорск, 2015. 39 с.

¹⁵ Кошкина С.В. Анна Григорьевна Трифинова – песенница и сказительница Карельского Поморья. Беломорск, 2016. 61 с.

¹⁶ Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / отв. ред. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М., 2019. С. 95.

¹⁷ Традиционная культура поморов Белого моря: истоки и современность. С. 34.

с. Шуерецкое, в настоящее время входящего в Беломорский район. В детстве он с малого возраста помогал отцу на рыболовном промысле, с 9 лет работал зуйком на мурманских промыслах, а также на почте, железной дороге и горных разработках. Будущий ученый сдал экстерном экзамены за курс средней школы, в 1935 г. заочно окончил Ленинградский политико-просветительный институт им. Н.К. Крупской, в 1940 г. – исторический факультет Московского института истории, философии и литературы. Я.А. Балагуров прошел сложный карьерный путь от мальчика-зуйка и разнорабочего до доктора исторических наук, заведующего сектором истории ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР и Карельской АССР, депутата Верховного Совета СССР. Якову Алексеевичу принадлежат восемь монографий по истории Карелии, он был одним из редакторов первого обобщающего труда «Очерки истории Карелии» в 2-х томах (1957 г., 1964 г.)¹⁸. Его личность была выбрана в качестве символа локальной краеведческой деятельности – «всю свою жизнь Я.А. Балагуров посвятил изучению истории края, оставив потомкам неоценимое культурное наследство, и потому Центр поморской культуры, одним из важных направлений которого является исследовательская деятельность по изучению истории и культуры Поморья, не мог обойти стороной имя этого выдающегося историка»¹⁹.

Издание книг и проведение конференций во многом осуществлялось благодаря активной проектной деятельности. Разработка проектных идей с опорой на «этнокультурную идентичность» – историю и культуру поморов – стала основным направлением работы Центра поморской культуры под руководством О.А. Степановой. Начиная с 2012 г., были реализованы различные социальные проекты, основанные на использовании поморского культурного наследия: «Поморский поезд дружбы» (2012 г., выступления

¹⁸ Эпштейн Е. М. Биограф карельского края: Очерк о жизни и деятельности профессора Я. А. Балагурова. Петрозаводск, 1980. 96 с.

¹⁹ Традиционная культура поморов Белого моря: истоки и современность. С. 48.

самодеятельных и фольклорных коллективов, завершающий праздник в Сумском Посаде), «Поморская кухня» (2013 г., создание сборника рецептов блюд), «У моря Белого в Сухом Наволоке» (2014 г., история и культура с. Сухое), «Культура Поморья: связь времен» (2015-2016 гг., история фольклорной группы «Сумлянка»), «Верни былую славу, Сумпосад» (2015-2016 гг., комплексный проект по развитию историко-культурной и туристской среды в с. Сумский Посад), «Дом вести – не бородой трясти» (2016-2018 гг., ремесленные традиции края). Все они были направлены на развитие горизонтальных связей, активизацию деятельности районных фольклорных коллективов, краеведов, мастеров декоративно-прикладного искусства, а также вовлечение местных жителей, носителей поморской идентичности.

Инициатором проектов выступали сотрудники Центра поморской культуры, иногда в партнерстве с региональными некоммерческими организациями и местными активистами – фольклорными группами, сотрудниками домов культуры, школами, краеведами. Грантовую поддержку оказывал Государственный комитет Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с общественными и религиозными объединениями, благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко.

План каждого проекта предусматривал взаимодействие с местными жителями. В качестве примера приведу перечень мероприятий двух проектов: «У моря Белого в Сухом Наволоке» и «Культура Поморья: связь времен». Они схожи в том, что целиком посвящены истории и традиционной культуре выбранных поморских поселений – с. Сухое и с. Сумский Посад. Мероприятия проекта включали исследовательский компонент (поиск информации в архивах, опубликованных источниках, запись рассказов старожилов, сбор фотодокументов) и проведение сельских праздников: 475-летие основания с. Сухое, приуроченное к празднованию иконы Смоленской Божьей Матери, и День преподобного Елисея Сумского в Сумском Посаде. Празднование начиналось литургией в храме, продолжалось митингом у мемориала погибшим в годы Великой Отечественной войны и выступлениями

самодеятельных коллективов. Зрителями были преимущественно местные жители. В Сумпосаде участницы фольклорной группы «Сумлянка» в поморских нарядах гуляли по селу, исполняли песни и водили хороводы. Как отмечали авторы проекта, «идея ходить улочками старинного Сумского Посада нашла живой отклик у населения, молодежь и бабушки присоединялись к шествию и тепло благодарили за предоставленную возможность прикоснуться к народной песне, к народной традиции. И сами участницы фольклорного коллектива отметили, что, наверное, впервые за несколько лет получили истинное удовольствие от того, чем занимаются»²⁰.

Интерес к истории и локальной культуре поморских сел со стороны Центра поморской культуры объясняется тем, что они воспринимаются как сосредоточение и сохранение «всего поморского»: «Центр Поморской культуры расположен в г. Беломорске и занимается сохранением и развитием традиций Поморов. Наибольший интерес для его деятельности представляют села и деревни, где эти традиции пока сохранились»²¹. Таким образом, поморская идентичность тесно переплетается с локальной. Можно сказать, что проекты Центра поморской культуры действительно послужили стимулом к активизации этнокультурной деятельности в селах. Этому способствовало создание общественных пространств в Сумском Посаде («Поморская горница») и в Нюхче («Хламной сарай») при помощи и поддержке местных жителей, подробнее о них будет рассказано далее.

С 2017 г. в Центр поморской культуры переместилось общественное объединение «Музей-мастерская “Рукоделия Поморья”». Его организовала Ирина Геннадьевна Ильина, преподаватель технологии, на базе Беломорской СОШ №3 в 2000 г. с целью сохранения, изучения и развития текстильных традиций жителей западного побережья Белого моря²². Основными

²⁰ Культура Поморья: связь времен // Карельское Поморье: Краеведение Беломорского района. URL: <https://pomorskibereg.ru/kultura-pomor-ya-svyaz-vremen/> (дата обращения: 16.03.2024).

²¹ Верни былую славу, Сумпосад! // Культурная мозаика малых городов и сел – победители конкурса проектов 2015 года. URL: <https://cultmosaic.ru/winners/verni-bylyuyu-slavu-sumposad/> (дата обращения: 16.03.2024).

²² Традиционная культура поморов Белого моря: истоки и современность. С. 94.

направлениями деятельности музея-мастерской стали исследовательское – изучение женских декоративно-прикладных ремесел Поморья и местного традиционного костюма, и прикладное, которое выражалась во внедрении в школьные программы по технологии основ традиционных поморских рукоделий, создании кружка для детей, руководстве научно-исследовательскими проектами школьников по созданию реплик старинных текстильных предметов и изготовлению современных изделий.

Главным ремеслом, получившим наибольшее развитие в музее-мастерской, стало золотное шитье. Сумский Посад был известным центром золотного шитья на Западном побережье Белого моря; к XVII в. относятся наиболее ранние сведения о бытовании там золотошвейного производства²³. В конце XIX – начале XX вв. в ряде поселений Поморского, Карельского, Кандалакшского и Терского берегов мастерицы вышивали на заказ донца к повойникам, пояса и девичьи повязки²⁴. В 1915 г. АОИРС в Сумском Посаде были открыты вначале Поморский музей образцов местных женских рукоделий, затем при нем курсы женских рукоделий, которые действовали до 1918 г.²⁵ Во второй половине XX в. традиция украшения элементов одежды золотным шитьем угасла.

В музее-мастерской «Рукоделия Поморья» при СОШ №3 г. Беломорска занятие золотным шитьем началось с изучения старинного повойника. И.Г. Ильина отмечала, что в то время приходилось самим восстанавливать технологию вышивки: *«Нам просто стали дарить все ненужное, в том числе принесли вот этот поморский повойник. Он уже такой весь рассыпается, весь дряхленький. И нам пришлось его разобрать весь. <...> А тогда еще с интернетом мы были “на вы”, <...> еще не вышла книга Бабушкиной Натальи Владимировны “Золотное шитье”, и нет ничего еще совершенно. И*

²³ Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника: Каталог. Архангельск, 2000. С. 21.

²⁴ Там же.

²⁵ Музей-мастерская «Рукоделия Поморья» // Традиционная культура поморов Белого моря: истоки и современность. С. 91-92.

*поэтому технологию разбирали, потихоньку начали делать»*²⁶. В дальнейшем основы золотного шитья были включены в программу обучения. Школьники выполняли проекты по реконструкции образцов старинных предметов и современных изделий с декором из золотного шитья – украшения, шкатулки, аксессуары, сумки, интерьерные панно и пр. В 2016-2018 гг. в рамках проекта «Дом вести – не бородой трясти», посвященного работе с мастерами Беломорского района, особое внимание уделялось популяризации золотошвейного ремесла. Музей-мастерская И.Г. Ильиной вошла в состав Центра поморской культуры, в Беломорске и Сумском Посаде были организованы курсы для взрослых по обучению золотному шитью, сформирована артель золотошвеек, в сотрудничестве с дизайнерами был проведен ребрендинг сувенирной продукции. Золотное шитье стало одним из местных туристических брендов, оно воспринимается как аутентичное ремесло и получило признание на уровне республики²⁷. Изделия с золотной вышивкой продаются как местные сувениры, являются объектом показа на выставках продукции не только Беломорского района, но и Республики Карелия на всероссийских выставках (см. Приложение 4, рис. 12, 13).

Таким образом, в 2012-2017 гг. с расширением структуры Центра поморской культуры основными направлениями работы стали информационно-просветительская и научно-методическая деятельность: сбор фольклорного и этнографического материала, ведение исследовательской деятельности, изучение истории и традиционной культуры поселений Беломорского района, сохранение технологий и популяризация традиционных ремесел Поморья. Разработка социальных проектов на этой основе признавалась приоритетным направлением деятельности, которое помогало «получать дополнительное финансирование на реализацию и продвижение интересных идей, способствующих развитию учреждения и территории в

²⁶ ПМА, 2020 г., Беломорск.

²⁷ Подробнее об использовании золотного шитья в качестве бренда не только Беломорского района, но и Республики Карелия, будет рассказано в § 1 Главы 4.

целом»²⁸, а поморское историческое и культурное наследие – «этнографическим ресурсом», который необходимо сохранять и развивать. В 2019 г. О.А. Степанова ушла с поста директора Центра поморской культуры, его новым руководителем стала Валентина Кузьминична Муха, до этого возглавлявшая музей «Поморская изба» детского сада «Родничок».

Центр поморской культуры являлся единственной бюджетной организацией в Карелии, направленной исключительно на сохранение и развитие традиционной культуры поморов. Два раза он становился победителем регионального конкурса «Лучший этнокультурный центр Карелии» (в 2015 и 2018 гг.). Однако в конце 2021 г. по решению главы администрации Беломорского муниципального района Центр поморской культуры был присоединен к Беломорскому районному краеведческому музею «Беломорские петроглифы», и с 1 января 2022 г. стал структурным подразделением музея. Эта новость была неоднозначно воспринята в Беломорске и за его пределами, в том числе из-за опасений касательно статуса и дальнейшей судьбы Поморского русского народного хора после процесса реорганизации учреждения («не умалит ли его статус превращение в еще один самостоятельный коллектив при ДК?»²⁹). Жители Сумского Посада написали главе республики А.О. Парфенчикову обращение, где, среди прочего, говорилось: *«Нам непонятно такое решение, даже не было в печати никаких разъяснений. Нам обидно осознавать, что поморская культура не поддерживается властями. <...> Мы теряем самостоятельный центр, в котором наши дети и внуки могут научиться традиционным ремеслам и рукоделию. Ведь Центр поморской культуры находится в бывшем здании кинотеатра, там такой зал, почему бы не сделать косметический ремонт, если нужно, сцену, где бы мог петь Поморский русский народный хор и вместе с жителями участвовать в «утоиных хороводах», где проходили бы фестивали поморских коллективов? Нужно наоборот расширять Центр*

²⁸ Степанова О. «Дом вести – не бородой трясти» // Дом культуры. 2017. № 7. С. 45.

²⁹ Константин Гнетнев, писатель, журналист [Мнение] // Беломорская трибуна. 2021. №45. С. 3.

поморской культуры. Мы хотели бы на площадке Центра поморской культуры проводить большие праздники, слушать поморские песни и родную поморскую говорю»³⁰.

Вопрос о реорганизации Центра поморской культуры обсуждался в региональной печати, на заседании Законодательного собрания Республики Карелия, где министр культуры А.Н. Лесонен объяснял, что в связи с включением петроглифов Онежского озера и Белого моря в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и планами по созданию специальной организации для сохранения, управления и изучения петроглифов Карелии «рано или поздно районный краеведческий музей лишится своей главной достопримечательности», и объединение музея и Центра поморской культуры «под одной крышей» выглядит логичным шагом³¹. Руководители других направлений работы Центра, исследовательского (С.В. Кошкина) и ремесленного (И.Г. Ильина), присоединение к краеведческому музею рассматривали также как возможность взаимного обогащения в результате совместной работы³². В результате в структуру музея вошли информационно-краеведческий отдел Центра, мастерская «Рукоделия Поморья» и два общественных объединения – краеведов («Поморский берег») и мастеров («Рукоделия Поморья»). Поморский русский народный хор перешел под ведомство дома культуры.

1.2. Беломорский краеведческий музей, г. Беломорск

С момента основания краеведческого музея в Беломорске «поморский компонент» поначалу не выполнял роль основы музейной экспозиции. Музей в Беломорске появился в 1960-х гг. во многом благодаря деятельности Кондратия Яковлевича Игнатьева (1902-1970), уроженца Вирмы, чье детство

³⁰ Жители Сумского Посада: «Выглядит как насмешка над поморами» // Столица над Онего. 2021. 29 октября. URL: <https://stolicaonego.ru/news/zhiteli-sumskogo-posada-vygljadit-kak-nasmeshka-nad-pomorami/> (дата обращения: 17.03.2024).

³¹ Центр поморской культуры в музей, а поморский хор – в дом культуры // Столица на Онего, 15.12.2021. URL: <https://stolicaonego.ru/analytics/tsentr-pomorskoj-kultury-v-muzej-a-pomorskij-hor-v-dom-kultury/> (дата обращения: 17.03.2024).

³² Поморы – перво-наперво рыбаки // Беломорская трибуна. 2021. №44. С. 2.

и юность прошли на рыболовных промыслах. Впоследствии его трудовая деятельность была связана с партийной работой и рыбной промышленностью: в 1920-х гг. он возглавил ячейку комсомола в Вирме, в 1930-х гг. прошел обучение в комвузе, руководил Ильинским рыбокомбинатом Олонецкого района, затем вернулся в Сорокский район и в 1944 г. стал инструктором отдела пропаганды и агитации ЦК Компартии КФССР, в 1946 г. вторым секретарем Беломорского райкома КПСС, в 1956 году руководителем Беломорской промкооперации³³. В начале 1960-х гг. К.Я. Игнатьев вышел на пенсию и стал заниматься организацией местного музея на общественных началах. Решение о его создании было принято в 1961 г. Беломорским районным Советом депутатов трудящихся. В постановлении исполнительного комитета райсовета было зафиксировано, что предприятия и учреждения Беломорского района обязаны передать музею вещи и материалы, имеющие историческую ценность, в том числе предметы материальной и духовной культуры поморов: лоции, карты, орудия лова, промысловое снаряжение, предметы быта³⁴. Местные жители, которые хорошо знали К.Я. Игнатьева, передавали музею предметы в дар. Часть экспонатов была передана на хранение из Карельского государственного краеведческого музея (КГКМ), его сотрудники также принимали участие в создании и оформлении первой экспозиции.

Позднее, в 1964-1965 гг., были организованы большие совместные экспедиционные выезды сотрудников Карельского краеведческого музея и К.Я. Игнатьева по Беломорскому району для сбора экспонатов. Руководитель экспедиции, директор республиканского музея Иван Михайлович Мулло отмечал, что 17 июля 1964 г. по приезду в Беломорск экспедиционная группа сразу посетила общественный музей, от которого осталось «двойственное впечатление»: с одной стороны, в фондах уже были собраны ценные

³³ Шендакова В.А. Кондратий Яковлевич Игнатьев – основатель Беломорского музея // Музеи Республики Карелия. Методический дайджест. Выпуск №2. Петрозаводск, 2021. С. 63-68.

³⁴ Дианова Е.В. Музеи в контексте исторического краеведения Карелии. Петрозаводск, 2013. С. 10.

экспонаты, с другой стороны, тематическая структура экспозиции была слабо продумана. Он пришел к выводу, что экспозицию необходимо обновить, «добиваясь широкого показа современности»³⁵, что и было сделано.

Первая экспозиция музея отражала тенденции официального направления развития краеведения в СССР в 1960-х гг., которое предполагало прочтение локальной истории как части истории советского государства с целью укрепления советской идентичности³⁶. Экспозиция начиналась с описания природных богатств района, далее посетители могли ознакомиться со стендами, посвященными истории края, с «далекого прошлого, когда Сорока, Колежма, Нюхча и другие промысловые села принадлежали Соловецкому монастырю»³⁷. Поморы были представлены в первую очередь как рыбаки и промысловики, духовная культура оставалась вне фокуса внимания посетителя. Основное внимание было сосредоточено на истории СССР в масштабе района: несколько стендов посвящались революции, установлению советской власти и борьбе с иностранной интервенцией; достижениям народного хозяйства в 1930-х гг. и героях труда; периоду Великой Отечественной войны. Значительная часть экспозиции отражала «сегодняшний день Поморья» и была призвана продемонстрировать достижения молодого советского государства: как писал корреспондент местной газеты, «если сравнить хотя бы “Промыслы Белого моря” с сегодняшним днем рыбной промышленности, что в музее не трудно сделать, то посетитель наглядно увидит, какие громадные изменения произошли в жизни Поморья за годы Советской власти»³⁸.

В 1966 г., после завершения работ под руководством Ю.А. Савватеева по обследованию петроглифов в окрестностях Беломорска, согласно постановлению Совета Министров Карельской АССР от 26 февраля 1966 г.

³⁵ Полевой дневник И.М. Мулло. Планы и документы о комплексных экспедициях в Беломорский, Сегежский, Медвежьегорский районы, 1964-1970. НМ РК. Д. 779. Л. 204.

³⁶ Подробнее об этом см. Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379-402.

³⁷ Беломорский краеведческий. По экспозициям музея // Беломорская трибуна. 1961. 21 ноября. С. 3.

³⁸ Там же.

«Об охране петроглифов в Карельской АССР» на базе общественного музея Беломорска был создан филиал КГКМ, в чье ведомство также вошли комплексы петроглифов «Залавруга» и «Бесовы следки». Музей пополнился экспонатами из КГКМ и археологической коллекцией орудий труда и фрагментов керамики эпохи неолита. В 1968 г. был проведен ремонт и реконструкция, за музеем закрепилось название «Беломорские петроглифы». Таким образом, в названии отразилась одна из главных тем музея – презентация археологического наследия края. Тем не менее, работа по комплектованию этнографического фонда продолжалась. Директор музея на страницах районной газеты обращалась к местным жителям с просьбой о помощи в сборе экспонатов: «Полностью оформлен дореволюционный зал, но в нем нет ни одного полного комплекта поморской одежды, недостаточно представлены и предметы быта. Не только фотография может рассказать о “делах давно минувших дней”»³⁹.

В 1980 г. из-за аварийного состояния здания музей был вынужден переехать в помещение бывшей школы, где под экспозицию отводилось пять комнат. В целом структура экспозиции не претерпела сильных изменений, была «идеологически выдержанной». По воспоминаниям Веры Алексеевны Шендаковой, которая начала в это время работать в музее смотрителем, а позднее стала его директором, в 1980-е гг. филиалы республиканского музея представляли собой «музеи-клоны», где была показана хронологическая последовательность развития района⁴⁰. Из пяти залов два были отведены под современность.

В 1991 г. произошла реорганизация музея, он был передан в собственность района и стал самостоятельным муниципальным учреждением. В январе 1995 г. было принято решение разобрать ветхое здание школы, а музей перевести в цокольный этаж гостиницы «Гандвик» в центре города. Там было обустроено фондохранилище, однако не имелось подходящего

³⁹ Полякова И. Экскурсия в века // Беломорская трибуна. 1968. 14 ноября. С. 2.

⁴⁰ ПМА, Петрозаводск, 2024 год.

помещения под экспозиционный зал. Вместе с тем рост туристического потока, в первую очередь за счет возобновления рейсов туристических теплоходов по Беломорско-Балтийскому каналу с остановкой в Беломорске и посещением Соловков, стимулировал экскурсионную деятельность. В середине 1990-х гг. у музея было два направления работы: показ поморской культуры, в основном для организованных групп туристов теплоходных туров, отправляющихся на Соловки, и экскурсии на петроглифы Залавруги, которые пользовались бóльшей популярностью у остальных категорий туристов.

За неимением подходящего экспозиционного помещения в 1996 г. было принято решение организовать временную летнюю выставку музея в трюме плавмастерской Беломорского морского порта, рядом с причалом, откуда отправляются рейсы на Соловки. Ее основной темой стала «Морская культура поморов конца XIX – начала XX вв.», выставка была приурочена к 300-летию Российского флота. В качестве визуальной доминанты выставки был выбран образ Николая Чудотворца, наиболее почитаемого святого в Поморье, «покровителя путешественников и мореходов». Старинная икона Николая Чудотворца открывала экспозицию: «первое, на что обращает внимание каждый посетитель выставки – большая икона Николая Чудотворца из Виремской церкви Петра и Павла»⁴¹. Основными разделами выставки стали: появление постоянных поселений на берегах Белого моря, мореходство и навигация, история Соловецкого монастыря, морские дальние промыслы, центры судостроения на Поморском берегу, история Сумпосадской мореходной школы. На выставке была представлена реконструкция становой избы и части побережья с вешалами для сушки сетей. Экскурсовод была одета в традиционный костюм Поморского берега – на тот момент это был сценический костюм от Поморского хора. Эта выставка позднее легла в основу постоянной экспозиции музея.

⁴¹ Титова Т. Памяти мореходов посвящается // Беломорская трибуна. 1997. 30 июля. С. 3.

Чуть более 10 лет музей провел без собственной площадки для приема посетителей в городе, что было метко отражено в одной из статей местной газеты – «Музея нет, но он очень даже есть»⁴². По мнению В.А. Шендаковой, отсутствие выставочного помещения у музея послужило стимулом создания ряда небольших «комнат поморского быта» в различных образовательных учреждениях – детских садах, школах, Центре детского и юношеского туризма.

С 2006 г. и по настоящее время музей располагается в здании бывшего кинотеатра «Выг». Фондохранилище разместилось в подвале и бывшем зрительном зале. Под экспозиционно-выставочный зал отведено только одно небольшое помещение. В нем была оформлена постоянная выставка «Морская культура поморов конца XIX – начала XX вв.», которую в 2008 г. открыли для посетителей. Проблема малого выставочного пространства решалась за счет создания большого количества временных выставок, расширяющих тематику основной экспозиции. С 2008 по 2010 гг. в музее было организовано 11 выставок, среди них: «От Покрова до Крещения», «Поморское чаепитие», «Золотные узорочья Поморья», «Поморская сказительница (к столетию Ф.И. Быковой)», «Традиции Масленицы в Поморье» и другие⁴³.

В 2012 г. руководитель музея В.А. Шендакова реализовала проект «О чем молчит Поморский берег?», посвященный изучению общественных музеев района и работе с ними. В результате работы были проведены осмотры экспозиций и фондовых коллекций в музеях в Шуерецком и Сумском Посаде, а также музейных комнат в Беломорске. Наиболее интересные и ценные экспонаты были впоследствии представлены на совместной выставке в Беломорском музее и вошли в каталог выставки. Эта же выставка легла в основу проведенной в 2016 г. совместно с музеем «Кижи» выставки в Петрозаводске «От моря дышим». Выставка была посвящена знакомству с традиционной культурой Поморья через основные хозяйственные занятия

⁴² Керзум А. Музея нет, но он очень даже есть // Беломорская трибуна. 2002. 11 апреля. С. 6.

⁴³ Приглашаем в музей // Беломорская трибуна, 2010. 25 марта. С. 8.

поморов конца XIX – начала XX в.: судостроение, мореплавание, морские промыслы, торговля.

С 2023 г. постоянная выставка краеведческого музея носит название «Сказания Поморского берега». Она открылась в обновленном экспозиционно-выставочном зале и, по плану создателей, демонстрирует «различные страницы истории Беломорского Поморья»: культура и быт поморов, судостроение и мореходство, поморские поселения, история строительства Беломорско-Балтийского канала и развитие города Беломорска⁴⁴. Небольшое пространство выставки визуально делится на две тематические структуры.

Первая посвящена этнографии поморов и занимает примерно 2/3 выставочного помещения. Основными элементами этой части экспозиции выступают комплексы предметов, посвященные бытовому укладу, женским ремеслам (рукоделию), судостроению, промыслам и мореходству. Быт поморов раскрывается в том числе через демонстрацию предметов, связанных с заграничной торговлей, например, стеллаж с фарфоровой посудой и кухонной утварью из стран Северной и Западной Европы. Угол, посвященный изготовлению и украшению одежды, маркируется женским манекеном в местном поморском наряде (сарафан, рубаха с широкими рукавами и бороком, широкий черный ремень с пряжкой, повойник, жемчужное перо). Здесь же представлены образцы вышитых полотенец, несколько прялок и веретен, сундук, утюги. Рядом на стене висит карта берегов Белого моря с отмеченными на ней селениями Поморского берега, под ней расположен интерактивный мультимедийный стол, где можно совершить туры в виртуальной реальности «От Сороки до Соловков» и «Залавруга» (экскурсия по петроглифам). Центральную часть стены напротив входа также занимают мультимедийные средства показа (LED-экран). Далее начинается часть экспозиции, посвященная мореходству и морским промыслам. В этом разделе

⁴⁴ Выставка «Сказания Поморского берега» // МБУ «Беломорский краеведческий музей». URL: <http://brkm-museum.ru/services/item/3> (дата обращения: 20.05.2024).

представлены промысловые снасти и орудия лова, навигационные приборы, модели различных типов судов.

Вторая тематическая часть экспозиции занимает около трети пространства помещения и посвящена истории района в XX в. Фокус внимания посетителей в первую очередь обращает на себя схема Беломорско-Балтийского канала в разрезе, которая занимает целиком одну из стен. Следующий стенд кратко рассказывает о социально-экономическом развитии района, начиная с 1870-х до 1970-х гг. Здесь же отражены годы Великой Отечественной войны, когда Беломорск был столицей Карелии в период финской оккупации Петрозаводска. Рядом на полу расположены образцы продукции, которую производили предприятия Беломорского района.

Таким образом, на протяжении истории существования Беломорского краеведческого музея контексты демонстрации истории и культуры поморов в экспозициях менялись. В первые десятилетия работы «поморский компонент» не выполнял роль основы музейной экспозиции. В ней отражалась типичная для локального краеведческого музея «история района от периода неолита до “развитого социализма”»⁴⁵. Этнографический материал и историческое прошлое поморских поселений были призваны в первую очередь наглядно продемонстрировать посетителю развитие промышленной и социальной сфер в советскую эпоху. В середине 1990-х гг., в связи с чередой переездов в разные здания, музей лишился основных экспозиционных помещений и был вынужден значительно сократить выставочные площади. С этого момента основной фокус постоянной выставки и большей части временных выставок направлен на демонстрацию поморского наследия как локальной специфики территории.

В конце 2023 г. в связи с включением ранее беломорских петроглифов в список всемирного наследия ЮНЕСКО в виде комплексного объекта «Петроглифы Онежского озера и Белого моря» начался процесс передачи

⁴⁵ Шендакова В.А. Беломорскому районному краеведческому музею «Беломорские петроглифы» 50 лет // URL: <http://old.kareliamuseum.ru/site/section/590?preview=on> (дата обращения: 12.06.2024).

археологического памятника в республиканскую собственность под ведомство создаваемого государственного центра по управлению, сохранению и изучению петроглифов Карелии. Тем самым профиль краеведческого музея Беломорска изменился, и предполагалось, что теперь он будет сосредоточен на «основной тематике музейной экспозиции: Беломорское Поморье, село Сорока, город Беломорск, поморский быт»⁴⁶. В группе музея в социальной сети ВКонтакте был объявлен конкурс на новое название. Среди вариантов, предложенных в комментариях, больше всего симпатий набрало название «Беломорский краеведческий музей»; встретились также этнически окрашенные названия («Карельский быт», музей «Поморо-карельской культуры», «Беломорское Поморье»).

В свете этих процессов присоединение в 2021 г. Центра поморской культуры к музею в качестве структурного подразделения выглядит как консолидация сил и ресурсов, направленных на развитие этнографического и исторического направления. Основным ядром деятельности Беломорского краеведческого музея становится обращение к историко-культурному наследию поморов, ведение краеведческой работы и представление ее результатов в выставках, музейных программах для детей и взрослых, изданиях музея.

1.3. Этнокультурный центр «Хламной сарай», с. Нюхча

Среди культурных учреждений Беломорского района также выделяется этнокультурный центр в Нюхче, его полное наименование – Местная общественная организация Беломорского района по сохранению и популяризации культуры Поморья «Хламной сарай». Официально она зарегистрирована в 2013 г., однако история его создания ведется с 2000-х гг.

Идея собирания старинных предметов зачастую сопутствует процессу

⁴⁶ [О внесении изменений в название Беломорского краеведческого музея] // Группа ВКонтакте «Беломорский краеведческий музей», 7 декабря 2023 года. URL: https://vk.com/club64187452?offset=15&own=0&w=wall-64187452_5204 (дата обращения: 05.03.2024).

собирания информации о прошлом села. О намерении организовать «свой маленький музей, с поморскими традициями и обычаями»⁴⁷ говорила заведующая детским садом в Нюхче, описывая воспитательную работу с детьми с привлечением краеведческого материала в 1999 г. К этому позднее, в 2004 г., пришла и Надежда Сергеевна Семенова, на тот момент учитель технологии в местной школе, коренная жительница Нюхчи. Она начала заниматься исследовательской деятельностью со школьниками; во время работы стали собираться старинные вещи – предметы быта, промысловые орудия, инструменты и бондарные изделия, одежда, мебель, фотографии и документы. В 2007 г. на сессии Нюхчинского сельского поселения было принято решение создать в селе музей⁴⁸. В июле 2008 г. музей был официально открыт на праздновании Дня села, однако подходящего помещения для него еще не было. Экспонаты хранились в хозяйственной части дома Н.С. Семеновой, «на сарае», что и легло впоследствии в основу названия этнокультурного центра.

Импульс для развития сельский музей во многом получил благодаря содействию Маркку Ниеминена, основателя и руководителя фонда «Юминкеко» (Кухмо, Финляндия)⁴⁹. Фонд «Юминкеко» в 2000-х гг. осуществлял поддержку многих культурных инициатив в Карелии, например, создание этнолитературного музея на родине народного писателя Карелии Ортъе Степанова в деревне Хайколя (Калевальский район). В 2010 г. Маркку Ниеминен впервые побывал в Нюхче вместе с известным топонимистом ИЯЛИ И.И. Муллонен и обещал найти возможности поддержки: «В Нюхче очень хороший музей, но располагается [он] на задворках, в сарае. Руководству района нужно обратить на это внимание, тем более что жители показали нам два дома, в один из которых вполне можно будет поместить

⁴⁷ Козлова А. Село меняется, растет // Беломорская трибуна. 1999. 17 февраля. С. 3.

⁴⁸ «Хламной сарай» // Карельское Поморье. Краеведение Беломорского района. URL: <https://pomorskibereg.ru/xlamnoj-saraj/> (дата обращения 26.04.2014).

⁴⁹ Фонд «Юминкеко» был создан в 1985 г. для популяризации эпоса «Калевала» и культурного обмена между Финляндией и Карелией. В 1992 г. Маркку Ниеминену было присвоено звание заслуженного работника культуры Республики Карелия.

собранную коллекцию. Мы, в свою очередь, со стороны Евросоюза постараемся изыскать средства для создания в Нюхче поморского филиала Этнокультурного центра, который будет создан в Беломорске»⁵⁰. Как впоследствии оценивала Н.С. Семенова, «все осталось бы по-прежнему, или развалилось бы вконец, если бы не обратили на нас внимание И.И. Муллонен и Маркку Ниеминен и обещали помочь. Если сказать честно, руки у меня уже стали опускаться и идея по созданию в Нюхче музея стала казаться бредовой»⁵¹.

Сеть территориальных этнокультурных центров начала создаваться в Республике Карелия с середины 2000-х гг. Ими становились не только новые заведения, но и структурные подразделения уже существующих учреждений культуры и образования, или общественные организации местных жителей. Одними из первых появились этнокультурные центры в Суоярвском («Вешкелюс», 2007 г.) и Калевальском («Калевалатало», 2008 г.) районах. В 2013-2014 гг. в рамках программы приграничного сотрудничества с Финляндией ENPI CBC Karelia⁵² был реализован масштабный проект «ЕСНО» («Network of Ethno-Cultural and Heritage Organizations» – «Создание сети этнокультурных центров и организаций по сохранению наследия»). Со стороны Финляндии главным партнером выступал фонд «Юминкеко», партнерами от России были Центр национальных культур и народного творчества Республики Карелия и Министерство культуры Республики Карелия. Создание этнокультурного центра в Нюхче являлось одной из основных задач проекта «ЕСНО».

Для размещения был выбран старинный двухэтажный дом на берегу реки, до 1920-х гг. принадлежавший семье купца Пономарева (см. Приложение 4, рис. 1). Ремонт во многом проводился силами местных жителей. Методическую и практическую помощь в подготовке фондов и подборе

⁵⁰ Титова Т. Поморье глазами исследователей // Беломорская трибуна. 2010. №37. 23 сентября. С. 7.

⁵¹ История создания музея «Хламной сарай» // Группа «Музей поморского быта " Хламной сарай " с.Нюхча», ВКонтакте. 30 января 2014. URL: https://vk.com/topic-65008088_29611344 (дата обращения 26.04.2014).

⁵² Программа приграничного сотрудничества «Карелия» в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства.

экспонатов к экспозициям оказывала Елена Иллиодоровна Яскеляйнен, признанный исследователь традиционного костюма Карелии. В доме были оборудованы несколько помещений. В коридоре разместились различные орудия труда и изделия по тематическому принципу: сельскохозяйственный инвентарь, инструменты плотницкого, бондарного, щепного, кожевенного и шорного промыслов. Комната на первом этаже была оформлена как традиционная поморская изба с печью, столом, кухонной утварью, спальным закутком, где стоит кровать. Это пространство позволяет принимать гостей, проводить небольшие мероприятия и мастер-классы по приготовлению блюд традиционной кухни. В основном помещении на втором этаже хранятся элементы праздничной и повседневной одежды, девичьего приданого, украшения интерьера (подвесы, занавески); как правило, рядом располагаются прялки – символы сферы женского труда. Отдельную комнату под названием «Капитанская» наполнили предметы, связанные с морским и речным рыболовством (снасти, промысловый инвентарь, одежда и обувь). Кроме музейных экспозиций, на втором этаже был также оборудован конференц-зал для проведения мероприятий.

Открытие состоялось 17 декабря 2014 г. (см. Приложение 4, рис. 3). Согласно идее развития этнокультурных центров, помимо главной цели – сохранения и популяризации культурных традиций, важной задачей ставилось вовлечение традиционной культуры в сферу современной социальной и культурной активности, нацеленной на социально-экономическое развитие населенного пункта⁵³. Большинство местных жителей с энтузиазмом восприняли новость о появлении в Нюхче своего музея, где хранится история их села. В ремонте и восстановлении дома для музея участвовали 64 человека, в оказании спонсорской помощи – 10 человек; их поименный список хранится в музее (см. Приложение 4, рис. 4). Однако впоследствии «Хламной сарай»

⁵³ Проект «ЕСНО» (сеть этнокультурных центров и организаций по сохранению наследия) // Официальный сайт Центра народного творчества и культурных инициатив. URL: <https://etnocenter.ru/5566/etnocentri/echo/o-proekte/> (дата обращения 26.04.2014).

продолжил выполнять роль, в первую очередь, сосредоточения народной памяти в виде материальных предметов и историй их дарителей. Основной деятельностью «Хламного сарая» в лице его директора Н.С. Семеновой и местного краеведа, уроженца Нюхчи В.М. Кичангина⁵⁴, является продолжение собирательской и исследовательской деятельности. В «Хламном сарае» проводятся экскурсии для школьников из образовательных учреждений (в основном Беломорского района) и немногочисленных туристов.

В результате одного из проектов «Центра поморской культуры» в «Хламном сарае» появились ткацкие станки, и несколько нюхчанок стали заниматься ткачеством. Также Н.С. Семенова является участницей фольклорной группы «Таволга», поэтому коллектив собирался и репетировал в этнокультурном центре, совместно разрабатывая программы. В 2016 г. на Покров в «Хламном сарае» для гостей из Сумского Посада и Рабочеостровска был показан свадебный обряд.

Самостоятельный статус этнокультурного центра Нюхчи, в стороне от структуры бюджетных культурных учреждений, с одной стороны, освобождает от организации обязательных «ритуальных» мероприятий на государственные праздники и дает свободу выбора направлений действия, с другой – показывает, что в случае Нюхчи такое пространство хоть и воспринимается местными жителями положительно, но не становится центром общественной жизни, а скорее выполняет роль хранилища памяти о людях и событиях места. Этнокультурный центр в Нюхче стал также своеобразным ресурсным центром для ученых, приезжающих сюда для исследований в поле, и специалистов в области креативных (творческих) индустрий – архитекторов, дизайнеров, художников, музыкантов.

1.4. Краеведческий музей «Поморье», г. Кемь

Кемский краеведческий музей начал создаваться в конце 1970-х гг.

⁵⁴ К 90-летию организации колхоза «Беломор» В.М. Кичангин написал книгу «Нюхча».

Большую роль в становлении музея сыграл местный учитель, краевед Геннадий Степанович Сонников. Он вел собирательскую работу, печатал заметки по истории Кемского Поморья в местной газете. В апреле 1978 г. был образован общественный совет по организации музея, председателем которого стала журналист районной газеты «Советское Беломорье» Валентина Степановна Баркина⁵⁵. Открытие музея состоялось 8 июля 1980 г., его директором стал Г.С. Сонников. Первоначально музей размещался в трех комнатах городской библиотеки. Формирование фондов начиналось с 80 предметов, отражавших быт поморов, и документальных материалов по истории Карельского Поморья, переданных Иваном Федоровичем Семеновым – учителем химии, увлеченным краеведением. В середине 1960-х гг. И.Ф. Семенов начал собирать материалы по истории и природе края, которые легли в основу выставки в районном доме культуры в 1967 г., посвященной 50-летию советского государства. Однако на тот момент предложение о создании музея не получило развития.

После открытия музея фонды пополнялись экспонатами, поступившими из школ с. Гридино и с. Панозеро, а также вещами, подаренными местными жителями. Многие предметы Г. С. Сонников собирал в личных поездках по району. В 1985 г., к празднованию 200-летия Кеми, музей был переведен в историческое каменное здание казначейства Кемского уезда 1778 г. постройки, которое располагается в старой части города на Лепострове рядом с деревянным Успенским собором. В фондах музея появились разнообразные предметные ряды, среди которых коллекция археологических находок, навигационных приборов, старообрядческих икон, медной пластики и надмогильных сооружений (голбцов), нумизматическая коллекция монет и бумажных денег, метрологические приборы, предметы быта, орудия труда и промыслов. Был собран также значительный фонд письменных источников по истории Карельского Поморья, включая коллекцию редких старопечатных

⁵⁵ Сонников Г. История старой фотографии // Советское Беломорье. 2010. № 33. 20 августа. С. 2.

и рукописных книг, фотографии, личные документы, делопроизводственные документы Кемской мореходной школы.

В 1991 г. музей стал муниципальным и получил название «Поморье». Как писал Г.С. Сонников, «с провозглашением гласности и свободы слова появилось больше возможностей, чтобы расширить круг экспонируемых предметов и разнообразить тематику выставок»⁵⁶. В 1997 г. в городской администрации подготовили программу 10-летнего развития музея, согласно которой на базе учреждения должен был появиться «Музейный поморский центр». Предполагалось, что создание центра будет способствовать «возрождению и развитию поморской культуры», а у музея «появится новая функция: он станет центром общественных инициатив в области культуры, осуществляемых на основе интеграции культурного наследия»⁵⁷. Отказ от охвата истории всего района и концентрация на поморском наследии были сознательными – Г.С. Сонников считал, что у каждого музея, включая небольшие провинциальные, должна быть своя специфика. Задачу Кемского краеведческого музея он видел в показе духовной и материальной культуры поморов конца XIX – начала XX вв.

В 1998 г. открылась обновленная постоянная выставка по истории Кемского Поморья, где были отражены основные вехи истории города: вотчина Соловецкого монастыря, северный рубеж обороны, строительство Кемского острога, присвоение Кеми статуса уездного города, развитие судостроения, мореплавания и морских промыслов, учреждение шкиперских курсов, Кемские лесопильные заводы, строительство Мурманской железной дороги, Гражданская война и интервенция, становление советской власти. Частично была затронута тема репрессий и ГУЛАГа, история Кемского пересыльного пункта и лагерей в районе Кеми. Затем были открыты экспозиции, в которых преобладали новые контексты прочтения досоветских традиций и бытового уклада: «Православные святыни» (1999 г.), «Купеческая

⁵⁶ Сонников Г. «Поморье»: здесь вся история края // Советское Беломорье. 1999. 15 мая. С. 5.

⁵⁷ Сонников Г. Откуда пошла Кемь // Советское Беломорье. 1997. 24 октября. С. 3.

лавка» и «Комната кемского горожанина начала XX в.» (2000 г.), «Море – наше поле» (2001 г.), «Духовная и материальная культура поморов Кемского уезда конца XIX – начала XX в.» (2003 г.). Образ дореволюционного угнетенного Поморья трансформировался в образ сурового, но зажиточного края; деятельность судовладельцев и купцов, православные и старообрядческие традиции стали наделяться положительной коннотацией. Г.Н. Сонников, разделяя тезис о новгородском происхождении поморов, писал в публикации в местной газете, приуроченной ко Дню музеев: «Поморы – выходцы из Новгородской земли, передовой отряд русских, начавших осваивать огромные пространства Севера, по роду своих занятий, быту, да и по некоторым чертам характера отличаются от населения центральных земледельческих районов. Они принесли с собой византийский вариант христианской религии: Православную церковь. Они же окрестили саамов и карел, также проживавших на этой территории. Выходцы из Новгородской земли обучили многих представителей саамов и карел грамотности»⁵⁸.

В настоящее время фонды музея составляют около 10 тысяч единиц. Фокус постоянной экспозиции направлен на период XVIII-XIX вв., в центре внимания экспонаты, связанные с материальной и духовной культурой поморов. В интервью с сотрудниками музея это подчеркивалось как отличительная особенность местности внутри региона: *«И я даже вот всегда нашим посетителям объясняю, что мы хоть и в составе Республики Карелия, но мы больше русские, все-таки»* (жен., 1969 г.р., Кемь). Знакомство с экспозицией музея начинается с небольшой выставки «Сей город я открыл», где представлены документы и фотографии, по которым можно проследить периоды заселения побережья Белого моря от стоянок древнего человека до времени сооружения Кемской крепости и возведении Кеми в ранг уездного города в 1785 г. Далее подробно раскрываются образы деревенского и городского быта поморских поселений в четырех залах: в первом, самом

⁵⁸ Сонников Г. Рассказывают экспозиции // Советское Беломорье. 2002. 17 мая. С. 7.

просторном, располагается экспозиция «Море – наше поле» посвящённая традиционным промыслам поморов; затем друг за другом идут помещения с экспозициями «Поморская горница», «Комната кемского горожанина» и «Купеческая лавка». Согласно концепции музея, «в основу экспозиционного решения положен образ помора и среды его обитания – «море» и «берег». Акцентирование идет на три основных начала: «мореплавание, судостроение, рыбные и зверобойные промыслы»⁵⁹. История и традиционная культура поморов презентуются в образах, наделяемых позитивной коннотацией:

- трудовые традиции, сложившиеся в сложных условиях деятельности рыболовецких и зверобойных артелей, требующих выдержки, физической и психологической стойкости;
- деятельность состоятельных кемских судовладельцев и купцов, как образ предприимчивости и хозяйственности;
- традиции мореходства, показ типов поморских судов, развития навигационной культуры и создания поморских лоций, открытия Шкиперских курсов в Кемь, продолжение мореходных традиций в биографиях первых советских «ледовых капитанов» – как образ поиска, стремления к неизведанному.

Таким образом, представляется образ «настоящего помора» как трудолюбивого, предприимчивого, отважного человека, живущего на берегу Белого моря и неразрывно связанного с морем промыслами и укладом жизни.

Главная цель деятельности музея, которая была озвучена директором Ириной Ильиничной Устин в ходе интервью – чтобы *«Кемь стала оплотом поморской культуры на нашем берегу; чтобы город не потерял статуса своего – центра поморской культуры, поморского берега, как он был изначально у предков наших»*⁶⁰. Под ее руководством музей стремится транслировать имеющийся объем знаний в разных форматах: помимо проведения экскурсий, разработаны музейные программы, рассчитанные на

⁵⁹ Историю поморскую храня. Информационный буклет. Кемь, 2019. С. 5.

⁶⁰ ПМА, Кемь, 2020 год.

детей и взрослое население, регулярно проводятся конкурсы семейных научно-исследовательских работ под названием «Я – помор?!» и выставки по истории отдельных поморских династий с участием представителей этих семей («Поморскую историю храня»). Несколько раз проходил городской фестиваль «Кто на море главный?», где центральное место занимали детские театрализованные постановки по поморским сказкам. Частично реализация этих мероприятий поддерживалась за счет проектов: «Что хранит Поньгома?» (2016 г.), «Поморски побасенки» (2017 г.), «Посвящение в зуйки» (2018 г.).

К проведению некоторых мероприятий музей стал привлекать сотрудников Центра культуры и спорта г. Кемь. В отличие от Беломорского района, где городской и сельские дома культуры объединены в одну структуру, в Кемском районе отдельно функционируют городской Центр культуры и спорта и дома культуры в поселках Рабочеостровск, Кузема, Кривой Порог. Городской Центр культуры и спорта (ЦКС, ранее – Дом культуры железнодорожников) ориентирован на развитие разных по направлениям творческих объединений. Поморская культура не играла доминирующую роль в проводимых мероприятиях, хотя отдельные элементы использовались в названиях и стилизации городских праздников. К примеру, с 2007 по 2019 гг. осенью в Кеми проводился районный праздник под названием «Досюлишны старины Поморья», в котором участвовали творческие коллективы Кемского и Беломорского районов, устраивались декоративно-прикладные мастер-классы, конкурс на лучший рыбник. По мнению сотрудницы музея, проводимые совместно с ЦКС мероприятия способствовали активизации их работы по популяризации культурного наследия поморов: *«Мы сейчас подвинули наш Центр культуры и спорта, они тоже уже стали воспринимать поморскую культуру. Хотя первое время в штыки. Мы пришли к ним, заняли их территорию, проводили на их территории мероприятия, потому что опять же музей у нас маленький, ничего не могли. А потом получилось, они заразились. И они теперь тоже проводят праздники свои, и какие-то большие, маленькие, и театральные*

коллектив у них в Доме культуры есть, который с нами сотрудничал, мы их частично втаскивали в свои [мероприятия]. И они теперь тоже делают на поморской говоре, и спектакль у них есть интересный, поморский, и такие вот маленькие мероприятия они делают, и фестиваль именно с поморскими рукоделами» (жен., 1966 г.р., Кемь).

Одним из самых масштабных совместных мероприятий стал финал проекта музея «Свадебный уклад на поморский лад» (2017 г.) – показ в ЦКС реконструкции свадебного обряда поморов Кемского уезда, в котором участвовало около 40 человек, включая фольклорную группу «Поморяночки»⁶¹, а присутствующих гостей собралось около 120 человек⁶². С 2017 г. в ЦКС стали чаще проводиться мероприятия совместно с музеем или фольклорными песенными коллективами, позиционирующими себя как поморские. Примерами могут служить концерт местных творческих коллективов «Поморская беседа» (2021 г.) с участием фольклорной группы из Сумского Посада, «Поморские посиделки Осенины» от группы «Поморяночка» (2023 г.); фольклорный праздник «Крещенский вечерок с Поморяночками», посвященный святочным традициям Поморья (2024 г.). Как правило, основой таких мероприятий выступает программа от фольклорной группы, к которой добавляются выступления других творческих коллективов ЦКС. Такие праздничные концерты являют собой привычный и понятный для участников процесса формат демонстрации самодеятельного творчества в домах культуры.

Еще одним заметным направлением работы в музее была работа по сбору и популяризации диалектных слов и выражений беломорских говоров. Высказывалась идея создания разговорного клуба «Поморская говоря», *«чтобы жители и вспоминали, и учили, и делились, и придумывали»* (жен., 1966 г.р., Кемь). Реализовать клуб на постоянной основе не получилось из-за

⁶¹ Подробнее о фольклорных творческих объединениях см. третий параграф настоящей главы.

⁶² Ларионова И. Свадебный уклад на поморский лад // Интернет-журнал «Лицей», 24 января 2017. URL: <https://gazeta-licey.ru/top/53604-svadebnyiy-uklad-na-pomorskiy-lad> (дата обращения: 16.05.2024).

сильной загруженности самих сотрудников основной работой, но несколько раз в музее проводились занятия для всех желающих, на которых участники могли пообщаться, используя диалектные слова, составляли рассказы и диалоги, разыгрывали сценки. Помимо «Словаря поморского языка» И.М. Дурова, в работе музея используются также тексты поморских сказок и словарь «Поморьска говоря», составленный Иваном Мосеевым⁶³, а также тексты рассказов, составленных и записанных на Терском берегу кандалакшскими краеведами. На основе этих источников совместно с Анной Павловной Кузнецовой, уроженкой села Гридино, в 2009 г. был подготовлен «Разговорник диалекта русского языка Севера Карелии “Поморьска говоря”».

Публикации разговорника предшествовала разгоревшаяся на одном из занятий между участниками дискуссия на тему правильности названия «г^овор» или «г^оворя». Так как русские говоры Беломорья складывались в результате тесных межэтнических контактов, имеющих свои особенности на разных поморских берегах, одни и те же идиомы от одного поселения к другому могут иметь различное произношение. И.А. Кюршунова, подводя итоги описания фонетической системы говоров Карельского Поморья, отмечала, что территориальные условия, в силу которых населённые пункты находились друг от друга на значительном расстоянии и имели относительную изолированность, могли способствовать развитию локальных фонетических явлений, отличных от общих, характерных для данного ареала⁶⁴. По словам сотрудницы музея, *«когда проводили первый семинар по говоре, у нас чуть драка не получилась. Мы [работники музея] стали называть вот этот диалект русского языка «говорей», «говоря» – женского рода, а наши гридинские говорят: «Неправильно! Говор, мужского рода». То есть само слово, термин этот. И там такие дебаты были. Я их попыталась успокоить, что нет пока ещё такого понимания, закреплённого в науке, в филологии, или*

⁶³ Мосеев И.И. Поморьска говоря: краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2006. 372 с.

⁶⁴ Кюршунова И.А., Гусева Е.Р. Карельское Поморье в лингвистическом контексте // Научный диалог. 2020. № 10. С. 67.

в какой оно должно закрепляться. Вы можете говорить так, а вы можете говорить так. Давайте не будем вот в этом статусе драться, будем приходить к какому-то общему знаменателю» (жен., 1966 г.р., Кемь).

В беседах сотрудники музея отмечали, что ощущают нехватку научно достоверной информации о «правильности» используемых и транслируемых ими материалов: *«Своими силами, что можем, что умеем. А так, чтобы был какой-то человек, который бы знал все вот эти правила, произношения, мы же тоже зачастую, может быть, ошибки какие-то допускаем»* (жен., 1969 г.р., Кемь). С целью налаживания связей с представителями научного сообщества в музее были организованы несколько научных мероприятий: семинар «Осмысление основ диалекта русского языка Севера Карелии (поморской говори) в целях его сохранения и возрождения» совместно с Институтом языка и литературы КарНЦ РАН (2015 г.); конференция «Истоки поморского характера в современной интерпретации» (2016 г.); межрегиональный семинар «Особенности свадебного обряда в Кемском уезде» (2017 г.).

В музее также предпринимались попытки актуализировать локальную поморскую идентичность. В рамках проекта «Городок Кемской – ForПост Беломорья» (2015-2016 гг.) одной из главных задач стало определение «поморского кода» – *«чтобы человек, ознакомившись с ним, ответил сам себе, Помор он или нет. И, главное, помочь всем, кто хочет идентифицировать себя с поморской культурой, получить такую возможность»*⁶⁵. На основе анализа 200 коротких анкет местных жителей в «Поморский код» были включены следующие слагаемые: проживание на территории берегов Белого моря более 10 лет; умение ловить рыбу в Белом море; обладание навыками какого-либо поморского ремесла; освоение «поморской говори»; знание особенностей поморской кухни; желание изучать историю Поморья. Поморский код в данном виде был положен в основу

⁶⁵ Городок Кемской — ForПост Беломорья // Культурная мозаика малых городов и сел. URL: <https://cultmosaic.ru/winners/gorodok-kemskoy-forpost-belomorya/> (дата обращения: 16.05.2024).

нескольких музейных программ, рассчитанных как на местное население – взрослых и детей, так и на туристов. Таким образом музей предлагает «стать помором» всем желающим: *«если человек хочет считать себя помором, мы даем ему возможность. <...> Мы делаем это конечно в игровой форме, мы создали вот такую игру «Стань помором». Там 6 станций, на каждой из которых в какой-то форме занятия получаете знания про ту же поморскую говорю, мастер-класс, где вы там делаете даже ту же игрушку, птичку или конь-огонь, это тоже старинные такие поморские обрядовые игрушечки. <...> И потом мы записываем их в Книгу поморов – есть у нас такая книга, дарим значок «Я – помор», кибас⁶⁶ дарим, вот этот сувенирный, и диплом им выписываем, о том, что он стал помором, и записываем в Книгу поморов»* (жен., 1966 г.р., Кемь).

«Поморский код» представляет собой некий стилизованный образ, удобный для «участия в “потреблении” локальной культуры транснациональной аудиторией в лице многочисленных и повсеместно присутствующих туристов»⁶⁷. Однако важно отметить, что он обращен в будущее: в интервью сотрудник музея посетовал на то, что если брать за основу мнение местных жителей, считающих поморами только местное коренное население, то в скором времени таковых уже не останется: *«Местные наши жители говорят, что поморами могут считаться те, которые в четвёртом минимум поколении поморы. Именно жили здесь в Кеми, именно занимались вот этим промыслом рыболовецким. ... Если так считать, <...> то тогда буквально через несколько лет нужно вашу поморскую историю будет закрыть, и закопать, и забыть. Потому что мало осталось поморов, очень мало. Многие уехали, многие ассимилировались,*

⁶⁶ Кибас – грузило для сетей, выполненное из камня, обернутого берестой. Один из вариантов выполнения представлял собой «крест в круге»: камень, оплетенный берестой крест-накрест, крепился к внешней рамке в форме круга из елового корня или можжевельника. Такой кибас был выбран в качестве символа Года поморской культуры в 2011 г. По объяснению И.И. Мосеева, «крест – символ жизни, а круг – вечности. <...> Камень же брали на удачу с мест, где был большой улов». (Звонарев С. Год Поморской культуры пройдет с кибасом // ИА Двина-Информ. 2011. 18 мая. URL: <https://www.dvinainform.ru/archive/2011/05/18/1447.html> (дата обращения: 12.06.2024).

⁶⁷ Мельникова Е.А. Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 12.

многие перестали там жить. А дети наши большинство уезжают тоже с этой территории, поэтому тогда совсем будет не о чём говорить. Поэтому, говорю, давайте будем считать, что всё-таки может считать себя помором тот человек, который прожил на берегу Белого моря больше 10 лет» (жен., 1966 г.р., Кемь). Для финального мероприятия проекта – «Съезжего праздника “Артели поморских берегов”» была написана песня-гимн «А поморы остаются поморами» (слова – Л. Шицель, музыка – М. Семанькив), в которой есть такие строки:

*Кандалакшский, Онежский и Терский
Летний, Зимний, Поморский, Карельский –
В каждом имени строки истории
Нашей гордой единой Помории.
Словно волны, надо стать неделимыми
Чтобы дети наши были счастливыми⁶⁸.*

По сути, была сделана попытка выявить современных жителей Кеми, идентифицирующих себя поморами, актуализировать поморскую идентичность через привлечение к участию в различных мероприятиях (объединение мастеров традиционных промыслов, мастер-классы, конференция, выставки фотографий и предметов из семейных архивов, финальный праздник «Съезжие артели поморских берегов» с приглашением коллективов из Беломорского района и других регионов), и тем самым создать в Кеми сообщество поморов и «среду для будущего развития наших традиций»⁶⁹.

В 2021 г. музеем было передано еще одно здание – единственный сохранившийся в Кеми дореволюционный двухэтажный деревянный дом, который, согласно локальной устной истории, принадлежал купцу Александру Евгеньевичу Дятлеву. В начале XX в. несколько комнат в нем занимала

⁶⁸ Аудиозапись «Гимн поморов» в исполнении группы «Поморяночки» // Группа ВКонтакте «МБУ Краеведческий музей Поморье». URL: <https://vk.com/audios-33049449> (дата обращения: 17.05.2024).

⁶⁹ Городок Кемской — ForPost Беломорья // Культурная мозаика малых городов и сел. URL: <https://cultmosaic.ru/winners/gorodok-kemskoy-forpost-belomorya/> (дата обращения: 16.05.2024).

Кемская мореходная школа (с 1842 по 1903 г. – Кемские шкиперские курсы), в советское время в здании размещались детский дом и вечерняя школа⁷⁰. После ремонта в 2023 г. в нем разместили три экспозиционных зала: «Кабинет купца Дятлева», «От зуйка до капитана», «Очень хочется в Советский союз», зал для временных экспозиций, а также помещения для проведения мероприятий и мастер-классов. Новое музейное здание получило название «Дом помора».

Музей «Поморье» является наиболее активным проводником в мир поморской культуры в городе Кемь. Главным актором и идейным вдохновителем коллектива музея является директор учреждения И.И. Устин. В перспективе одной из целей деятельности является создание местной общественной организации, но на деле это будет возможно лишь при заинтересованности и активности местного населения. В настоящее время сотрудники музея отмечают апатичность большинства местных жителей, несмотря на появление небольшого активного сообщества посетителей, регулярно участвующего в мероприятиях музея, а также увеличение количества культурных мероприятий, направленных на популяризацию поморского наследия территории, на других площадках города – в Центре культуры и спорта, силами театрального коллектива на базе Дома культуры. Нужно отметить, что музей воспринимает поморскую культуру как значимый ресурс для развития местной территории: «как навигацию, способную запустить процессы перехода от «выживания» к «развитию» территории Кемского района»⁷¹. В этой связи музеем поднимаются вопросы формирования современной поморской идентичности, которые они стремятся обсуждать непосредственно в диалоге с местным населением. Это иногда вызывает полярные точки зрения, не всегда встречая понимание у местных жителей:

⁷⁰ Воронина П.С., Устин И.И. Купец Александр Евгеньевич Дятлев и Кемская мореходная школа: некоторые штрихи к биографиям // Торопец: 950 лет в исторической памяти: материалы Всероссийской научной конференции, Тверь, 17–20 октября 2024 г. / Сост., ред. Т.Г. Леонтьева, Д.Н. Воробьев. Тверь, 2024. С. 58–64.

⁷¹ Городок Кемской — ForPost Беломорья // Культурная мозаика малых городов и сел. URL: <https://cultmosaic.ru/winners/gorodok-kemskoy-forpost-belomorya/> (дата обращения: 16.05.2024).

- 1) *«Вот я пару раз сходила в музей, и как-то [проснулся интерес] <...> Ирина Ильинична, она расшевелила, да, спасибо ей»* (жен., 1951 г.р., Кемь);
- 2) *«Каждый помор живет сам по себе. А музей сам по себе живет. Вот он сам себе. Он собирает где-то там чего-то, проводит праздники в Кемь, «поморскую говорю», что-то пытается проводить»* (муж., 1956 г.р., Кемь).

1.5. Музей Матвея Коргуева, пос. Чупа

Лоухский район является единственным в Карелии, который по широте простирается от западных до восточных границ республики. Пути освоения северных территорий – Лопских погостов и побережья Белого моря – карельским и русским населением сформировало этническое разделение территории: на побережье моря находились поморские поселения со смешанным или преимущественно русским населением, а к западу от них, вплоть до границы со Швецией (с 1809 г. – с Великим княжеством Финляндским), проживали карелы, занимая гораздо большую по площади территорию⁷². Это накладывает свой отпечаток на культурную и языковую ориентацию западной «карельской» и восточной «поморской» частей края.

Необходимо отметить, что в Лоухском районе на морском побережье существовали и карельские поселения – Нильмогуба, Соностров; «чисто поморскими» считались Кереть и Черная Река. В 1920-х гг. началось возрождение добычи слюды в районе Чупы, появились горняцкие поселки вблизи моря – Хетоламбина, Малиновая Варакка, Нижняя Пулонга, Плотина, Чкаловский, Тэдино. Это сыграло ключевую роль в переориентации хозяйства района, притоке населения и размывании поморских традиций, характерных для поселений на берегу моря. Кереть, в прошлом одно из крупнейших по

⁷² Джиошвили Э.А., Кривоноженко А.Ф., Литвин Ю.В., Яловицына С.Э. Трансформации идентичностей жителей Арктических районов Карелии: первые гипотезы историко-социологического исследования (на материалах Лоухского района)//Финно-угорский мир. 2023. Том. 15, №1. С. 33.

численности поморских сел на Карельском и Кандалакшском берегу, в конце 1960-х гг. пришла в упадок. В результате оптимизационных процессов был расформирован колхоз «Красный рыбак», закрыт лесозавод и ликвидированы социальные и образовательные учреждения, сельский совет (с включением в состав Плотинского с/п). Население Керети было расселено в Лоухи, Чупу и Кемь.

В настоящее время поморское наследие района на официальном уровне презентуется преимущественно в связи с фигурой Матвея Коргуева, «крупнейшего русского сказочника, нашего земляка», уроженца поморского села Кереть⁷³. Матвей Михайлович Коргуев (1883–1943), признанный поморский сказочник Карелии, был ярким представителем сказителей-билингв. От него, помимо обширного репертуара на русском языке, включающего сказки, былины, лирические песни, были записаны карельские руны, которые он усвоил от своей матери-карелки и ее родственников⁷⁴. Матвею Коргуеву посвящен Мемориально-краеведческий музей в Чупинской средней общеобразовательной школе.

Инициатором создания музея была учительница русского языка и литературы Семакова Мария Афанасьева. В 1983 г. по случаю празднования 100-летия со дня рождения М.М. Коргуева она провела семинар для учителей школы на тему «Матвей Коргуев: поморский сказочник». После этого семинара родилась идея создать вместе с учащимися музей. Для сбора материала был организован школьный краеведческий кружок, его участники выезжали в Кереть, познакомились с дочерьми сказочника, вели поиск в архивах. Анна Матвеевна Тютюник, младшая дочь, написала воспоминания об отце, нарисовала иллюстрации к сказкам.

Сбор материалов для музея длился три года. За это время в краеведческом кружке накопились предметы быта, одежда, промысловый

⁷³ Праздники // Администрация Лоухского муниципального района - Официальный сайт. URL: https://louhiadm.ru/obschie_svedeniya/obcshaja-harakteristika/prazdniki/ (дата обращения: 18.06.2023).

⁷⁴ Кундозерова М.В. Сюжетно-мотивный состав рун Матвея Коргуева в контексте карельской эпической традиции // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 3. С. 234.

инвентарь. Помещение для музея было создано при поддержке Чупинского ГОКа «Карелслюда». Художник ГОКа И.Я. Вашлаев выступил оформителем помещения для экспозиции в виде поморской избы: посреди класса был поставлен узорчатый столб и матица, которая поддерживала потолок, стены были обшиты деревом.

Открытие музея состоялось 15 апреля 1988 г.⁷⁵, на нем присутствовали дочери сказочника, керетчане, местные жители поселка Чупа, школьники. В этот же день участники кружка провели для всех желающих экскурсию по музею. Больше 20 лет музеем руководила М.А. Семакова, после нее работу музея возглавила Н.Н. Иванова. По ее словам, интерес к фольклору и традиционной культуре в постперестроечные годы возник потому, что необходимо было найти стержень для жизни: *«Уже по-старому работать было нельзя, по-новому – не знали, что, как работать. И вот всё искали – пионерской организации не было уже. Развал был. Советский Союз пал, так сказать. И не знали, чем [его заменить]. И в основном все стали заниматься краеведением. <...> И мы переключились на музей. Нам нужно было где-то что-то черпать. С чего-то жить надо было. Пионерской организации нет, комсомольскую – упразднили, партийная организация – ушла. Свою деятельность я начала через музей»* (ФА 4306/1⁷⁶). Основная деятельность в рамках музея заключалась в написании школьниками исследовательских работ, посвященных не только М.М. Коргуеву и Керети, но и различным сюжетам истории Лоухского района.

В музее также проводились экскурсии для детей из других образовательных учреждений и туристов. По словам Н.Н. Ивановой, летом музей пользовался популярностью: *«Достаточно много людей проявляло интерес к музею. И летом я очень часто проводила экскурсии. Что самое интересное – не столько местное население. Местное население как бы не*

⁷⁵ Мемориально-краеведческий музей // Мультимедийный ресурс «Литературная карта Карелии» Национальной библиотеки Карелии. URL: http://lit-karta.karelia.ru/places/komnata-muzei_m_m_korgueva (дата обращения: 18.06.2023).

⁷⁶ ФА – Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ

очень проявляет интерес. Может... я не знаю в силу чего. Может, в силу своей инертности или не интересно пока. А кто приезжает, заинтересованные студенты, мы всегда показываем, рассказываем» (ФА 4306/1).

Перед выходом на пенсию Н.Н. Иванова провела инвентаризацию фонда и создала опись всех музейных экспонатов. В 2022 г. в школе начался ремонт, и экспозиция музея была временно свернута. В настоящее время существуют планы по обновлению экспозиции и «перезапуску» музея.

Еще одним мероприятием, посвященным Матвею Коргуеву, стало проведение в 1990-х гг. в деревне Нижняя Пулонга на берегу моря районного фольклорного праздника «Сказочный корабль Коргуева». На празднике устраивали концерт с участием вокальных коллективов, рассказывали о творчестве сказителя. К одному из мероприятий художник И.Я. Вашлаев при поддержке ГОКа «Карелслюда» создал деревянный парусник из старого морского рыболовного бота, который до сих пор стоит на берегу на месте проведения фестиваля (см. Приложение 4, рис. 16). Мероприятия собирали большое количество участников: *«Много [народу собиралось], из Финляндии даже приезжали. Со всей Карелии короче толпа собиралась»* (муж., 1958 г.р., Нижняя Пулонга). *«Раньше был большой-большой праздник, весь район приезжал, вот у нас на пристани стоит вот этот корабль Коргуева. ... Потом как рудники стали закрываться, все захирело»* (жен., 1949 г.р., Нижняя Пулонга). Последний праздник состоялся в июне 1995 г.

§2. Библиотеки

2.1. Беломорская районная библиотека, г. Беломорск

Поморы представлены на культурной карте также в мероприятиях местных библиотек. Задачами Беломорской централизованной библиотечной системы (ЦБС), помимо основной деятельности по поддержке и развитию инфраструктуры чтения, является также и работа по распространению историко-краеведческих знаний. К ней относятся: создание и продвижение

краеведческих ресурсов, развитие внутреннего библиотечно-краеведческого туризма, «приобщение читателей к истории края, воспитание чувства гордости и уважения к самобытной культуре, обычаям своего народа»⁷⁷. Хотя сами сотрудники считают, что по сравнению с Центром поморской культуры вклад библиотеки *«более скромный»* (жен., 1967 г.р., Беломорск), презентация культуры и истории поморов является темой как разовых, так и постоянных мероприятий. В рамках ведения краеведческой деятельности Беломорская библиотека участвует в различных акциях, посвященных информированию населения о традициях, культуре и языке коренных народов Карелии, в том числе, коренного русского населения. К примеру, в 2023 г. в апреле в рамках проекта КРОО «Лига прибалтийско-финских народов» проходила также и Поморская неделя, к которой присоединилась Беломорская библиотека. Были организованы игра «Поморская сторонushка» и краеведческие часы, посвященные «Словарю живого поморского языка» и его автору И.М. Дурову, истории, хозяйственным занятиям, культуре и особенностям беломорских говоров. В основном эти мероприятия были направлены на детей младшего школьного возраста и воспитанников детских садов. Помимо упомянутых выше, в 2023 г. проводились регулярные программы для детей, посвященные играм в Поморье, праздникам, истории и бытовому укладу села Сорока; интерактивная викторина для детей «На поморской говори» в рамках Летнего читального зала под открытым небом. В декабре по инициативе совместно с Поморским русским народным хором было организовано мероприятие, посвященное традициям празднования Николы Зимнего в XIX – начале XX в. (см. Приложение 4, рис. 7).

Для взрослых организуется меньшее число мероприятий. Как правило, это мероприятия в рамках «Библионочи», этнокультурных проектов или в сотрудничестве с другими организациями или объединениями. Примерами

⁷⁷ План работы Беломорской ЦБС на 2024 год // МБУК «Беломорская централизованная библиотечная система». Беломорск, 2023. С. 3. URL: http://belomorsklib.karelia.ru/work/Plany_i_otchetu/ (дата обращения: 14.03.2024).

могут служить проект «Поморская сторонushка у студеного морюшка», реализованный совместно с КРОО «Преемственность русских традиций» (г. Петрозаводск); проект «Окно в Поморье» совместно с Домом культуры Беломорска; праздничный вечер в день Николы Зимнего вместе с Поморским хором. Сотрудники библиотеки отмечали, что в городе сложилась определенная целевая аудитория: *«есть часть людей, которым это действительно интересно, мы друг друга знаем, и есть постоянные посетители таких мероприятий»* (жен., 1975 г.р., Беломорск). Но больший интерес вызывают выездные мероприятия, проводимые для «внешней» аудитории, например, в Петрозаводске: *«людям, мне кажется, за пределами интереснее даже, чем тем, которые живут здесь, у меня такое сложилось впечатление. Потому что для них ново, да, а мы уже Поморский хор ходили слушали, картины эти висят у нас, уже глаза намозолили, поэтому как-то да... А свежему человеку всегда интересно»* (жен., 1975 г.р., Беломорск).

Центром визуального представления поморской культуры стал Сорокский художественный музей, который был организован на базе Беломорской центральной районной библиотеки в 2003 г. Одним из инициаторов был художник Николай Иванович Сюльгин, уроженец Беломорска, основатель творческого просветительского центра «Художники России XX-XXI вв. – Русский Север». Открытию художественного музея в Беломорске предшествовал творческий проект «Поморское село», в результате которого в Петрозаводске была организована выставка картин. На открытии выставки выступала фольклорная группа из Нюхчи, посетителей угощали блюдами из рыбы. Говоря о цели проекта, Н.И. Сюльгин обозначил стремление познакомить людей с Поморьем и поморами: «Хотелось еще раз напомнить: существует поморское село, и у людей, живущих здесь, есть свой прекрасный мир, богатейшая история, искусство, свои традиции»⁷⁸. Большую часть экспозиции составляют картины художников, созданные в творческих

⁷⁸ Титова Т. Петербург – Петрозаводск – Нюхча // Беломорская трибуна. 2002. 21 февраля. С. 6.

поездках по поморским деревням – Ирины Мелиховой, Бориса Кукшиева, Татьяны Лушниковой и других. В течение года там проводятся обзорные экскурсии, а также устраиваются различные мероприятия творческой и краеведческой направленности. Основной мотивацией сотрудников, самих заинтересованных краеведением, является желание рассказать о предмете своего увлечения: *«Когда ты обладаешь фондом такой литературы краеведческой, когда в тебе столько информации, хочется поделиться. ... Я считаю, что через искусство можно продвинуть очень многое, и рассказать о своём крае и о Поморье не только из книг или каких-то других источников»* (жен., 1975 г.р., Беломорск).

Помимо районной библиотеки, в структуре Беломорской центральной библиотечной системы находится еще 11 сельских библиотек. Одна из них – библиотека-музей имени А.Н. Савина в селе Шуерецком. Поначалу эти два учреждения существовали независимо друг от друга. Библиотека выросла из избы-читальни, открытой в 1925 г. Общественный музей был создан уроженцами Шуерецкого Анатолием Николаевичем Савиным и Василием Ивановичем Галашкиным. Их краеведческая и поисковая работа началась в 1980-х гг. со сбора сведений об односельчанах-участниках Второй мировой войны. В 1981 г. была открыта Комната боевой и трудовой славы, на базе которой пять лет спустя открылся уже музей⁷⁹. Экспонаты для него – предметы быта, орудия труда и промысла – передали в дар жители Шуерецкого. В 1991 г. библиотекарь Валентина Григорьевна Добрынина стала укреплять связи с местным музеем, и впоследствии стала продолжательницей дела А.Н. Савина. В 1995 г. на базе сельской библиотеки и общественного музея был создан специализированный филиал – Шуерецкая сельская библиотека-музей⁸⁰. С 2017 г. она находится в двухэтажном доме дореволюционной постройки, который ранее принадлежал купцу Труфанову. Постоянная выставка

⁷⁹ Богданова С.В. Шуерецкая библиотека музей им. А.Н. Савина - хранитель памяти села // Сорока Беломорская. 2020. Декабрь. С. 3.

⁸⁰ После смерти Анатолия Николаевича Савина в 1997 г. по просьбе жителей Шуерецкого библиотеке-музею присвоили его имя.

располагается в пяти залах – «Из истории села», «Боевая слава», «Быт поморов», «Орудия труда и промыслов», «Поморская горница». Одним из главных направлений в работе библиотеки стало краеведческое – запись рассказов старожилов, поисковая работа по выявлению архивных, печатных, публицистических материалов, посвященных истории села Шуерецкое, сбор музейных экспонатов. При библиотеке-музее работал детский краеведческий кружок «Поморочка»⁸¹, организовывались встречи на Рождество, Крещение, Пасху. В настоящее время музеем проводятся экскурсии по экспозиции: «Как жили поморы», «Шуерецкое – прошлое и настоящее», «Шуерецкое. История. Быт. Традиции», а также экскурсия по селу «Мой край родной, как ты мне мил». Основную часть организованных экскурсионных групп составляют ученики школ Беломорского района.

2.2. Межпоселенческая центральная библиотека Кемского района

С 2004 г. в структуре МБУ «Межпоселенческая центральная районная библиотека» Кемского района работает сектор краеведения. Как сообщается на сайте библиотеки, «мы живём в Карельском Поморье, которое отличается своей самобытной культурой, своими традициями, поэтому одним из основных направлений в работе нашей библиотеки выбрано краеведение – изучение и сохранение истории, культуры родного края»⁸².

Еще ранее, в 1995 г., при библиотеке начал работу краеведческий клуб «Поморская горница». Открытие было приурочено к 210-летию Кеми. Основная деятельность заключалась в подготовке и проведении литературно-музыкальных вечеров и праздников. Одними из первых тем стали «Женщины Поморья», «Свадебные обряды», «Искусство в поморском краю», «Боже, дай нам ветра» по одноименной книге Б.И. Кошечкина⁸³. В феврале 1999 г. было проведено совместное мероприятие клуба и краеведческого музея «Поморье»

⁸¹ Гнетнев К. И дольше века длится день ... [Поморскому селу Шуерецкое – 500 лет] // Беломорская трибуна. 1999. 17 июля. С. 2.

⁸² Сектор краеведения // Сайт Межпоселенческой центральной районной библиотеки Кемского района. URL: <http://kemlibrary.karelia.ru/site27/site34/site36> (дата обращения: 12.03.2024).

⁸³ Звягин Ю. Поморская горница // Советское Беломорье. 1999. 15 мая. С. 6.

под названием «Не счесть диговин в доме у помора», которое освещалось на региональном телевидении. Его основными участниками стали, помимо членов клуба, местные пенсионеры и школьники. Программа мероприятия предполагала показ экспонатов музея, демонстрирующих различные сферы жизненного уклада поморов, в сочетании с рассказом и интерактивными заданиями-конкурсами. В качестве основных объектов демонстрации и рассказа были выбраны женский праздничный наряд, валики и рубели для глажения белья, берестяные кошель и грабилки для ягод, карты для шерсти и прялка (с показом процесса вычесывания шерсти и прядения под живое исполнение песни «Как во той ли во деревне»), диалектные слова («язык поморского народа»), самовар, и соль как продукт солеварения. В завершение мероприятия участников угостили картофельными шаньгами: «чисто поморское угощение, они очень понравились всем»⁸⁴. В данном случае шаньги, широко известные во многих регионах, в том числе и в Поморье, были выделены как этнический маркер.

В настоящее время в секторе краеведения собран фонд краеведческой литературы и картотека изданий, включая довольно большое собрание книг о Поморье. В последние годы формируется фонд неопубликованных документов личного происхождения под названием «Память Кеми»: в него входят документы и фотографии из семейных архивов, записанные воспоминания, предания, городские легенды. В 2024 г. был обновлен сайт библиотеки, и появился довольно большой краеведческий раздел под названием «У моря студеного» с подразделами:

- «Полна любви и вдохновенья моя поморская душа» – представлены стихи и песни местных поэтов, посвященные Кеми;
- «Книги о поморах» – содержится перечень изданий, посвященных истории и культуре Поморья, доступных в библиотеке;
- «Заповедные места Беломорья» – собрана информация о

⁸⁴ Там же.

- ландшафтных заказниках и памятниках природы на территории района;
- «Памятники истории и культуры Кемского муниципального района», где перечислены достопримечательности и объекты туристического показа города, списки памятников истории, археологии, архитектуры и монументального искусства; также упомянуты Гридино и Калгалакша как поморские села с сохранившейся традиционной застройкой;
 - «Маленькая Кемь в большой войне» – представлена история Кеми в годы Великой Отечественной войны и тематический список литературы;
 - «Имя в истории города Кемь» – предполагается размещение видеосюжетов, посвященных вкладу «известных людей в судьбу нашего города»;
 - «Ими гордится Кемь: почётные граждане города» – содержится ссылка на отдельный ресурс, где собраны биографии почетных граждан Кеми.

На заглавной странице раздела «У моря студеного» размещен обзор истории Кеми, который начинается с XV в. и увязывается исключительно с поморским наследием: «В начале 15 века выходцы с новгородской земли стали селиться в устье реки Кемь. И стали их звать поморами, ведь весь уклад их жизни был связан с морскими промыслами, охотой на морского зверя, солеварением, строительством судов»⁸⁵. Далее среди исторических событий отмечаются передача Кемской волости от Марфы Борецкой Соловецкому монастырю, набеги шведов и строительство Кемского острога, строительство Успенского собора в 1711 г. в честь победы над шведами, образование Кемского уезда, развитие дальних отхожих промыслов и парусного судостроения. История XX в. представлена кратко: «Как суровые морские ветры пролетели над Кемью годы гражданской войны, унесла многие жизни Великая Отечественная война». Очерк завершается напутствием: «Нам, живущим в таком старинном самобытном городе, надо знать его историю и

⁸⁵ У моря студеного // URL: Сайт Межпоселенческой центральной районной библиотеки Кемского района. URL: <http://kemlibrary.karelia.ru/chitatelyam/site50> (дата обращения: 12.03.2024).

гордится своим городом», и списком рекомендательной литературы.

В последние годы в «Поморской горнице» сложился постоянный состав клуба из нескольких увлеченных краеведением и семейной историей местных жительниц. Несмотря на заявленную ориентацию деятельности – «обычно мы говорим о поморских народных традициях»⁸⁶ – тематика встреч довольно разнообразная. За год обычно проводится 5-6 заседаний клуба, часть из них совместно с различными городскими учреждениями культуры. В 2023 г. встречи были приурочены к государственным праздникам – 8 марта, Дню пожилого человека, Новому году и Рождеству. Выбор праздников также свидетельствует о гендерном и возрастном составе участниц клуба. На некоторые встречи приходили участницы фольклорного коллектива «Поморяночки», которые исполняли песни, рассказывали о поморских праздничных традициях, загадывали загадки и рассказывали сказки. Иногда гостями клуба становятся участницы самодеятельного карельского ансамбля «Rusko» (с кар. ‘заря’) и кружка карельского языка – уроженки местных карельских деревень, в основном родом из Подужемья (села, затопленного при строительстве Подужемской ГЭС в 1967-1971 гг.).

§3. Творческие коллективы

3.1. Беломорский районный Дом культуры

В Беломорском районе действует «Межпоселенческое социально-культурное объединение», которое включает в свою структуру Беломорский районный дом культуры, дома культуры и центры досуга в сельских поселениях. В ведомстве этого бюджетного учреждения находятся также фольклорные группы и, с 2022 г., после реорганизации Центра поморской культуры – Поморский русский народный хор. Основными местами, где в центре внимания культурно-досуговых учреждений оказалась поморская культура, ожидаемо стали старинные поморские села – Колежма и Нюхча, где

⁸⁶ 24 декабря состоялась традиционная встреча в клубе «Поморская горница» // Группа Вконтакте «Библиотека (МБУ Кемская МЦРБ)». 24 декабря 2023. URL: https://vk.com/club60117753?w=wall-60117753_7687 (дата обращения: 12.03.2024).

действуют центры досуга, и Сумский Посад, где сохранился дом культуры. Традиционная культура становится объектом осмысления и презентации в первую очередь в деятельности фольклорных коллективов и организации сельских «народных» праздников – день села, государственные праздники, престольные праздники.

Сумский Посад

При доме культуры в Сумском Посаде работает коллектив фольклорной группы «Сумлянка». Появление фольклорной группы в селе относится к 1936 г. и связано с именем Ивана Матвеевича Дурова. Именно он собрал «знатоков поморского творчества» и организовал кружок художественной самодеятельности. Главной задачей кружка он видел необходимость «сделать широко известным поморский быт, обычаи, обрядности и отображать устное народное творчество», а также возрождение «забытого художественного рукоделия – кружевно-вышивательных и золотошвейных работ сумских мастериц, когда-то славившихся за пределами Беломорья и даже за границей»⁸⁷. Как мы видели ранее, вторую задачу спустя несколько десятков лет реализовала И.Г. Ильина в своей мастерской «Рукоделия Поморья».

В 1937 г. «хор пожилых колхозниц»⁸⁸ участвовал в смотре художественной самодеятельности Сорокского района с программой «Васильевский вечер». Их выступление было высоко оценено, и коллектив принимал участие в итоговом концерте в Петрозаводске. И.М. Дуров недолго руководил группой, в 1937 г. он был арестован. На смену ему пришел Ф.И. Башмаков, знаток и исполнитель лирических и плясовых поморских песен, частушек. Он поставил для фольклорной группы программу «Поморская свадьба». В разные годы группой руководили Т.И. Королькова, Т.И. Махилева, А.В. Овсянникова, З.А. Евшина – «наделенные необычайным талантом песенного мастерства поморки»⁸⁹. Хор из Сумпосада неоднократно

⁸⁷ Кошкина С.В. Краевед из Сумпосада: Иван Матвеевич Дуров. Беломорск, 2014. С. 98.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Фольклорная группа «Сумлянка» // Карельское Поморье: Краеведение Беломорского района. URL: <https://pomorskibereg.ru/folklorная-gruppa-sumlyanka/> (дата обращения: 18.04.2024).

участвовал в районных и республиканских смотрах художественной самодеятельности, в крупных концертных мероприятиях: фольклорном празднике в Москве в честь Дня Победы (1945 г.), фестивале искусств «Белые ночи» в Ленинграде (1972 г.), фестивале искусств «Русская зима» в Москве (1973 г.). Репертуар группы складывался из местных поморских песен. В 2021 г. в коллективе постоянно занимались 12 человек – 11 женщин и мужчина-гармонист. Самой молодой участнице было 29 лет, самой старшей – 84 года⁹⁰.

Также при доме культуры проходили занятия в детской фольклорной группе «Оконце», которая была создана в конце 1980-х гг. Под руководством Светланы Борисовны Кирьяновой с 2005 г. действовала швейная мастерская «Сумлянка» по изучению и пошиву поморского костюма⁹¹.

В 1990-е гг. культурная жизнь в Сумском Посаде находилась в некотором «забвении в связи с перестроечными временами»⁹². Вместе с тем в контексте общего религиозного возрождения, начавшегося в это время по всей стране, в конце 1990-х гг. в Сумском Посаде была воссоздана церковная община и стала действовать домовая церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Это произошло в результате деятельности священника Сергея Михайлова, который стал настоятелем Беломорского прихода в 1993 г. В 2005 г. по инициативе уроженца Сумпосада Сергея Ткаченко, которого поддерживали местные жители, в селе началось строительство храма имени преподобного Елисея Сумского⁹³. Для многих жителей Сумпосада история, связанная с именем местного святого покровителя, к этому времени была уже не знакома: «я родилась и выросла в Сумпосаде, но ничего не слышала о святом Елисее. Такое было воспитание:

⁹⁰ «Сумлянка» короткой строкой в фактах и лицах // Беломорская трибуна. 2021. №23. С. 5.

⁹¹ Блинова Ю. Есть у Белого моря местечко - край поморский в сосновых борах [День рождения с. Сумский Посад] // Беломорская трибуна. 2007. 5 июля. С. 7.

⁹² Есть у нас и Сумпосад, и Хвойный // Беломорская трибуна. 2002. 21 февраля. С. 5.

⁹³ По преданию, Елисей Сумский жил в XVII веке, он был иноком Соловецкого монастыря. Мощи Елисея Сумского хранились в Сумском Посаде, над его гробницей была возведена небольшая часовня. В 1929 году Союзом безбожников было проведено вскрытие мощей и гроб с останками был отправлен в краеведческий музей Петрозаводска. В 1990 году состоялось второе обретение мощей преподобного Елисея Сумского, они были переданы в Крестовоздвиженской собор в Петрозаводске.

пионеры, комсомол...»⁹⁴.

С 2005 г. в Сумском Посаде 27 июня начали отмечать день памяти преподобного Елисея Сумского. Впоследствии к этой дате было приурочено и празднование дня села. Традиционно проведением этого мероприятия занимался Дом культуры. Его программа варьировалась год от года, но, помимо праздничной литургии и крестного хода, основными элементами праздника, как правило, были: посещение памятных мест (включая мемориал сумлянам, погибшим в годы Великой Отечественной войны), чествование односельчан, фольклорная программа от «Сумлянки» с песнями, танцами, хороводами и угощением, выступления творческих коллективов из других поселений (см. Приложение 4, рис. 8). Приглашенными коллективами чаще всего были объединения из Беломорского района, реже – из Кеми и Петрозаводска. Приемлемым и одобряемым считается надевание в этот день старинной одежды, хранящейся у многих как семейная реликвия – «от праздника к празднику все больше сумлян приходит в этот день в традиционно поморских костюмах»⁹⁵.

Вторым праздником, который ежегодно стал проводить Сумпосадский дом культуры с 2015 г., был выбран Никола Зимний. В его основу легли традиции съезжих храмовых праздников, которые устраивались в поселениях, где имелись церкви в честь Николая Чудотворца. В Сумском Посаде ранее существовала деревянная Никольская церковь, построенная в 1767 г. на месте прежней ветхой деревянной церкви, и разрушенная в 1930-е гг. Также была адаптирована традиция проведения Никольской ярмарки, которая устраивалась в Сумском Посаде в XIX в. с 6 декабря по 1 января⁹⁶ – сейчас в рамках празднования Николы Зимнего проводят выставку-продажу изделий местных мастеров. Задачами проведения праздника организаторы видят развитие горизонтальных связей с коллективами и мастерами других

⁹⁴ Титова Т. На родине прп. Елисея Сумского возводится храм // Информационный отдел Петрозаводской и Карельской епархии. URL: <http://eparhia.karelia.ru/sumpos11.htm> (дата обращения: 18.04.2024).

⁹⁵ День Елисея Сумского // Беломорская трибуна. 2007. №27. С. 3.

⁹⁶ Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX - начале XX века. Сыктывкар, 2019. С. 112.

поселений, а также привлечение к этнокультурной деятельности детей и молодежи. К участию в мероприятии Сумпосадский дом культуры заранее приглашает вокальные и хореографические коллективы, индивидуальных исполнителей, мастеров прикладного творчества, а также учащихся местной Сумпосадской школы через взаимодействие с педагогами.

При всем богатстве и разнообразии местной истории, в Сумском Посаде долгое время не было музейного и этнокультурного центра. В 1993 г. в школе был создан небольшой краеведческий музей. При нем работал исследовательский кружок для школьников «Культура Поморья». В местной библиотеке в 2001 г. также была открыта «Поморская горница» - небольшая музейная комната с выставкой книг, документов и предметов быта, посвященная истории и культуре Сумского Посада. Однако, по словам Натальи Мошкаревой, специалиста местного дома культуры, «сумляне давно мечтали о небольшом и уютном зале, где можно было бы собраться, рассказать о традициях, об истории села, о своих знаменитых односельчанах, куда можно было бы пригласить гостей для душевной беседы»⁹⁷.

Таким общественным пространством стала Поморская горница, которая появилась на базе Дома культуры в Сумпосаде в 2015 г. в результате проекта «Верни былую славу, Сумпосад!» (2015-2016 гг.), реализованного Центром поморской культуры. Поморская горница задумывалась скорее не как музей или выставочное помещение, а как некое пространство взаимодействия. Таким же образом она и создавалась – доставка стройматериалов, ремонт и оформление осуществлялись при активном участии местных жителей, включая сотрудников ДК и участников творческих коллективов, работников железной дороги. Материальную помощь оказывали лесозаготовительная организация ООО «ТПК ЮРМА» и депутат Законодательного собрания Карелии И.Д. Зубарев⁹⁸, с 2003 по 2016 гг. возглавлявший Союз

⁹⁷ Степанова О. Поморская горница принимает гостей // Беломорская трибуна. 2015. 24 декабря. №51. С. 3.

⁹⁸ Поморская горница в рамках проекта // Карельское Поморье. Краеведение Беломорского района. URL: <https://pomorskibereg.ru/pomorskaya-gornica-v-ramkax-proekta/> (дата обращения: 18.04.2024). С 2016 г. по настоящее время И.Д. Зубарев сенатор Российской Федерации от Республики Карелия.

рыбопромышленников Карелии. Поморская горница расположилась в одном из помещений дома культуры и представляет собой небольшую музейную комнату и зал для проведения мероприятий. Открытие состоялось 19 декабря, в день Николы Зимнего, для жителей села и гостей была представлена фольклорная программа «Никола придет и зима будет» с выступлением группы «Сумлянка», хороводами и чаепитием с традиционной выпечкой – рыбниками, кулебяками, шаньгами, калитками и ягодниками.

Поморская горница стала центром не только этнокультурной, но и общественной жизни Сумского Посада. В ней проводятся как экскурсии и программы для туристов, культурные мероприятия, выставки, репетиции фольклорной группы, так и сходы местных жителей – все значимые события села. Она также стала и площадкой для отчетов местной власти, проведения официальных мероприятий. Открытие Поморской горницы поддерживала Ирина Викторовна Кузичева, в то время занимавшая должность главы Сумпосадского сельского поселения. По ее мнению, создание такого центра в селе «способствует сохранению исторической памяти», а также «повышению культурного уровня самих жителей»⁹⁹.

Нужно отметить, что на своем посту И.В. Кузичева, уроженка Сумпосада, активно поддерживала все общественные проекты, направленные на изучение истории и этнографии села. Личный интерес к краеведению и локальной истории возник, по словам И.В. Кузичевой, когда она стала главой поселения (2006-2013 гг.). Выполняя представительские функции, она стала больше участвовать в сельских праздниках, погружаться в этнокультурную среду, также принимала участие и в организации мероприятий, и в реализации проектов. К примеру, И.В. Кузичева была одним из организаторов создания и установки в селе памятника сумским мореходам¹⁰⁰. Небольшой памятный комплекс представляет собой мемориальную плиту и два адмиралтейских

⁹⁹ Гриневич А. В Сумпосаде не бывал – праздника не видал // ИА «Республика», 30.06.2016. URL: <https://rk.karelia.ru/social/kto-v-sumposade-ne-byval-tot-i-prazdnika-ne-vidal/> (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁰⁰ Кузичева И. Живет село поморское (история создания памятника) // Беломорская трибуна, 2011. №24. С. 3.

якоря, поднятых со дна реки Сумы. В 2021 г. И.В. Кузичева была избрана депутатом Законодательного Собрания Республики Карелия VII созыва по Поморскому избирательному округу¹⁰¹.

Колежма и Нюхча

В селах Колежма и Нюхча дома культуры в результате процесса оптимизации были преобразованы в Центры досуга, в каждом из которых по одному работнику – культорганизатору. Основная их деятельность заключается в проведении мероприятий, посвященных государственным и общественно-значимым праздникам – 9 мая, 22 июня, 8 марта, 23 февраля, День матери, День пожилого человека, День России. Важным праздником и для Колежмы, и для Нюхчи, где сохранились и продолжают работать рыболовецкие колхозы, является День Рыбака. В Колежме он совпадает с празднованием Дня села. Помимо этого, в Колежме отмечают престольный праздник, которым является Сретение Господне (15 февраля). Также при центрах досуга собираются фольклорные группы, которые продолжают оставаться главными действующими лицами фольклорных праздников.

Первые песенные коллективы в Колежме и Нюхче, как и в Сумском Посаде, появились в 1930-х гг. В Колежме более активная концертная деятельность началась в 1956 г., когда Иван Иосифович Отавин, руководитель дома культуры, впоследствии ставший Заслуженным работником культуры КАССР, организовал фольклорную группу «Колежомские напевы». Молодым участникам знания передавали более опытные исполнители поморских песен Н.В. Пайкачева, М.И. Баканова и З.К. Синицына, они же учили танцевать кадрили, ходить «шин» и «утушку»¹⁰². Впоследствии художественными руководителями были И.П. Кобзева, Е.В. Трухавая, М.Н. Филатова. Коллектив участвовал в различных смотрах художественной самодеятельности, выступал на конкурсах районного и республиканского

¹⁰¹ Поморский избирательный округ является частью схемы одномандатных избирательных округов, образованных для проведения выборов депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия. В состав Поморского избирательного округа входят территория Беломорского муниципального района и часть Кемского городского поселения.

¹⁰² Кошкина С.В. Иван Иосифович Отавин. Беломорск, 2016. С. 42.

масштаба, вместе с группой из Сумского Посада на фестивалях «Белые ночи» в Ленинграде (1972 г.) и «Русская Зима» в Москве (1973 г.). В 1995 г. «Колежомские напевы» ездили с концертом в норвежский город-побратим Берлевог. После перерыва в 1990-2000-х гг. деятельность фольклорной группы возобновилась в 2010 г. под руководством сотрудницы дома культуры Натальи Федоровны Богдановой. В 2022 г. в коллективе пели семь женщин¹⁰³.

В Нюхче фольклорная группа существовала еще до Великой Отечественной войны. Нынешний состав группы «Таволга» образовался более 10 лет назад из заинтересованных жительниц села. До этого выступать на фольклорных праздниках эпизодически приглашали местных пожилых женщин, знающих и поющих поморские песни. Как сообщила участница группы, репертуар и выступления участницам «Таволги» пришлось готовить самостоятельно: *«Когда мы начали петь, Надежда [Семенова], у нее хорошие связи с архивом, они посылали [записи]. Мы столько песен [расшифровали], сидели диктофон прогоняли-прогоняли, кто что поймет. Я, если честно, половину не понимала. ... Запись богомольных песен – девчонки что-то кто-то понял, я – вообще ничего. Для меня это был иностранный язык, вот настолько эта говоря вот эта вот настоящая, она крутая такая. Не очень похож язык»* (жен., 1959 г.р., Нюхча). Первое выступление состоялось на 9 мая в 2013 г. Далее решили реконструировать свадебный обряд – в том числе потому, что подробное исследование свадебного обряда Колежмы и Нюхчи было проведено А.П. Разумовой и Т.А. Коски в 1970-1977 гг.¹⁰⁴, записи песен также хранятся в Фонограммархиве Карельского научного центра, и это было большим подспорьем для изучения.

В 2015 г. элементы свадебного обряда были воссозданы на свадьбе родственников участниц коллектива: *«Мы наряжались, пели песни поморские. <...> Старинные полотенца вешали, мы с ней обряд смотрели, как там,*

¹⁰³ «Колежомские напевы» - наши дорогие соседи // Группа ВКонтакте «Дом культуры с. Сумский посад», 25 июня 2022. URL: https://vk.com/wall-75537047_6344?w=wall-75537047_6344 (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁰⁴ Русская свадьба Карельского Поморья / А.П. Разумова, Т.А. Коски, под общ. ред. Е.В. Гиппиуса. Петрозаводск, 1980. 221 с.

шубки дали две, становились на шубу, благословляли мы с отцом с иконой, поморский хор пел, ну, когда девушка идет, жених поведет ее к венцу, она должна за угол стола схватиться и стянуть, чтобы подружки, сестры холостые ее тоже замуж пошли за ней. <...> Дочь сразу сказала, я в городе не хочу. Они во-первых очень любят Нюхчу, они все живут в Кировске, не здесь. Ну, естественно, потому что здесь нет работы. <...> Мы думали клуб арендовать, школу, но потом я говорю зачем, у нас [есть большой] родительский дом, их дом будет рад, поморские песни, свадьба» (жен., 1959 г.р., Нюхча).

В 2016 г. реконструкция свадебного обряда была показана в Нюхче на фольклорном празднике, в 2018 г. на день Николы Зимнего «Таволга» представила в Беломорске программу «По сеням-то было, сенечкам. Свадебные песни села Нюхчи»¹⁰⁵. Пять свадебных песен в исполнении группы были записаны Центром поморской культуры совместно с районным Домом культуры города Беломорска.

Оба фольклорных коллектива, и Колежмы, и Нюхчи, принимают участие в мероприятиях и праздниках, проводимых в Сумском Посаде, Беломорске, Кеми, иногда участвуют в концертах и мероприятиях республиканского уровня. В самих этих поселениях выступления фольклорных групп включаются в программу практически всех значимых праздников, в том числе Дня рыбака. Наиболее широко он празднуется в Колежме, где совмещается с днем села и проводится в один день. Изначально празднование проводилось на поляне за селом, в 2000-е гг. место проведения гуляний переместилось в центр села на причал, «который напоминает палубу корабля и с которого виден выход в Белое море, что очень удачно и символично»¹⁰⁶. Как правило, обязательными элементами программы праздника являются также возложение цветов на братскую могилу и посещение памятников участникам Великой

¹⁰⁵ Фольклорная группа «Таволга» представила программу «По сеням-то было, сенечкам. Свадебные песни села Нюхчи» // Карельское Поморье. Краеведение Беломорского района. URL: <https://pomorskibereg.ru/folklornaya-gruppa-tavolga-predstavila-programmu-po-senjam-to-bylo-senechkam-svadebnye-pesni-sela-nyuxchi/> (дата обращения: 18.04.2024).

¹⁰⁶ В День рыбака - колежемская уха! // Беломорская трибуна. 2010. №28. 22 июля. С. 1.

Отечественной войны, поздравления работникам колхоза и выступления председателя колхоза, чествования односельчан, общая уха.

Районный дом культуры также не остался в стороне от этнопроектной деятельности. Проекты в области популяризации песенного наследия местных поморских сел стал вести Михаил Николаевич Третьяков, возглавлявший учреждение¹⁰⁷. С 2020 г. он зарегистрировал некоммерческую общественную организацию АНО «Квартал» и начал заниматься социокультурным проектированием по направлению культуры и спорта, в 2022 г. создал еще одну некоммерческую организацию АНО «Наследие», полное название которой звучит как «Автономная некоммерческая организация по сохранению и популяризации культуры Поморов Карелии “Наследие”». Основная мотивация деятельности формулируется как стремление спасти и сохранить уходящие культурные традиции: «Наша поморская культура и особенно танцевально-песенные традиции Поморья Карелии, сегодня, как никогда нуждаются в поддержке государства! Самодеятельные коллективы ещё живы, ещё поют, ещё продолжают своё творчество, но уже через несколько лет, увы, мы о них сможем только вспоминать...»¹⁰⁸. С этой позицией солидарен В.А. Васильев, руководитель Поморского хора: «Носителей в деревнях все меньше и меньше становится. Эти люди, которые сейчас поют в фольклорных группах наших сел – Колежмы, Сумского Посада, Нюхчи – это остатки тех, кто может этим искусством пения владеть. И то, для них это уже проблематично»¹⁰⁹.

Ряд проектов, реализованных М.Н. Третьяковым, был нацелен на создание видеороликов и запись песен в исполнении фольклорных коллективов: «Окно в Поморье» (2020 г.), «Поморские набережки» (2020 г.). В

¹⁰⁷ В настоящее время М.Н. Третьяков работает в Петрозаводске в Центре народного творчества и культурных инициатив, подведомственном Министерству культуры Республики Карелия.

¹⁰⁸ 3 февраля 2023 г. исполнилось 3 года со дня основания АНО «Квартал» // Группа ВКонтакте «АНО Квартал». 5 февраля 2023. URL: https://vk.com/anokvartal?w=wall-197676609_279 (дата обращения: 20.04.2024).

¹⁰⁹ «Морожены песни»: 85-летию Поморского русского народного хора посвящается // Видеофильм в рамках проекта «Морожены песни», 2022. Группа ВКонтакте «АНО Квартал». URL: https://vk.com/video/@anokvartal?z=video-197676609_456239035%2Fclub197676609%2Fpl_197676609_-2 (дата обращения: 19.04.2024).

2022 г. был реализован масштабный проект «Морожены песни» к 85-летнему юбилею Поморского хора, в рамках которого, помимо фольклорных праздников в Сумском Посаде, Беломорске и юбилейного концерта хора в Консерватории им. А.К.Глазунова в Петрозаводске, была проведена работа по частичной оцифровке фонограммархива В.А. Васильева и организованы его занятия с фольклорными группами Сумского Посада, Колежмы и Нюхчи.

В январе 2025 года на базе дома культуры состоялся фестиваль «Поморская краса», который включал в программу проведение конкурса детского творчества «У самого Белого моря», премьеру документального фильма «Хранители традиций Поморья» с рассказом В.А. Васильева о локальных песенных традициях, и основное событие – конкурс поморской культуры «Поморская краса 2024» с представлением традиционных женских нарядов (см. Приложение 4, рис. 10, 11). Как было отмечено в пост-релизе по итогам мероприятия в сообществе Беломорского района ВКонтакте, «участники конкурса представили зрителям образ поморской женщины, которая умеет не только носить традиционный поморский наряд, но и обучена рукоделию, ремеслу, ведению домашнего хозяйства, а также знает поморский фольклор, поморскую говорю»¹¹⁰. Необходимо было представить «настоящий традиционный наряд, т.е. выявить “правильный”, во всех отношениях соответствующий традиции и историческим образцам» (оценивался заранее согласно заявке), и показать на сцене свои умения, знание фольклора или песен – «донести до жюри и зрителей, что традиции предков живут в семье, поморская женщина сохранила многое и условно может именоваться “настоящей поморкой”»¹¹¹. На конкурс поступило 18 заявок, из которых 14 нарядов, по решению жюри, были признаны «полностью соответствующие традиционному, или с погрешностями, которые поправимы». Эта инициатива обращает на себя внимание тем, что здесь через формат «женского конкурса»

¹¹⁰ [Состоялся финал конкурса традиционного поморского наряда «Поморская краса 2024»] // Беломорский округ. 19 января 2025. URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_29311 (дата обращения: 20.01.2025).

¹¹¹ [Конкурсное жюри и итоги конкурса] // Фестиваль «ПОМОРСКАЯ КРАСА». 21 января 2025. URL: https://vk.com/club228066710?w=wall-228066710_125 (дата обращения: 25.01.2025).

раскрывается гендерное измерение этничности и демонстрируются компетенции, которыми, по мнению организаторов и участников, должна обладать «настоящая поморка»; женщине также отводится роль главной хранительницы традиций.

Инициатором и организатором этого мероприятия выступила Людмила Григорьевна Роц, председатель Поморского межрегионального отделения Российского творческого Союза работников культуры¹¹². По словам Л.Г. Роц, она является коренной поморкой, рожденной на о. Жижгин Архангельской области, и в настоящее время ее сферой интересов является деятельность в области сохранения и развития культурно-исторического наследия поморов: *«Поморье и поморская культура – моя глубокая любовь, увлечение, мои корни и сфера приложения сил, насколько их хватит, так решила для себя. Мне близок менталитет, культура, традиции и строгие устои, берущие начало из глубины веков, со времён стародавних»*¹¹³. Ее проекты не ограничиваются Карельским Поморьем, она стремится установить связи с организациями и общественными объединениями на разных берегах Белого моря. В Карелии ее основными партнерами, с которыми удалось построить не только деловые, но и близкие дружеские отношения, являются супруги Васильевы и Поморский русский народный хор. Первый конкурс «Поморская краса» был проведен в 2021 г. совместно с В.К. Муха, в то время возглавлявшей Центр поморской культуры; в 2023 г. конкурс состоялся в Кемь в рамках городского фестиваля «Я-я, Кемска волость».

3.2. Фольклорный ансамбль «Поморяночки», г. Кемь

Основы этого творческого объединения были заложены в 2011 г., когда педагоги Рабочеостровской СОШ С.П. Пилипенко, Е.В. Дорофеевская, О.Б. Югарова и библиотекарь Т.С. Шуткина разработали дополнительную

¹¹² Создано 19 декабря 2021 года в Санкт-Петербурге.

¹¹³ [Еще о поездке на Белое море] // Личная страница Людмилы Роц. 2 октября 2021. URL: https://vk.com/lrots?w=wall555337679_42 (дата обращения: 20.01.2025).

образовательную программу для детей «Мое Поморье» и создали фольклорно-этнографическую группу «Поморяночки»¹¹⁴. Руководителем коллектива стала Татьяна Семёновна Шуткина. «Поморяночки» принимали участие в фольклорных праздниках в Нюхче, Сумском Посаде, Умбе, Котласе.

После отъезда Т.С. Шуткиной из Кеми в 2017 г. группу приняли в состав музея «Поморье», и она продолжила свою деятельность при музее. Музыкальным руководителем ансамбля стала Евгения Олеговна Малош. В это время наблюдалась тенденция к воспроизводству приемов локальной песенной традиции – использование цепного дыхания¹¹⁵, акапельное пение.

В 2023 г. коллектив решил отделиться от музея и развивать свою деятельность при ЦКС. Вместе с этим можно отметить изменение в выборе материала для творческой интерпретации. В настоящее время репертуар группы «Поморяночка», помимо старинных протяжных, свадебных, игровых, хороводных песен, включает песни современных местных авторов, а также фольклорные программы, основанные на инсценировке элементов обрядов календарного цикла русских, понимаемых как традиционные. Например, 29 октября 2023 г. участницы группы *«провели старинный поморский обряд “Похороны мух и комаров”*¹¹⁶. *Проводы прошли весело, с шутками, небылицами, сказками. Пели, танцевали, мух-комаров прогоняли*¹¹⁷. Другие фольклорные мероприятия были приурочены к Святкам, Масленице,

¹¹⁴ История создания фольклорной творческой группы «Поморяночки» // Группа ВКонтакте «Фольклорный ансамбль "Поморяночки"». 2 февраля 2024. URL: https://vk.com/club224269139?w=wall-224269139_13 (дата обращения: 16.05.2024).

¹¹⁵ Прием цепного дыхания заключается в том, что в процессе пения исполнители берут дыхание в разное время. Это обеспечивает непрерывное звучание в течение продолжительного времени, что важно при исполнении протяжных песен.

¹¹⁶ В календарном цикле русских обряды похорон насекомых соотносятся с Семеновым днем (1/14 сентября). Т.А. Бернштам отмечала, что такие обрядовые комплексы, как ритуальные похороны, в полном виде не были распространены в Поморье, проявляясь в виде отдельных элементов в других обрядах. Например, в Выгострове (Поморский берег) во время святочных гуляний были ряженные, которые носили название *костромы*, их роль выполняли женатые мужчины, которые затаскивали в избу связку поленьев, завернутую в тряпки, возили ее по полу и ругались, а девушки в это время пели грустную протяжную песню. По мнению исследовательницы, это действие может являться отголоском летнего обряда похорон Костромы. См. Бернштам Т.А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX – начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: традиции и культура сельского населения. Л., 1977. С. 92.

¹¹⁷ [Итоги работы коллектива за период с 12 октября 2023 года по 31 декабря 2023 года] // Фольклорный ансамбль «Поморяночки». URL: https://vk.com/club224269139?w=wall-224269139_14 (дата обращения: 16.05.2024).

празднованию Николы Зимнего, Сороков, а также «народному празднику Овсянки», когда «чествовали языческого бога Ярило – образ плодородия».

У коллектива есть несколько комплектов сценических костюмов: один из них стилизован под поморский традиционный наряд, выполнен в синеголубых тонах, включает сарафан, рубаху, шаль на плечи, широкий ремень с пряжкой, повойник с пером из бисера, бусы под жемчуг; другой представляет собой собирательный образ «народного», в его состав включается пестрый сарафан с текстильным поясом и карельский головной убор «сорока» (см. Приложение 4, рис. 9).

В Кемском районе ранее существовали и другие фольклорные группы, представляющие в том числе и поморскую культуру – в селах Гридино, Поньгома: *«в Поньгоме был свой поморский хор, были костюмы, пели старинные песни, пели протяжные песни»* (жен., 1957 г.р., Поньгома), *«у нас тетки хорошо пели, песни деревенские с завыванием, им не надо было гармошек, очень красиво поют»* (жен., 1958 г.р., Гридино). Однако с уходом песенниц и распадом коллективов на данный момент эта традиция прервалась.

* * *

Поморское наследие видится важной составляющей частью этнокультурной сферы в первую очередь Беломорского и Кемского районов, однако использование и представление этого наследия имеет свою специфику в каждом из них. Исторически на Поморском берегу в Беломорском районе сосредоточилось больше прибрежных поселений по сравнению с Кемским и Лоухским районами. В настоящее время в Беломорском районе рыбодобывающая отрасль продолжает играть важную роль в структуре хозяйства района; в двух селах, Колежме и Нюхче, сохранились и действуют рыболовецкие колхозы советского периода. В силу этого в них, а также в Сумском Посаде, сохраняется хозяйственная жизнь и действуют культурные учреждения, входящие в единую структуру с центром в Беломорске. В каждом

из этих сел есть фольклорные группы, которые позиционируют себя как поморские. Фольклорные коллективы нацелены на сохранение песенных и культурных традиций поморов, которые они демонстрируют как на общих сельских праздниках и памятных датах, так и в рамках отдельных мероприятий, посещаемых преимущественно узким кругом заинтересованных лиц. Такие фольклорные мероприятия в основном посвящены тематике календарной (святки, вечера, беседы) или свадебной обрядности. В Шуерецком центром этнокультурной жизни местного сообщества является библиотека-музей имени А.Н. Савина. В целом в прибрежных поселениях сельской местности поморская тематика постоянно присутствует в сценариях празднования летних значимых дат – День села, День рыбака; в Сумском посаде возобновлена традиция празднования престольного праздника Елисея Сумского.

В Беломорске также было создано единственное муниципальное учреждение в Карелии, целиком направленное на сохранение и развитие традиционной культуры поморов – Центр поморской культуры, с недавнего времени присоединенный к Беломорскому краеведческому музею. Районный музей, в свою очередь, сейчас также сменил свой профиль на «поморский». Основными направлениями Центра поморской культуры в настоящий момент являются краеведческое и декоративно-прикладное, выраженное в сохранении технологий и популяризации традиционных ремесел, в первую очередь, золотного шитья. Необходимо отметить, что тематика интересов краеведческого направления расширяется, в том числе в сторону изучения истории и наследия карельских поселений западной части района, что отразилось в переименовании названия краеведческого объединения – с «Поморского берега» на «Карельское Поморье». Визитной карточкой Беломорска является Поморский русский народный хор, особенность которого выражена в стремлении к представлению локальной песенной традиции на основе местного фольклорного материала. Того же стараются придерживаться фольклорные группы Сумского Посада, Колежмы и Нюхчи.

В Кемском районе сложилась несколько другая ситуация. Ликвидация колхозов привела к замиранию жизни в поморских деревнях, многие уроженцы поморских сел перебрались в другие населенные пункты, возвращаясь на малую родину летом в период отпусков. В сельских поселениях Кемского района в настоящее время нет «поморских» фольклорных групп, хотя они существовали в Гридино, Поньгоме, Калгалакше; сельский музей, организованный местными жителями и выполняющий функцию аккумуляции локальной памяти, существует только в Гридино¹¹⁸. Сосредоточение инициатив по популяризации поморской истории и культуры находится в городе Кемь, и наиболее заметным актором является краеведческий музей «Поморье».

В сравнении с Беломорским районом, в Кеми более ярко проявляется фестивальный вариант этничности, выраженный в проведении событийных мероприятий, которые, несмотря на «поморское» название, зачастую представляют собой концертные программы с участием различных творческих коллективов города и района. Своеобразная эклектика отражает пестроту населения города. В советское время развитие лесной отрасли и энергетики, функционирование воинской части, крупного узла железной дороги обеспечило приток населения; экономика и образ города в сильно трансформировался в сравнении с дореволюционным (одна из публикаций в местной газете ко дню города 1999 г. была озаглавлена «Кемь – город

¹¹⁸ Музей в Гридино организован силами Ирины Александровны Филипенко, приезжающей на лето в село. Ее мама – уроженка Гридино, там же проживали все родственники по материнской линии. И.А. Филипенко проводила в Гридино детство и отпуска во взрослом возрасте. Ее интерес к локальной истории начался с собирания местных слов и выражений; помимо этого, в Гридино часто приезжали художники, и общение с ними, их вопросы о местных традициях побудили искать информацию об истории и этнографии в первую очередь Гридино, шире – поморов. Постепенно И.А. Филипенко начала собирать архив фотографий и аудиозаписей с биографиями и воспоминаниями местных жителей, в процессе сбора материалов ей также передавали предметы быта. По инициативе И.А. Филипенко под размещение музея выделили комнату в сельском доме культуры, бывшем здании сельской школы (см. Приложение 6, рис. 5). Обустраивать пространство музея помогали местные жители. В 2011 г. музей был открыт, объявление о возможности его посещения размещалось в центре социальной жизни Гридино – у дверей сельского магазина. Посетителями музея были гости местных жителей и немногочисленные туристы. Предметный фонд музея насчитывал более 700 экспонатов (см. Приложение 6, рис. 6). В мае 2024 г. в Гридино произошел серьезный пожар, в результате которого выгорел центр села, включая и здание, в котором находился музей. По словам И.А. Филипенко, после пожара люди снова стали приносить экспонаты для восстановления сельского музея.

железнодорожников»¹¹⁹). Отличия наблюдаются и в сравнении внешнего облика и репертуара фольклорных групп: поморские коллективы Беломорского района вслед за Поморским русским народным хором больше стремятся к точной реконструкции поморского наряда и характерного для каждого села напева, тогда как кемские «Поморяночки» в сценических костюмах воспроизводят собирательный образ местного «народного костюма», включая туда карельский головной убор сороку. Значимым объединяющим символом они воспринимают песню «А поморы остаются поморами», написанную в 2016 г.; Поморский русский народный хор в данном контексте предлагает к исполнению старинную песню, записанную в Сумском Посаде: «По загороду поморы, они ходят и гуляют».

В Лоухском районе в этнокультурной сфере более заметно использование карельского наследия, нежели поморского; единственным учреждением, где в центре внимания находится традиционная культура поморов, выступает школьный музей в пгт. Чупа, посвященный сказителю, уроженцу с. Кереть М.М. Коргуеву.

Этнопроекты реализуются при финансировании как со стороны республики, так и некоммерческих фондов. Это важный инструмент поддержки и иногда стимула для этнокультурной деятельности: *«когда нет финансов, то это очень сложно, свои задумки реализовать. <...> Поэтому надо, конечно, помогать. Они энтузиасты, они тратят и своё личное время очень много, поэтому надо поощрять такой труд»* (жен., 1967 г.р., Беломорск). Большинство этнопроектных инициатив поддерживается или реализуется через бюджетные учреждения культуры. Сами инициаторы являются работниками этих учреждений (музеев, домов культуры, библиотек) или участниками объединений при них (краеведческие клубы, фольклорные группы). Они не всегда являются носителями идентичности, зачастую это люди, увлеченные своей профессиональной деятельностью: *«в тебе столько*

¹¹⁹ Кемь - город железнодорожников // Советское Беломорье. 1999. №31. 31 июля. С. 1.

информации, которой хочется поделиться» (жен., 1975 г.р., Беломорск). В то же время глубокое погружение в изучаемую культуру также может стать основанием для конструирования идентичности:

« - Сейчас вы можете назвать себя поморкой?

- Да. И я когда вот рассказываю про поморский код, и говорю – кто поднимает руку, вы это умеете? И я поднимаю тоже. Все это я могу, знаю, умею, применяю в своей жизни, единственное – рыбу я поймала только один раз в жизни, а хотелось бы поймать в Белом море рыбы больше» (жен., 1966 г.р.; проживает в Кеми с раннего детства).

Таким образом, местная интеллигенция, представленная сотрудниками культурных учреждений, фольклорных и творческих коллективов, активно участвует в (вос)создании поморских традиций. Э.Смит, говоря о направлениях образования наций, рассматривает путь «народной мобилизации», когда этническая общность трансформируется в нацию под влиянием местных интеллектуалов, которые заново открывают и выборочно усваивают этно-историю из «ранее существовавших мифов, символов и традиций, обнаруживаемых в исторических памятниках и живых воспоминаниях “народа”, преимущественно низших сельских страт»¹²⁰. В этом смысле обращение к этническому прошлому – это следствие поисков «подлинности», что в кризисных условиях для сообщества может создать основу локальной идентичности. Как емко отметила в интервью бывшая руководительница музея М.М. Коргуева, *«пионерской организации нет, комсомольскую – упразднили, партийная организация – ушла. <...> И мы переключились на музей»*.

К.А. Гаврилова, рассматривая кейс краеведа из марийского с. Тюм-Тюм, сравнивает репертуар его ролей с позицией «интеллектуальных элит» из конструктивистских теорий и обращает внимание на то, что в сфере его интересов, и соответственно, в центре всех его проектов находится не

¹²⁰ Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 353-354.

«этническая группа (нация) марийцев, но локальные марийцы Тюм-Тюма с их взаимообусловленными частными, семейными, локальными и национальными идентичностями»¹²¹. Это утверждение справедливо и для культурных агентов, распространяющих знания о поморской истории и культуре в исследуемом мной сообществе. В каждом из районов в этнокультурной сфере прослеживается своя специфика выбора и демонстрации «поморского», которая зависит скорее от персональных интересов людей, инициирующих этнопроектную деятельность. В Беломорском районе в качестве объектов в этнопроектную деятельность включаются устная и письменная история уроженцев поморских сел, праздничные и ремесленные традиции (Центр поморской культуры); песенное наследие, традиционный наряд (Поморский русский народный хор, фольклорные группы); история и этнография отдельных поселений (Хламной сарай в Нюхче, Поморская горница в Сумском Посаде); в Кемском районе – промысловая, календарная обрядность, свадебный обряд, сказки, семейная история (музей «Поморье»); в Лоухском районе – сказочная традиция, персонифицированная в образе сказителя Матвея Коргуева. Общей чертой является обращение к поморскому сообществу преимущественно двух периодов: чаще всего «традиционному», хронологически локализованному в XIX – начале XX вв. и описанному в широком ряде источников и научных исследований; и гораздо реже – советскому периоду, в этнопроектах важному скорее не с точки зрения бытования красочной «традиции», но в силу стремления зафиксировать события и трансформации, о которых еще могут рассказать сами свидетели эпохи.

Учитывая специфику этих культурных учреждений – музеев, этнокультурных центров, библиотек – можно сказать, что они ориентированы на две группы потребителей производимого этнического продукта (экспозиции, выставки, мероприятия, праздничные действия, фольклорные

¹²¹ Гаврилова К.А. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 328.

программы и концерты). Одна из них – это внешний зритель, не принадлежащий к местному сообществу, который через участие в культурных практиках узнает об истории, традициях, культуре поморов. Вторая группа – местные жители, которые являются целевой аудиторией большинства реализуемых этнопроектов. Среди них активными участниками проводимых мероприятий становятся в первую очередь дети, так как многие программы краеведческой направленности разработаны для учащихся школ и воспитанников детских садов; и небольшой круг единомышленников, увлеченных краеведческой, собирательской работой, составлением родословной семьи, участием в фольклорных коллективах. Необходимо отметить, что на этом уровне этничность тесно пересекается с локальной и семейной идентичностями.

Позиция остальных членов местного сообщества, не принимающих активного участия в мероприятиях, несколько амбивалентна. Это более рельефно проявляется в сельских сообществах, на примере Гридино и Нюхчи, где существуют сельские музеи. С одной стороны, местные жители признают символическую ценность музеев как вместилищ локальной памяти, наделяют краеведов-создателей музеев статусом экспертов и делегируют им рассказывание нарративов о локальной истории и традициях (*«это вам надо в музей, там о поморах расскажут»*, *«она спеть, сварить, станцевать, рассказать, она все, она всех информантов знает»*; *«турики-то все ходят в музей, чуть что, куда – [мы говорим] в музей идите»*). С другой стороны, они подчеркивают дистанцию между музейным образом и своей повседневной жизнью: *«Сказки расскажет. <...> Турист был у меня, я спросила, что там было-то хоть, показывал видео – она в сарафане сказку ему рассказывает, которую сама сочинила»*. В городе это дистанцирование также проявлялось в высказываниях, которые я приводила в пример неоднозначного отношения к инициативам Кемского краеведческого музея (*«каждый помор сам по себе, а музей сам по себе»*).

Тем не менее, существование учреждений и объединений, нацеленных на демонстрацию поморской культуры, реализуемые ими этнопроекты и общественные мероприятия в совокупности имеют своим результатом повышение престижа поморской идентичности, и в ряде случаев активируют этничность.

Глава 4. Отражение регионального поморского дискурса в СМИ

Средства массовой информации (СМИ) являются одним из наиболее эффективных каналов транслирования этнической информации. Согласно терминологии, предложенной В.К. Мальковой, этническая информация – это вся информация об этничности, появляющаяся в СМИ в разных формах: рассказы и упоминания о народах и странах, обычаях, ценностях, различных сферах общественной жизни¹. СМИ могут участвовать в конструировании этнической истории и мифов, распространении позитивных или негативных стереотипов, транслировать эмоционально-нормативную окраску, что возбуждает проявление спектра чувств – гордости, достоинства, страха, обиды. В.К. Малькова подчеркивает, что этническая информация, транслируемая СМИ, «воспитывает в людях отношение к своей этнической общности, к своему этническому или национальному достоинству, к своей стране»². В данной главе анализируется поморский дискурс в материалах региональных и районных СМИ, на сайтах районных администраций и их группах в социальной сети «ВКонтакте» с целью рассмотрения того, как образ поморов конструируется на различных уровнях, и как здесь проявляется поморская идентичность.

Для изучения отражения поморской тематики в дискурсе средств массовой информации Республики Карелия был проведен качественный контент-анализ корпуса источников: материалы региональных СМИ, сайты районных администраций и материалы районных СМИ.

§1. Региональные СМИ

В качестве источников были выбраны интернет-ресурсы основных

¹ Малькова В.К. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // Этнографическое обозрение. 2003. №5. С. 136. С. 135-147.

² Малькова В.К. Этническая тематика в российском информационном пространстве // Коммуникология. 2014. №3. С. 109.

республиканских СМИ: информационное агентство «Республика»³, ГТРК «Карелия»⁴, новостной портал телекомпании «Сампо ТВ 360°»⁵; а также СМИ, издаваемые частными компаниями: газета «Губернія Daily»⁶, интернет-издания «Столица на Онего»⁷ и «Петрозаводск говорит»⁸. Поиск и отбор статей велся по принципу упоминания в тексте лексем «помор», «поморы», «поморск'».

Наиболее часто встречающиеся в связи с упоминанием «поморской» тематики новостные материалы можно объединить в следующие тематические группы: 1) события; 2) этнопроекты; 3) брендинг региона.

Подавляющее большинство новостей посвящается различным событиям культурной и общественной жизни. Обращение к происходящему, актуальной ситуации объясняется основной функцией новостных текстов – наличием информационного повода. Инфоповодом могут стать анонсирование либо подведение итогов проведения мероприятий, среди которых концерты, выставки, презентации книг; сообщения о юбилейных датах и поздравления. Чаще всего маркером, использующимся при этом в заголовке, выступает прилагательное «поморский/поморское»: *Поморское село готовится к юбилею / Сказки легендарного поморского рыбака изданы в Карелии / Музей «Кижы» познакомит посетителей с «Поморской стариной»* – более чем в трети случаев (см. Рис. 1).

³ Учредитель: автономное учреждение «Информационное агентство «Республика Карелия».

⁴ Учредитель: федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания».

⁵ Учредитель: автономное учреждение «Информационное агентство «Республика Карелия».

⁶ Учредитель: ООО «Руна медиа». До 2019 года - «Карельская Губернія», учредитель: ООО «Издательский дом «Губерния».

⁷ Учредитель: ООО «Редакция ПТЗ».

⁸ Учредитель: ООО «Издательский дом «Петропресс».



Рис. 1. Отражение «поморской» тематики в заголовке публикации события/анонса

Гораздо реже используется этноним: *Выставка быта **поморов** пройдет на площади в Петрозаводске во время «Гипербореи-2020» / Художники-**поморы** покажут красоту Белого моря / **Поморам** напомнят об их языке.* Несколько чаще содержание публикации отражается в заголовке с помощью обращения к макротопонимам, связанным с Белым морем: *Недели Заонежья, Пудожья и **Поморья** пройдут в Карелии / «Беломорские рукомёсла» можно увидеть в Доме ремёсел / Новеллы о **Беломорье**.* Важным компонентом заголовков в ряде случаев является упоминание принадлежности к Карелии и карельскому (в значении относящегося к региону): *Волонтеры собирают деньги на реставрацию уникальной церкви **в поморском селе Карелии** / Фильм про уникальное **поморское село Карелии** появился в Сети.*

В некоторых случаях «поморское» содержание раскрывается в подзаголовке:

*Артисты из Карелии привезли в Калмыкию «**Голомяное пламя**» → Артисты Национального театра Карелии показали жителям Калмыкии спектакль "**Голомяное пламя**", по одноименному роману Дмитрия*

Новикова, о нелегкой жизни поморов⁹.

Уникальный карельский хор признан лучшим на Северо-Западе → Поморский хор, история которого насчитывает уже более 75 лет, стал лучшим на окружном Всероссийском хоровом фестивале среди народных хоров и фольклорных коллективов в Санкт-Петербурге¹⁰.

В Петрозаводске откроется цикл выставок народных мастеров → В петрозаводском Доме ремесел откроется цикл выставок народных мастеров. Первой в этом цикле станет выставка «Мастера Кемской волости». 21 февраля в 16:00 в Доме ремесел представят изделия мастеров Кемского Поморья¹¹.

Публикации, касающиеся реализации этнопроектов, тоже, как правило, представляют собой анонсы или пост-релизы¹². Их информационное освещение на республиканских площадках ситуативно и чаще всего зависит от целей самих исполнителей проекта – насколько продумано и запланировано освещение мероприятий проекта в СМИ. К примеру, в проекте «Море помор» Карельской региональной общественной организации «В городе» отмечалось отсутствие возможностей для местных сельских музеев и фольклорных коллективов «поделиться своим культурным продуктом»¹³ с коллегами из других поселений, и в качестве одной из задач ставилось производство и распространение мультимедийных материалов о поморской культуре, ориентированных на широкий круг лиц. В соответствии с этим основные мероприятия проекта – фестиваль поморской культуры в г. Беломорске;

⁹ Артисты из Карелии привезли в Калмыкию «Голомяное пламя» // Столица на Онего. 24.04.2021. URL: <https://stolicaonego.ru/news/artisty-iz-karelii-privezli-v-kalmykiju-golomjanoe-plamja-video/> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁰ Уникальный карельский хор признан лучшим на Северо-Западе // ИА «Республика». 01.06.2016. URL: <https://rk.karelia.ru/social/culture/unikalnyj-karelskij-hor-byl-priznan-luchshim-na-severo-zapade/> (дата обращения: 20.03.2024).

¹¹ В Петрозаводске откроется цикл выставок народных мастеров // ГТРК Карелия. 17.02.2020. URL: <https://tv-karelia.ru/v-petrozavodske-otkroetsya-tsikl-vystavok-narodnyih-masterov/> (дата обращения: 20.03.2024).

¹² Пост-релиз – в контексте СМИ термин обозначает публикацию, выпускаемую по итогам прошедшего мероприятия или события.

¹³ Море помор // Проекты. Фонд Президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=EA1E6408-2EBF-4400-9F2E-8BB85406E5CC#winner-social> (дата обращения: 20.03.2024).

создание циклов видеороликов (тревел-блог по поморским селам, рецепты поморской кухни и видео-пейзажи поморских сел, снятые с квадрокоптера); организация передвижной уличной выставки – широко освещались в социальных сетях, региональных и районных СМИ. В некоторых случаях внимания республиканских СМИ удостоиваются крупные завершающие мероприятия этнопроектов¹⁴, однако чаще освещаются события, получившие финансирование из регионального бюджета или федеральных грантовых конкурсов.

Иногда акценты, расставляемые журналистами региональных СМИ, не всегда отражают всю полноту мероприятий и проектов. Так, например, при освещении городского фестиваля «Я-я, Кемска волость!», организованного туристским центром «КемьИнфоТур» в сотрудничестве с культурными учреждениями и инициативными местными жителями Кеми в 2023 г., основное внимание было уделено гастрономической и ярмарочной площадкам мероприятия, а также деловой программе фестиваля, сфокусированной на культурном и природном потенциале Кемского района¹⁵. При этом в публикациях республиканских СМИ не упоминалась площадка фестиваля на базе Центра культуры и спорта, посвященная традиционной одежде и песенной культуре поморов, где проводились конкурс нарядов «Поморская краса», конкурс детских рисунков «Море. Карбас. Маяки», концерт фольклорных коллективов Кеми, Беломорска, Сумского Посада, Калевалы, пос. Шалакуша Архангельской области.

Акцент на ярмарочной и гастрономической составляющей фестиваля довольно показателен в плане выбора ограниченного круга объектов

¹⁴ Беломорский район бородой не трясет, а учится ремесленному мастерству у соседей [О проекте Центра поморской культуры «Дом вести – не бородой трясти»] // Реабилитация старухи Лоухи, разноцветная вода и Пушкин под снегом. Петрозаводск говорит, 08.06.2017. URL: <https://ptzgovorit.ru/shortread/reabilitaciya-staruhi-louhi-raznocvetnaya-voda-i-pushkin-pod-snegom> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁵ Глава Карелии испек пирог с печенью камбалы на фестивале поморской кухни // ИА Республика. 5 марта 2023. URL: <https://rk.karelia.ru/social/glava-karelii-ispek-pirog-s-pechenyu-kambaly-na-festivale-pomorskoj-kuhni/> (дата обращения: 20.03.2024); Фестиваль поморской кухни состоялся в Кеми // ИА Республика, 2023. 4 марта. URL: <https://rk.karelia.ru/social/festival-pomorskoj-kuhni-sostoyalsya-v-kemi/> (дата обращения: 20.03.2024); Ярмарка-фестиваль поморской кухни «Я-Я, Кемска Волость!» прошла в Кеми // Столица на Онего, 2023. 6 марта. URL: <https://stolicaonego.ru/news/jarmarka-festival-pomorskoj-kuhni-ja-ja-kemska-volost-proshla-v-kemi/> (дата обращения: 20.03.2024).

нематериального культурного наследия поморов, которые пользуются вниманием со стороны республиканской власти. В упомянутых новостных сюжетах основное внимание было уделено мероприятиям, которые посещал губернатор Карелии А.О. Парфенчиков.

Нужно отметить, что в целом, со времени, когда А.О. Парфенчиков возглавил регион (с 2017 г. по настоящее время), в региональных СМИ заметно увеличилась доля новостных материалов, посвященных продвижению этнокультурных особенностей и брендированию поморских территорий Карелии. Широко освещались визиты губернатора в Беломорский район (г. Беломорск, село Нюхча) и Кемь. В 2018 г. День Республики Карелия, который каждый год принято устраивать в разных районах региона, проводился в Беломорске. Выступая с приветственным словом на фестивале «Поморский берег», который был организован в рамках празднования Дня республики, А.О. Парфенчиков сравнил культуру Карелии с ожерельем, в котором поморские традиции – это «ярчайший бриллиант»: *«Карелия – уникальный край. В нашей культуре есть много разного, самобытного, и, безусловно, в этом ожерелье поморская культура, поморские традиции – это ярчайший бриллиант. Именно поэтому в этом году День республики проходит здесь, в карельском Беломорье. Нам нужно это развивать, сохранять для потомков, показывать всему миру. Это уникальное явление в масштабах мировой культуры»*¹⁶.

Актуализация исторического и культурного наследия поморов со стороны региональной власти, видимо, связана с восприятием поморского наследия как ресурса, который может быть использован для повышения туристической привлекательности региона. Туристическая сфера признается одной из значимых отраслей экономики, призванных развивать регион. Развитие туризма и индустрии гостеприимства является одним из ключевых

¹⁶ Фестиваль поморской культуры стартовал в Беломорске в День республики // ИА Республика. 07 июля 2018. URL: <https://rk.karelia.ru/social/festival-pomorskoj-kultury-startoval-v-belomorske-v-den-respubliki/> (дата обращения: 20.03.2024).

направлений Стратегии экономического развития Республики Карелия до 2030 г.¹⁷, выделяется в качестве направления для инвестирования¹⁸. Северные территории Карелии неоднократно отмечали как перспективные для развития различных видов туризма, включали в туристические кластеры («Гиперборея» в 2015 г., «Карельское Беломорье» в 2019 г.).

В 2017 г. Лоухский, Кемский и Беломорский р-ны первыми в Карелии вошли в состав Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ)¹⁹. Это стало основанием для реализации в республике ряда федеральных программ социально-экономического развития территорий АЗРФ. В 2023 г. проводилась работа по выявлению опорных населенных пунктов АЗРФ. В данный перечень вошла Кемско-Беломорская агломерация, в которую включили Кемский и Беломорский муниципальные районы. Предполагаемые векторы развития территории были озвучены А.О. Чекуновым, министром по развитию Дальнего Востока и Арктики, на совещании с президентом В.В. Путиным по развитию опорных населённых пунктов АЗРФ: *«это транспортный и туристический центр. Здесь проходит Беломорско-Балтийский канал, открыто одно из крупнейших в России молибденовых месторождений, находятся всемирно известные Беломорские петроглифы»*²⁰. Губернатор Карелии А.О. Парфенчиков подтвердил данные направления, упомянув *«уникальную поморскую культуру»* и Кемь как *«форпост, наверное, ещё древнерусский в зоне Арктики»*²¹. Исходя из публикаций в региональных СМИ, с точки зрения республиканской власти потенциалом для продвижения и коммерциализации обладают такие объекты нематериального культурного наследия поморов, как золотное шитье, поморская кухня и судостроение.

Наиболее успешным из них на данный момент является кейс с развитием

¹⁷ Распоряжение Правительства Республики Карелия №899р-П от 29.12.2018 «Об утверждении Стратегии экономического развития Республики Карелия до 2030 года».

¹⁸ Основные направления для инвестирования // Портал «Инвестируй в Карелию». URL: <https://kareliainvest.ru/p/osnovnie-napravleniya-dlya-investirovaniya> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁹ В 2020 г. в состав АЗРФ вошли также Сегежский, Калевальский р-ны и Костомукшский городской округ.

²⁰ Совещание по развитию опорных населённых пунктов Арктической зоны. 11 декабря 2023 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72951> (дата обращения: 10.12.2024).

²¹ Там же.

бренда «Золотное шитье», который активно продвигается на федеральном уровне. В 2018 г. А.О. Парфенчиков во время визита в Беломорск посетил музей-мастерскую «Рукоделия Поморья», где познакомился с Ириной Геннадьевной Ильиной и ее работой по обучению местных жительниц золотной вышивке, после чего неоднократно отмечал необходимость поддержки развития этой деятельности и применения золотного шитья «в производстве массовой сувенирной продукции»²². В 2021 г. было создано предприятие ООО «Золотая Нить Поморья», руководителем которого стала Н.В. Лысенковская, открыты ремесленные мастерские по золотному шитью в Петрозаводске и Беломорске, совместно с И.Г. Ильиной организованы обучающие курсы для вышивальщиц. В 2022 г. технология золотного шитья в Беломорском районе была внесена в реестр нематериального культурного наследия Карелии²³, на средства гранта главы республики вышла книга «Золотая нить Поморья»²⁴. Золотное шитье из Карелии демонстрировали на ряде выставок в Москве, в том числе на выставке-форуме «Россия» на ВДНХ в Москве в 2023 г.²⁵ Золотное шитье рассматривается как «аутентичный карельский поморский бренд», «имиджевый и репутационный проект для региона»²⁶, поэтому пользуется значительной поддержкой региональной власти. В контексте освещения событий, связанных с реорганизацией Центра поморской культуры в г. Беломорске и обращений общественности по этому поводу, министр культуры Республики Карелия А.Н. Лесонен, выступая на заседании профильного комитета Законодательного Собрания Республики

²² Глава Карелии рассказал о тех, кто шьет золотными нитями // Столица на Онего, 17.05.2021. URL: <https://stolicaonego.ru/news/glava-karelii-rasskazal-o-teh-kto-shet-zolotymi-nitjami/> (дата обращения: 20.03.2024).

²³ Традиционная технология золотного шитья в Беломорском районе Республики Карелия // Реестр объектов нематериального культурного наследия Республики Карелия. URL: <https://clck.ru/36zkXz> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁴ На средства гранта главы Карелии вышла книга «Золотая нить Поморья» // ГТРК Карелия, 08.09.2022. URL: <https://tv-karelia.ru/na-sredstva-granta-glavy-karelii-vyshla-kniga-zlotaya-nit-pomorja/> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁵ Карельское золотное шитье представили на выставке достижений в Москве // ИА Республика, 30.11.2023. URL: <https://rk.karelia.ru/social/culture/karelskoe-zolotnoe-shite-predstavili-na-vystavke-dostizhenij-v-moskve/> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁶ Раумо А. Поморский бренд: как в Карелии возрождается золотное шитье // ИА Республика, 21.12.2021. URL: <https://rk.karelia.ru/production/pomorskij-brend-kak-v-karelii-vozrozhdaetsya-zolotnoe-shite/> (дата обращения: 20.03.2024).

Карелия, сообщил о мерах поддержки золотошвейного производства: «еще несколько грантовых вливаний будет в этом году на Центр поморской культуры по рукоделиям Поморья, а в следующем году еще 1 миллион 900 тысяч выделяют в рамках республиканской грантовой поддержки, и, в принципе, золотное [шитье] будет поддержано как нельзя лучше»²⁷.

Перспективным направлением признается и поморская кухня – по мнению А.О. Парфенчикова, она «могла бы стать одним из брендов [Беломорского] района вместе с петроглифами и золотным шитьем»²⁸, однако на данный момент это направление не поддерживается финансово со стороны республики. Начиная с 2013 г., а особенно в 2016 г., в республиканской прессе активно освещалась деятельность предпринимательницы Ольги Ягодиной, которая занимается возрождением соляного промысла и изготовлением беломорской соли под брендами «Соль Русского Севера». Уже упоминавшийся ранее зимний фестиваль «Я-я, Кемска волость», проводившийся в 2023 г. в Кемии, в публикациях региональных СМИ был представлен в первую очередь как гастрономический. В целом по увеличению в 2023 г. публикаций, где в разных контекстах упоминается традиционная кухня поморов Карелии, можно заключить, что курс на конструирование и поддержку бренда «поморской кухни» в республике укрепляется.

Традиционное деревянное судостроение также рассматривалось как одна из репрезентаций этнокультурных особенностей поморов. Замысел создания поморской школы традиционного судостроения и мореходства принадлежал Виктору Леонидовичу Дмитриеву, директору морского историко-культурного центра «Полярный Одиссей». Согласно планам, центр поморского судостроения предполагалось открыть в Кемском районе в пос. Рабочеостровск рядом с причалом, откуда уходят суда на Соловки. На

²⁷ Центр поморской культуры в музей, а поморский хор – в дом культуры // Столица на Онего, 15.12.2021. URL: <https://stolicaonego.ru/analytics/tsentr-pomorskoj-kultury-v-muzej-a-pomorskij-hor-v-dom-kultury/> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁸ Туристов в Карелию станут привлекать поморской кухней // Столица на Онего, 06.02.2023. URL: <https://stolicaonego.ru/news/turistov-v-kareliju-stanut-privlekat-pomorskoj-kuhnej/> (дата обращения: 20.03.2024).

раннем этапе он заручился поддержкой А.О. Парфенчикова²⁹, однако эта идея не получила дальнейшего развития в Кемском районе. Позднее, в 2019 г., В.Л. Дмитриев инициировал проект «Школа поморской культуры традиционного судостроения и мореходства» в Петрозаводске.

Помимо освещения событийных мероприятий и имиджевых проектов, определенный новостной блок составляют материалы, посвященные изменениям в инфраструктуре и хозяйственной деятельности приморских районов Карелии, различным происшествиям и возникающим трудностям. В частных СМИ больше внимания уделяется социально-экономическим проблемам поморских сел, как правило, уже при возникновении конфликтных ситуаций, таких как закрытие фельдшерско-акушерского пункта, угроза закрытия сельской школы, реорганизация Центра поморской культуры и пр. Для усиления эмоционального эффекта в таких текстах часто используется дефиниция «старинное поморское село»: *Старинное поморское село в Карелии осталось без телефонной связи / В старинном поморском селе Карелии дорогу к магазину не чистили месяц / На жителей старинного поморского села свалилась новое несчастье / С одним фельдшером и без лекарств – как живет старинное поморское село в условиях "всеобщей самоизоляции" / Крупный пожар случился в старинном поморском селе Кемского района*. Резонансными событиями становятся обращения жителей сел, в тексте которых также присутствуют апелляции к этничности и истории населенного пункта с целью усиления значимости поднимаемых вопросов, при этом использование этнонима в заголовках усиливает субъектность жителей: *Поморы поддержали заказник / Нюхотские поморы не хотят «ликвидироваться» / Выглядит как насмешка над поморами*.

Реже всего внимание республиканских СМИ привлекают социальные репортажи о жизни в поморских поселениях, биографические материалы

²⁹ Поморская школа традиционного судостроения и мореходства появится в Кемском районе // ИА Республика, 21.08.2018. URL: <https://rk.karelia.ru/social/pomorskaya-shkola-traditsionnogo-sudostroeniya-i-morehodstva-poyavitsya-v-kemskom-rajone/> (дата обращения: 20.03.2024).

(интервью) и статьи историко-краеведческой направленности. В единичных статьях встречаются упоминания о проблеме получения поморами статуса коренного малочисленного народа в контексте освещения итогов поморских съездов. Также в региональных СМИ практически не появлялись материалы с призывом отметить свою поморскую идентичность в переписи населения 2021 г.

Поморы были включены в республиканский проект «100 символов Карелии» к столетию республики, в рамках которого были отобраны и созданы «100 материалов о том, чем гордится и славится наш край»³⁰. Большой репортаж, посвященный современным поморам, был размещен на официальном сайте ИА «Республика» и напечатан в районных газетах. В исторической справке указывалось, что заселение побережья Белого моря началось с саамов, на смену которым пришли карелы, а затем славянские племена, что обусловило локальные особенности поморской культуры и местные диалекты. В целом статья была написана с опорой на научные труды по языкознанию, этнографии поморов, топонимии Поморья, с привлечением мнения сотрудников Национального музея Республики Карелия, Кемского музея «Поморье», дома культуры села Сумский Посад. Основной фокус статьи был направлен на историю освоения берегов Белого моря и особенности промысловой хозяйственной модели поморов. В качестве *«самой легендарной черты поморов, отличающих их от другого населения России»* был отмечен *«язык, точнее, “поморская говоря”»*³¹, упомянут словарь И.М. Дурова. Для отражения современной жизни поморов корреспонденты совершили поездку в села Сумский Посад и Колежда и представили сюжеты о зимнем лове наваги в колежомском колхозе «Заря Севера» и посещении Поморской горницы в Сумском Посаде. В завершении репортажа поднимались вопросы современной поморской идентичности: приводились слагаемые «Поморского

³⁰ 100 символов Карелии // ИА «Республика». URL: <https://rk.karelia.ru/category/special-projects/100-simvolov-karelii/> (дата обращения: 20.03.2024).

³¹ 100 символов Карелии // ИА «Республика». URL: <https://rk.karelia.ru/special-projects/100-simvolov-karelii/pomor/> (дата обращения: 20.03.2024).

кода», созданного Кемским краеведческим музеем, а также в качестве заключения – мнение журналиста из Петрозаводска Антона Миронова, предки которого проживали в с. Шуерецкое с начала XVIII в. В его реплике среди оснований поморской идентичности выделяются примордиальные характеристики – место проживания, язык, родство: *«Быть помором в XXI веке – это значит хоть каким-то краем своего быта быть ближе к традиционной поморской действительности, чем к цивилизации. <...> Быть помором – это значит ощущать на своем языке и нёбе остатки бывшего, не нарушенного XX веком, диалекта. Это значит не только видеть при самом легком повороте головы безупречную линию горизонта, за которой где-то там Соловки, но и каждый божий день жать при встрече потрескавшуюся от времени и морской соли руку своего пяти-шестиуродного родственника-соседа. <...> Антон уверен, что помора определяет не только место, но и среда. Он убежден, что всерьез говорить о поморах в столице Карелии – значит устроить еще один этнографический театр, да еще и уверовать, что это реальность. “По моему глубокому, но субъективному убеждению, я бы мог назвать себя помором, если бы переехал на Карельский или Поморский берег Белого моря и не для того, чтобы совершить туристическое погружение, а чтобы жить там обычно, не театрально, среди оставшихся настоящих поморов”»*³². Таким образом, в репортаже символическим акцентом образа современных поморов выступала близость к традиционному образу жизни, основанному на рыбодобывающем промысле.

В реальности в настоящее время рыбодобывающая отрасль в приморских районах Карелии остается существенной только для экономики Беломорского района, где продолжают функционировать основанные в 1930-е гг. колхозы «Заря Севера» (Колежма) и «Беломор» (Нюхча), появились новые рыбодобывающие предприятия (СПК «Помор», ООО «Белое море»). По данным за 2014 г., на Белом море осуществляли промысел 30

³² 100 символов Карелии // ИА «Республика». URL: <https://rk.karelia.ru/special-projects/100-simvolov-karelii/pomory/> (дата обращения: 20.03.2024).

индивидуальных предпринимателей³³. Помимо вылова рыбы, в Белом море ведется также сбор различных видов водорослей, в Лоухском районе имеется ферма по выращиванию мидий. Морское садковое рыболовство пока что практически не развито. Как отмечают специалисты по региональной экономике, «проблемы рыболовства в регионе во многом связаны с различного рода административными барьерами и несовершенством рыбохозяйственного законодательства»³⁴.

Для местных жителей прибрежных поселений актуальной является проблема доступа к рыбным ресурсам и изменение существующих правил любительского рыболовства, что является частым предметом обращения к представителям законодательной власти Республики Карелия в СМИ и на встречах в районах на протяжении более десяти лет. В таких обращениях присутствует апелляция к поморскому прошлому, рыболовству как традиционному способу самообеспечения: «Промысел рыбы на Поморском берегу государство организовать не может и народу эту рыбу не отдает»; «Богатство Поморья – рыба – принадлежит поморам. Отдайте ее людям! [...] Так жил здесь народ веками»³⁵.

С 2009 г. депутаты Законодательного собрания Республики Карелия работают с федеральными ведомствами по внесению изменений в правила рыболовства для Северного рыбохозяйственного бассейна. В 2014 г. жители сельских прибрежных населенных пунктов Карелии, зарегистрированные там по месту жительства, получили разрешение ловить сетями рыбу для собственных нужд в Белом море без путевки; в 2021 г. это право получили и городские жители; в августе 2023 г. отдельным приложением к правилам рыболовства был добавлен перечень прибрежных населенных пунктов, жители которого могут осуществлять любительский лов. Это также широко

³³ Тишков С. В., Каргинова В. В., Савельев Ю. В., Щербак А. П. Состояние и перспективы развития рыбохозяйственного комплекса Республики Карелия // Вопросы рыболовства. 2016. №2. С. 184.

³⁴ Меншуткин В.В., Филатов Н.Н. Когнитивное моделирование влияния рыболовства на уровень жизни населения Беломорья // Труды КарНЦ РАН. 2019. №9. С. 146.

³⁵ Каншиев В. Есть ли рыба в Белом море? // Беломорская трибуна. 2010. № 15. С. 3.

освещалось в региональных СМИ³⁶. В Карелии в данный список вошли 69 населенных пунктов. Для лова рыбы разрешено использовать только сети определенного размера. В разговорах местные жители воспринимают это как существенные ограничения, препятствующие промыслу:

«36 мм ячей чтоб была. Кто в нее полезет, в эту сетку? Это на озере только плотву ловить» (муж., 1959 г.р., Гридино);

«У нас боятся рыбаки рыбачить, бегом-бегом, пока никто не видит, сетку кинули, что там успело, быстро раз – потому что Рыбнадзор туда-сюда шныряет, туда-сюда. И что там у них попалась в рыбу, что там... В общем мы живём у моря, а рыбы не видим. Раньше даже продавали эту рыбу всегда, придёшь и купишь – камбалы, корюшки. Сейчас боятся рыбаки продавать, потому что тут же могут их оштрафовать, такие законы у нас теперь о рыбалке» (жен., 1967 г.р., Беломорск).

§2. Районные СМИ

Основными источниками анализа послужили материалы официальных газет Беломорского («Беломорская трибуна»), Кемского («Советское Беломорье») и Лоухского («Наше Приполярье») районов с 1990-х гг. по 2022 г. Учредителями данных изданий выступают Автономное учреждение Республики Карелия «Информационное агентство «Республика Карелия» и районные администрации. Также привлекались частные газеты «Сорока Беломорская»³⁷, «Кемский курьер»³⁸, «Все о жизни Кемского района»³⁹. Отбирались и систематизировались материалы, в которых так или

³⁶ Ирина Кузичева: жители трех северных районов должны получить право рыбачить на Белом море // ИА «Республика». URL: <https://rk.karelia.ru/social/irina-kuzicheva-zhiteli-treh-severnyh-rajonov-dolzhen-poluchit-pravo-rybachit-na-belom-more/> (дата обращения 09.08.2024); Жителям Карелии разрешили ловить рыбу сетями на Белом море // Столица на Онего. URL: <https://stolicaonego.ru/news/zhiteljam-karelii-razreshili-lovit-rybu-setjami-na-belom-more/> (дата обращения 09.08.2024); Поморам Карелии вернули право рыбачить сетями на Белом море // ГТРК «Карелия». URL: <https://tv-karelia.ru/pomoram-karelii-vernuli-pravo-ryibachit-setyami-na-belom-more/> (дата обращения 09.08.2024) и др.

³⁷ «Сорока Беломорская» - ежемесячная районная газета Беломорского района, учредитель: ООО «Сорока», издается с 2003 года.

³⁸ «Кемский курьер» - общественно-политическая еженедельная газета Кемского района, учредитель: ООО «Норд-Вуди», издавалась в 2014-2018 гг.

³⁹ «Все о жизни Кемского района» - общественно-политическая еженедельная газета Кемского района, учредитель: ООО «Расчетный центр», издается с 2012 года.

иначе упоминаются поморы.

Тематика официальных районных СМИ имеет свою специфику по сравнению с региональными. Районные газеты более глубоко интегрированы в контекст общественной жизни территории, что находит отражение в повышенном объеме публикаций, посвященных местной истории, краеведению и индивидуальным нарративам, включая биографии старожилов, семейную историю, воспоминания о людях, конкретных событиях или местах. В этой связи среди всех публикаций, в которых присутствует поморская тематика, больше всего материалов насчитывается именно по краеведению и личной истории.

Среди них статьи, посвященные истории отдельных поселений, колхозов, фольклорных коллективов, архитектурных памятников, церквей, монастырей, деятельности святых; этнографическим и историческим сюжетам – оборона северных границ, дореволюционная история, промыслы и торговля, строительство Мурманской железной дороги; освещению трагических и героических событий в истории края – репрессии 1930-х гг., события периода Великой Отечественной войны (участие в военных действиях, работа в тылу, эвакуация). С середины 1990-х гг. наблюдается обращение к традициям, имеющим досоветское происхождение, что выразилось в публикациях о традиционной праздничной обрядности и религиозной жизни⁴⁰. Пересматривается и предстает в положительном ключе деятельность судовладельцев и купцов, в советское время воспринимавшихся эксплуататорами беднейших слоев населения: *«как старались наши прадеды и купцы украшать свою родную землю: строили на самом высоком месте великолепные церкви и часовни. Прямыми рядами ставили свои дома у реки, двухэтажные, красивые да просторные»*⁴¹. Отдельные публикации

⁴⁰ См. Как праздновали Рождество наши предки-поморы? // Беломорская трибуна. 1997. 9 января. С. 3; Сластникова А. В «Поморской горнице» // Советское Беломорье. 1997. 2 декабря. С. 3; Кемь православная // Советское Беломорье. 1999. 13 февраля. С. 6; Православные традиции Поморья // Беломорская трибуна. 2002. 14 ноября. С. 3; С Петрова дня красное лето // Беломорская трибуна. 2009. 30 июля. С. 9; «От Рождества до Николы» - новый проект // Беломорская трибуна. 2011. №11. С. 11.

⁴¹ Соболева Л. Что сказал бы Зосима Рябов? // Беломорская трибуна. 2010. № 31. С. 9.

посвящены религиозным, в основном православным, традициям и церковной истории: жития святых Варлаама Керетского, Лазаря Муромского, Зосимы и Савватия Соловецких, история храмов и церквей Поморья, история Соловецкого монастыря, статьи в духе религиозного просвещения (описания церковных праздников и таинств).

Вместе с тем в публикациях рубежа XX-XXI вв. также высвечивается тема ностальгии по недавнему советскому прошлому и тревоги относительно будущего поморских деревень:

«Кемляне <...> осваивают новые промыслы: сбор пустых бутылок и цветных металлов где попало и продуктов питания по помойкам»⁴²;

«Трудную пору банкротства переживает некогда богатый “Беломорский рыбак”, он сможет покрыть свои долги лишь в третьем тысячелетии»⁴³,

«За годы Советской власти преобразился и древнейший промысел поморов – рыболовство. При постоянной помощи государства были внедрены групповые формы рыбной ловли с последующей коллективизацией в поморских селах. Труд рыбаков стал более производительным и менее опасным. <...> К сожалению, все это в прошлом. Выживание стало уделом жизни многих наших современников»⁴⁴.

Эта риторика особенно характерна для периодики Кемского района, в котором рыболовецкие колхозы один за другим прошли процесс банкротства и ликвидации.

Второй самый распространенный блок районной периодики – статьи, посвященные конкретному человеку, семье, семейной истории. Как правило, биографические статьи приурочены к почтенной юбилейной дате и описывают жизненный путь героя публикаций. Принадлежность к поморам отмечается как характеристика, которая заслуживает уважения. В некоторых

⁴² Старикашка надеется выжить [краткие вехи истории Кеми] // Советское Беломорье. 1999. 19 июня. С. 7.

⁴³ Ловись, рыбка, мала и велика // Советское Беломорье. 1999. №52. С. 1.

⁴⁴ Белосельский Н. Я люблю эту землю // Советское Беломорье. 2002. 8 ноября. С. 2.

случаях авторы статей используют концепт «настоящий помор»: *настоящие сумляне*⁴⁵ / *истинная поморка*⁴⁶ / *помор коренной, колежонец не в одном поколении*⁴⁷. Появление данного определения не раз встречалось и в полевых материалах, анализ которых представлен в первой главе исследования.

Следующий по частотности блок материалов посвящен актуальной информационной повестке, информированию населения о текущих событиях, проходящих мероприятиях. К нему относятся также анонсы и сообщения о деятельности культурных учреждений, общественных организаций, реализации этнокультурных проектов. Заметной особенностью в периодике Беломорского района является регулярная публикация поздравлений с юбилейными датами (День села, День рыбака, юбилей рыболовецкого колхоза) и репортажей с мест проведения праздничных мероприятий в Сумском Посаде, Колежме, Нюхче, Шуерецком, Вирме. В печати Кемского и Лоухского районов таких материалов меньше, и это вполне объяснимо меньшей актуальностью – в этих районах не сохранились рыболовецкие колхозы, рыбодобывающая отрасль играет меньшую роль, в основном рыболовный промысел представлен любительским рыболовством. В Беломорском районе колхозы «Заря Севера» в Колежме и «Беломор» в Нюхче являются стержнями для относительно стабильного существования этих поселений.

Меньший процент публикаций в районной прессе составляют статьи, посвященные повседневной жизни поморских сел, иногда с акцентом на конкретную социальную проблему. По сравнению с региональными СМИ, районные, с одной стороны, более болезненно освещают проблемные ситуации; с другой, пытаются поддерживать надежду на изменение ситуации к лучшему. В статье, посвященной сельскому празднику в Гридино, сравниваются период существования колхоза и современное положение села,

⁴⁵ 50 лет в любви и согласии [о семье Клевиных] // Беломорская трибуна. 2009. 2 июля. С. 3

⁴⁶ Максимовна и Вербочка // Беломорская трибуна. 2015. 01 октября. С. 4.

⁴⁷ Салин А. Первый блогер на селе // Беломорская трибуна. 2020. №34. С. 3

высказывается пожелание на будущее и условия его реализации: *«А ведь были времена, когда снабжение поморских сел было куда лучше городского. И о том, что утрачено, душа болит: был рыболовецкий колхоз-миллионер, был промысел, старшее поколение помнит, сколько приходилось работать. Теперь всего этого нет. <...> Так закончился день, внесший капельку разнообразия в обычную жизнь села, нарушив уединенность этих замечательных открытых людей, оставив им надежду: все должно измениться к лучшему, наладят дорогу и автобусное сообщение, будет и работа, не побежит тогда в город молодежь, не исчезнет Гридино, продолжит летопись своей многовековой истории»*⁴⁸.

Отдельную специфичную группу составляют публикации произведений местных жителей: поэзия, повествования или воспоминания. В процессе творчества в том числе происходит рефлексия над своей идентичностью, локальной и этнической, осмысливается историческое прошлое края. Иногда такие произведения представляют своеобразный срез локальной идентичности, концентрирующий культурный престиж сообщества. Приведем в пример выборочные строки из стихотворения Евгении Филипповой «Былое родного Беломорья», в котором основные акценты поставлены на следующих вехах местной истории – новгородское освоение территории, защита северных рубежей, развитие морских промыслов, мореходные традиции, Шкиперские курсы в Кеми:

*«Здесь давно по царскому указу
Сложен был бревенчатый острог.
Дабы не пустить врагов; не сразу
Был основан Кемский городок.
Русский Север свято охраняли
Новгорода славные сыны <...>
Рыбой промышляли, торговали.*

⁴⁸ Сердюк А. Вдали от шума городского // Советское Беломорье. 2010. №46. 19 ноября. С. 3.

Море всех кормило, не поля.

Даже огородов не сажали –

Скудная на Севере земля.

На зиму на Мурман уходили

Кто-то проживал там круглый год,

Крупного морского зверя били,

Шкуры продавали – был доход <...>

Крепкие поморские ребята

Каждый прирожденный мореход <...>

Шкиперские курсы открывали.

И не где-нибудь, а здесь, в Кемии! <...>

Атомного ледокола “Ленин”

Знаешь, кто был первый капитан?

Да, Пономареву был доверен

Этот первый атомный гигант!

Федор Рынцин, наш земляк опять же,

На Великом Северном пути

Был он среди первых, гордость наша.

Оба – курсов тех выпускники!»⁴⁹

Таким образом, в районной периодике поморский дискурс чаще всего фигурирует в материалах, посвященных краеведению, биографических статьях, поздравлениях с праздниками и юбилейными датами, социальных репортажах «с мест», публикациях художественных произведений местных жителей, статьях о деятельности учреждений культуры и анонсах проводимых мероприятий. «Поморское» репрезентируется через различные маркеры: использование этнонима, топонимов, катойконимов (названия жителей определенного места), категорию «настоящий помор(ка)», описание традиций, вещей, мест с лексемой ‘поморские’.

⁴⁹ Филиппова Е. Былое родного Беломорья // Советское Беломорье. 2010. 24 сентября. С. 8.

§3. Официальные сайты и группы районных администраций

Беломорский район

Сайты администраций районов являются интернет-порталами, где размещается информация из различных типов источников: официальные документы, новостные материалы, информационные статьи. Данные сайты выполняют не только информационную, но и представительскую функции, так как каждый из них содержит раздел, который условно можно обозначить как «образ себя», где представлены историческая справка, перечни достопримечательностей, преимущества территории, объекты/события, являющиеся предметом гордости. Единой структуры наполнения данных разделов не существует, каждый район расставляет свои акцентные точки.

Среди официальных информационных ресурсов трех приморских районов Карелии наиболее ярко поморская история и этнокультурные особенности представлены в Беломорском районе⁵⁰. В исторической справке о районе, размещенной на сайте администрации района, история края начинается с упоминания *«древних саамских городищ»*, археологических памятников и петроглифов, далее фокус внимания перемещается сразу средние века, когда *«на побережье Белого моря пришли выходцы из феодальной республики – Господина Великого Новгорода»*⁵¹. Белое море и поморское наследие выделяется в качестве основания локальной идентичности: *«наше побережье Белого моря от Онеги до Кемь считается поморским берегом. Это и есть то историческое Поморье, которое часто упоминается в древнерусских грамотах»*⁵². Сообщается, что жители прибрежных сел ловили рыбу, ходили на зверобойный промысел, продавали соль «поморку». Отмечается преемственность прошлого и настоящего: *«традиционная поморская культура»* сохранилась «в

⁵⁰ В 2023 г. Беломорский район решением депутатов Беломорского районного Совета преобразован в Беломорский муниципальный округ.

⁵¹ История города // Администрация Беломорского муниципального района - Официальный сайт. URL: http://belomorsk2015.dev.mediaweb.ru/turizm_i_otdih/istoriya_goroda/ (дата обращения: 23.08.2023).

⁵² Там же.

многочисленных селах – Шуерецкое, Вирма, Сумский Посад, Нюхча»⁵³, при этом подчеркивается их значение в масштабе истории государства и региона: с Нюхчи начиналась «Осударева дорога» Петра I из Белого моря в Онежское озеро, в Сумском Посаде находится *«памятник судостроения XIX в. – морской бот»*, в Юково и Вирме сохранились остатки солеварен Соловецкого монастыря. Значимыми культурными доминантами признаются храмы, *«посвященные покровителям рыбаков и мореходов»*: церковь Петра и Павла в с. Вирма (XVII в.), церковь Николая Чудотворца на острове Троицком в Муезеро (XVII в.), церковь во имя преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких в Беломорске (восстановлена в 2005 г.).

История Беломорска раскрыта более подробно в цепочке следующих событий: возникновение села Сорока, развитие рыболовных промыслов – развитие судостроения – один из центров лесопиления – строительство Мурманской железной дороги в 1916 г. – появление лесопильно-деревообрабатывающего комбината – строительство Беломорско-Балтийского канала – образование города Беломорска в 1938 г. – временная столица Карелии в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что с началом строительства железной дороги *«постепенно начинает складываться облик современного Беломорска и все труднее просматривается былой образ поморского села»*⁵⁴.

Эти исторические и культурные акценты нашли отражение в официальной символике района и города. Герб остается «одним из ярких знаков, символов или кодов места в течение долгого времени и до сих пор», является своеобразной «визитной карточкой», где стилизованы и представлены особенности места, населенного пункта или региона⁵⁵. В 2019 г. были утверждены новые символы Беломорска и Беломорского района – флаг

⁵³ Там же.

⁵⁴ История города // Администрация Беломорского муниципального района - Официальный сайт. URL: http://belomorsk2015.dev.mediaweb.ru/turizm_i_otdih/istoriya_goroda/ (дата обращения: 23.09.2024).

⁵⁵ Тишков В.А., Малькова В.К. Культурное многообразие как социальный и экономический ресурс // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ИЭА РАН, 2018. С. 231.

и герб (см. Приложение 2). Герб представляет собой рассеченное поле зеленого и лазоревого цветов, в правой части которого изображен лыжник, держащий в руках натянутый лук со стрелой, символизирующий *«туристический потенциал территории, в том числе уникальную достопримечательность в виде беломорских петроглифов, а также богатую историю района»*; в левой части вертикально расположенная серебряная рыба (семга) – *«символ природных богатств территории и огромной роли рыболовства и рыбопереработки как в прошлом, так и в настоящее время»*; снизу три серебряных волнистых линии – *«сосредоточие транспортных магистралей (водного канала, автомобильной и железной дорог), а также главные водные артерии района (Белое море, Беломорско-Балтийский канал и река Нижний Выг)»*. Преобладание белого и синего цвета отражает название города и *«роль, которую исторически играли море и реки в жизни жителей»*, зеленый цвет символизирует леса, *«еще одно природное богатство района»*⁵⁶. Также были утверждены новые герб и флаг Беломорска, на которых изображена птица сорока, отражающая *«название самого древнего поселения на территории современного города – села Сорока»*⁵⁷; при этом в обосновании выбранной символики указано, что этимология топонима Сорока связана с карельскими словами ‘saari’ ('остров') и ‘joki’ ('река').

До утверждения выбранной символики в официальной группе Беломорского района в социальной сети «ВКонтакте» участникам было предложено проголосовать за понравившийся вариант, выбрав из двух (второй вариант делал более видимой «лесную составляющую» - ель вместо лыжника или сорока и две ели). При этом изначально лыжник позиционировался как *«древний охотник-помор»*, на что обратили внимание карелы, проживающие в Беломорском районе: *«в сторону востока живут поморы, а вот в другую*

⁵⁶ Решение Совета муниципального образования «Беломорский муниципальный район» от 18 сентября 2019 года № 63 «Об утверждении Положения о гербе и флаге муниципального образования «Беломорский муниципальный район».

⁵⁷ Решение Совета муниципального образования «Беломорское городское поселение» от 18 сентября 2019 года № 44 «Об утверждении Положения о гербе и флаге муниципального образования «Беломорское городское поселение»

сторону везде жили и живут карелы. Так почему сейчас идут разговоры только о поморах, поморский берег... Согласно переписи населения, карелы занимают по численности второе место. Мы ещё живы»⁵⁸. Однако такие комментарии были единичными, большее беспокойство комментаторов под записью вызывало нынешнее состояние рыбодобывающей и лесной отрасли, а также ситуация с действующими правилами для любительского рыболовства: *«Простые люди как были людьми так ими и остаются, и не важно Помор он или Карел. Есть более важные проблемы которые нужно решать»*⁵⁹.

В официальной группе района «Беломорский округ» в социальной сети «ВКонтакте» регулярно публикуются поздравления с юбилейными датами (День села, День рыбака, юбилей рыболовецкого колхоза, юбилей Поморского хора) и репортажи, приуроченные к этим датам; новости о текущей жизни рыболовецких колхозов; анонсы мероприятий, посвященных истории и культуре Поморья в местных культурных учреждениях. Помимо этого, публикуются информационные материалы, посвященные поморской кухне, местной истории, фольклору, поморским идиомам. При этом набор источников довольно разнообразный: как оригинальные публикации, основанные на научных статьях и литературе, так и репосты СМИ и различных тематических сообществ ВКонтакте, например, группы «Мы – поморы», пабликов Архангельской области. В этих материалах, как правило, подчеркивается многокомпонентность поморской культуры, взаимовлияние русской и финно-угорской культуры:

«Что собой представляет субэтнос поморов, однозначно не скажет никто. С одной стороны, это достаточно разрозненная группа русских и угро-финнов, живущих на берегах Белого моря. С другой – многие жители Архангельской области, даже обитающие вдали от большой воды, с гордостью называют себя поморами. <...> Конечно, до сих пор существуют

⁵⁸ [Работа по подготовке геральдических символов] // Группа ВКонтакте «Беломорский округ». 9 сентября 2019. URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_82 (дата обращения: 23.08.2023). **Примечание:** здесь и далее орфография и пунктуация авторов комментариев сохранена.

⁵⁹ [Работа по подготовке геральдических символов] // Группа ВКонтакте «Беломорский округ». 9 сентября 2019. URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_82 (дата обращения: 23.08.2023).

споры о том, кого можно считать поморами. Поморы — это образ жизни. Это относится к тем людям, которые на море живут и морем кормятся. С морем связана немалая часть их культуры, быта, языка. <...> **Что касается Поморья, то здесь наблюдалось взаимовлияние русских переселенцев – псковских и новгородских – с местным населением, с так называемой чуждой. Это карело-финские племена, по-видимому, близкие к современным саамам, финно-уграм. Хотя не зафиксировано какого-то большого количества случаев кровосмешения. <...> В культурном отношении поморов вполне можно назвать “русскими в чистом виде”. Потому что Поморье — это такая “морозилка” средневековой русской культуры и средневекового культурного кода»⁶⁰.**

В 2023 г. событием, получившим широкое освещение не только на уровне района, но и республики, стала победа проекта «Улы Поморья» (улы – ‘эхо’, ‘отголоски’) по благоустройству набережной Беломорска во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды. По задумке, дизайн набережной – «это физическое и ментальное отображение культуры и быта поморов», этнокультурные особенности выражаются в названии пространств набережной, подобранных по смыслу в «Словаре поморского языка» И.М. Дурова: «фотозона “Оддох”, молодежное пространство “Вичерина”, смотровая башня “Вать”, беседки “Карбасы”, детская игровая площадка “Гóломя”»⁶¹.

Кемский и Лоухский районы

В описании на официальном сайте администрации Кемского района основной упор сделан на расположении города и его транспортной доступности: «город Кемь – самый северный город Карелии, город у Белого моря, в устье реки Кемь», «для района характерно благополучное транспортное расположение: пересекаются магистральные,

⁶⁰ Поморы и фольклор // // Группа ВКонтакте «Беломорский округ». 26 июля 2024 . URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_25903 (дата обращения: 23.08.2024).

⁶¹ [Обсуждение предварительной концепции благоустройства набережной р. Выг] // Личная страница И.В. Филипповой [Глава Беломорского муниципального округа]. 17 мая 2023. URL: https://vk.com/id63826889?from=search&w=wall63826889_3716 (дата обращения: 12.05.2024).

*железнодорожные, автомобильные и водные (морские) пути; наличие выхода к Белому морю»*⁶². Отмечается, что часть береговой зоны Карелии, входящая в Кемский район, наиболее благоприятна *«для подхода судов (п. Рабочеостровск) и прибрежного промысла рыб, морских животных, водорослей (села Гридино, Поньгома, Калгалакша)»*⁶³. Во вкладке «Культурное наследие» представлен перечень, куда включены памятники павшим в годы Великой Отечественной войны и обелиск на братской могиле членов Кемского уездного Совета, расстрелянных интервентами в 1918 г.

На гербе Кемского района (см. Приложение 2) изображены два кольца серебряных жемчужин на синем фоне щита, щит увенчан короной. Изображение отсылает к бытовавшему в крае промыслу по добыче жемчуга – *«в старину северные реки изобиловали раковинами, в которых находили драгоценный жемчуг»*, внешнее кольцо жемчужин *«символизирует Кемский район, территория которого окружает город Кемь»*⁶⁴. Современный герб Кемского района наследует символику от первого герба, утвержденного в 1788 г. для Кеми, получившей статус уездного города: в верхней части щита был размещен герб Олонецкого наместничества, в нижней *«в голубом поле сделанный из жемчуга венок, в знак того, что из протекающих рек от Лапландских гор вынимается много раковин и из них довольно количество жемчуга»*⁶⁵.

Несколько другие акценты сделаны в описании района в инвестиционном паспорте⁶⁶, где заметна ориентация на развитие туристической отрасли. Конкурентным преимуществом признается не только расположение Кеми (*«окно на Соловецкие острова»*), но и *«богатое*

⁶² Наш район // Официальный сайт администрации Кемского муниципального района. URL: https://kemrk.ru/dlya_naseleniya/contacts/position/ (дата обращения: 05.09.2023).

⁶³ Там же.

⁶⁴ Символика // Официальный сайт администрации Кемского муниципального района. URL: https://kemrk.ru/dlya_naseleniya/contacts/position/ (дата обращения: 29.11.2023).

⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. №16716. С. 1114-1115.

⁶⁶ Инвестиционные паспорта были разработаны для районов, вошедших в состав АЗ РФ. В состав Арктической зоны Республики Карелия были включены в 2017 году Беломорский, Лоухский и Кемский районы; в 2020 году – Сегежский, Калевальский районы и Костомукшский городской округ. На эти районы распространяется действие режима особой экономической зоны, предусматривающего налоговые льготы и административные преференции при реализации инвестиционных проектов.

историческое и этнографическое наследие». Здесь же упоминается туристический бренд, развиваемый в Кемии в последние годы – *Кемская волость*, «*один из знаковых кино-брендов России*»⁶⁷. В исторической справке выделены некоторые вехи истории района – владения Марфы Борецкой, Соловецкая вотчина, строительство острогов для защиты от шведов, образование Кемского уезда, Кемский пересыльно-распределительный пункт СЛОНа. Основными достопримечательностями признаются Успенский и Благовещенский соборы Кемии, государственный ландшафтный заказник «Кузова» и краеведческий музей «Поморье». Про поморов, как проживающую на данной территории этническую группу, ничего не говорится, равно как и про карелов; «*старинные поморские деревни*» не упоминаются. Наполнение официальной группы Кемского района в социальной сети «ВКонтакте» несущественно отличается от сайта. Поморы упоминаются в основном в контексте публикаций анонсов мероприятий краеведческого музея «Поморье» и городских праздников.

На официальном сайте Лоухского района в разделе «Общая характеристика» довольно фрагментарно изложена история района, а точнее, перечислены ее отдельные эпизоды: проживание саамов и карелов, заселение русскими с XII в., развитие солеварения и добычи слюды и жемчуга в XVI в., торговый путь из Поморья в Швецию, развитие лесозаготовительного производства в XIX в. и Керетский лесопильный завод братьев Савиных, строительство Мурманской железной дороги, изменения в территориально-административном подчинении, изыскательные работы и горные разработки в 1920-х гг., образование Лоухского леспромхоза и рыболовецких колхозов в 1930-х гг. В разделе «Праздники» отмечается, что «*район наполнен живыми этнокультурными традициями*», перечислены «*национальные фольклорные коллективы*», исполняющие песни на карельском языке, и отдельно выделена фигура «*крупнейшего русского сказочника, нашего земляка Матвея*

⁶⁷ Инвестиционный паспорт Кемского муниципального района. URL: <https://kemrk.ru/1413292507/2053725163/5110808660/> (дата обращения: 29.11.2023).

Михайловича Коргуева»⁶⁸. Среди «традиционных культурно-этнографических праздников» выделены «День Лоухи - хозяйки Севера», «Здравствуй, Кестеньга!» и «Сказочный корабль Матвея Коргуева»⁶⁹.

Уже упоминавшееся деление района на западную «карельскую» и восточную «поморскую» прослеживается и в настоящее время на уровне презентации районом своих достопримечательностей и этнокультурных особенностей. Основное внимание уделяется карельским традициям, включая рунопевческую, общественным организациям и фольклорным коллективам (хор «Аалто», вокальная фольклорная группа «Лайне», молодёжный танцевальный фольклорный коллектив «Лёрпёттелю», детские фольклорные группы «Ило», «Айли» и др.). Это проявляется и в символике Лоухского района (см. Приложение 2), которая включает в себе отсылку к природным богатствам и карельскому наследию края: на голубом поле изображены голубая гора (символ горнодобывающей промышленности и самой высокой точки Карелии) с белыми лучами (северное сияние), на ее фоне расположена золотая фигура пожилой женщины в традиционном наряде (олицетворение героини эпоса «Калевала» Лоухи и символ рунопевческой традиции) с фонарем в руке (напоминание о слюдяном промысле)⁷⁰.

На востоке района в Чупинском городском поселении, расположенном на берегу морской губы, история поморских территорий в официальной презентации населенного пункта уже более заметна. На сайте администрации городского поселения история современной Чупы начинается в XX в. и связана со строительством Мурманской железной дороги, есть упоминание о том, что прежде данная территория была промысловыми угодьями, отписанными Керети, – «одному из крупнейших поселений поморов на Белом

⁶⁸ М.М. Коргуев (1883–1943) родился в селе Кереть, его отец был помором, мать карелкой из деревни Кушеванда. Матвей Коргуев с детства владел русским и карельским языками, воспринял сказочную традицию. В 1933-1937 гг. фольклорист А.Н. Нечаев записал свыше 115 сказок М.М. Коргуева, которые впоследствии были изданы в нескольких сборниках: «Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым» (1938 г.), «Сказки Карельского Беломорья» в 2 томах (1939 г.), «Сказки М. М. Коргуева» (1944 г.).

⁶⁹ Праздники // Администрация Лоухского муниципального района - Официальный сайт. URL: https://louhiadm.ru/obschie_svedeniya/obcshaja-harakteristika/prazdniki/ (дата обращения: 18.06.2023).

⁷⁰ Решение Совета Лоухского муниципального района № 267 от 26 июня 2013 г. «Об утверждении официальных символов «Лоухского муниципального района».

море»⁷¹. Значимыми событиями исторического фольклора признается подвижничество преподобного Варлаама Керетского, разорение поморских сел отрядами Пекки Весайнена и шведами. В официальном сообществе администрации Чупинского городского поселения этнокультурные особенности поморов не находят отражения, в основном публикуется актуальная информация по административно-хозяйственным вопросам. В социальной сети «ВКонтакте» поморское наследие района презентуется в частных сообществах – в группе «Музей Чупинского края», ассоциированной с местной гостиницей «Визит-центр Прокопьевский», где находится небольшая «комната традиционного быта», и в закрытой группе «Кереть», где публикуется архивная информация, фотографии, репосты других тематических сообществ («Старый Архангельск», «Котласский краевед», «Мы – поморы»).

По сравнению с Беломорским районом, на официальных ресурсах Кемского и Лоухского районов поморы упоминаются только в контексте развития туристической отрасли. При этом упоминания и описания поморов чаще всего обращены в прошлое – главной ценностью признается некое «традиционное» поморское сообщество, хронологически локализованное в XIX – нач. XX вв. В Лоухском районе официальные репрезентации этнокультурных особенностей больше связаны с карельским наследием, включая рунопевческие традиции. Очевидно, что тут поморская идентичность не видится ресурсом, который может укрепить локальную идентичность. Для повышения туристической привлекательности территории достаточно обозначить, что имеется «богатое историческое и этнографическое наследие», и делегировать функции репрезентации этнических особенностей культурным учреждениям или бизнесу – например, в Кемском районе это краеведческий музей «Поморье», в Лоухском – гостиница «Визит-центр Прокопьевский».

На контрасте с этим заметно, что в Беломорском районе поморская

⁷¹ История Чупы // Официальный сайт Администрации Чупинского городского поселения. URL: <https://www.region-chupa.ru/3213473996/8422042283/> (дата обращения: 18.06.2023).

идентичность продолжает играть значимую роль в конструировании локальной идентичности. На официальных ресурсах делается акцент на сосредоточении традиционной поморской культуры в селах, отмечается, что именно территория от Онеги до Кеми считается Поморским берегом. Апелляции к «поморскому» не исчерпываются описаниями прошлого: напротив, подчеркивается преемственность традиций, присутствуют обращения к современной жизни, публикуются репортажи из поморских сел, интервью с их жителями, которые рассказывают о сознательном выборе жизни у моря, «на свободе», в спокойном ритме, «продолжая традиции предков»⁷². Демонстрация этнокультурных особенностей проявляется в дизайне городского пространства (набережная Беломорска). Материалы, посвященные истории и культуре поморов, тематическим анонсам, регулярно публикуются в официальной группе района – за 2024 год было размещено 64 поста, для сравнения в Кемском районе – 3 поста, в Лоухском – 0 (в 2023 – 2 поста). Примечательно, что в материалах, публикуемых в группе «Беломорский округ» и касающихся современной поморской идентичности, не упоминаются метафоры, связанные с укорененностью на побережье Белого моря, а чаще фигурирует выражение «образ жизни», т.е. образ помора связывается с определенным жизненным и хозяйственным укладом, а не с обязательным «наследованием по крови».

* * *

В материалах региональных и районных СМИ проявляется различие в представлении этнической информации, касающейся поморов. В региональных СМИ преобладают новостные материалы, посвященные культурным событиям, реализации этнопроектов, изменениям в

⁷² [Рыболовецкому колхозу «Заря севера» в селе Колежма исполняется 95 лет] // Группа ВКонтакте «Беломорский округ». 11 апреля 2025. URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_30815 (дата обращения: 23.04.2025).

инфраструктуре и хозяйственной деятельности приморских районов Карелии, крупным происшествиям и конфликтным ситуациям. Поморы представляются как один из коренных народов, «символов» Карелии. В последние годы в связи с попытками развития туристической отрасли в регионе наблюдается увеличение доли новостных материалов, посвященных продвижению этнокультурных особенностей и брендов различных территорий Карелии; касательно поморских таковыми на уровне республики признаются золотное шитье, поморская кухня и Поморский русский народный хор. Поморское наследие в первую очередь воспринимается как ресурс, который может использоваться для повышения туристической привлекательности прибрежных районов региона.

Это также осознается на уровне районной власти в Кемском и особенно Беломорском районах, на официальных информационных ресурсах которого история и этнокультурные особенности поморов представлены наиболее заметно. На сайте Беломорского района делается акцент на сосредоточении традиционной поморской культуры в селах, значимыми культурными доминантами признаются храмы, посвященные святым покровителям мореходов (Николаю Чудотворцу, св. Петру и Павлу, прп. Зосиме, Савватию и Герману Соловецким), отмечается, что именно территория от Онеги до Кеми считается Поморским берегом. Демонстрация этих этнокультурных особенностей проявляется в дизайне городских пространств. В Лоухском районе на уровне официальной презентации, как и в сфере этнокультурной деятельности, более востребовано карельское наследие, обращение к поморскому ограничивается упоминанием сказителя М.М. Коргуева на сайте района.

В районной периодике значительный объем публикаций посвящен краеведению и индивидуальным нарративам, включая биографии старожилов, семейные истории, воспоминания, творчество местных жителей; чаще появляются социальные репортажи о жизни в поморских поселениях. В такого рода материалах «принадлежность» к поморам выражается в позитивном

ключе, отмечается как характеристика, заслуживающая уважения. В этом слое дискурса поморская идентичность тесно переплетается с локальной и семейной идентичностями. В контексте обсуждения социально-экономических проблем апелляции к этничности возникают с целью большего эмоционального воздействия на читателя, нежели в качестве стимула к действию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подведем итоги диссертационного исследования, которое было сосредоточено на изучении современной этнической идентичности поморов, проживающих в административных границах Республики Карелия, и особенностей регионального «поморского» дискурса, формирующегося в контексте деятельности культурных учреждений, региональных и районных СМИ, репрезентаций локальной этнокультурной специфики представителями органов местного самоуправления.

Анализ нарративов информантов позволил выделить наиболее распространенные маркеры современной поморской идентичности в Карелии. Одно из самых распространенных суждений в интервью – *помор тот, кто живет морем*. Вслед за советским академическим дискурсом одним из основных отличительных признаков поморов воспринимаются особенности хозяйствования, сложившиеся вследствие проживания вблизи моря: занятие рыболовством, обладание промысловыми знаниями, умение управлять лодкой, способность выйти в море. Многочисленные апелляции к специфическим хозяйственным практикам дают представление о поморской идентичности как о конструируемой и реализуемой через необходимое активное участие в определенных действиях. Однако на деле так происходит не всегда: для многих носителей идентичности в настоящее время занятие морской промысловой деятельностью является больше символическим, заявленным, нежели фактически практикуемым действием. Тем не менее, в детстве многие из тех, кто сейчас идентифицирует себя как поморы, в процессе социализации в семье и кругу ближайших родственников приобщались к участию в различных хозяйственных операциях, маркируемых сейчас как традиционно-поморские: морское рыболовство, сбор водорослей, участие в сенокосных работах, семейный досуг на тонях, сбор дикоросов. Через проговаривание концепта *в море с детства* информантами подчеркивалось мнение, что «становление помором» происходит именно в

процессе нахождения в этой культурной среде и участия в практиках; по сути, об этом же говорится, когда они выражают сомнения в том, что их дети осознают себя поморами, потому что росли уже в другой обстановке (особенно, если информанты сменили место жительства). Это представление получает объяснение в концепции практик в социальных науках, согласно которой процесс идентификации происходит за счет освоения необходимых навыков и моделей поведения, соответствующих местной традиции.

Для сравнения полученных выводов с архангельским материалом я опиралась, прежде всего, на работу Н. Ванзидлер. Она также отмечала, что преобладающим мнением среди ее информантов было представление о поморах как о людях, вовлеченных в промыслы и живущих на берегу Белого моря. Н. Ванзидлер пришла к мнению, что поморская идентичность базируется на чувстве принадлежности к территории, включающей и поселение, и море; среда проживания (sea- and waterscape environment) требует обладания соответствующими навыками. Таким образом, она рассматривает поморскую идентичность как укорененную в практиках. Основываясь на собственном полевом материале, я могу добавить, что не менее важным аспектом поморской идентичности сейчас является чувство семейно-родственной солидарности. Изменение фоновых практик влечет за собой и трансформацию восприятия - *что значит быть помором* теперь? Те информанты, которые проводили детство в поморских поселениях, и/или жили у моря на протяжении долгого периода жизни, воспринимают это основой «поморскости», в то время как в ином случае может возникать конфликт самоидентификации при отнесении себя к поморам. В такой ситуации поморская идентичность связывается с семейной солидарностью, воспоминаниями о своих ближайших предках (родителях, прародителях) и их укладе жизни, где профессиональная деятельность или самообеспечение (подсобное хозяйство) было основано на использовании морских ресурсов.

В этой связи большим значением при конструировании поморской идентичности начинают обладать эссенциалистские взгляды о происхождении

и родстве – по мнению многих носителей идентичности, чтобы быть помором, надо им родиться (*у меня кровь поморская во мне бежит*), иметь в роду «настоящих поморов». Эти чаще всего артикулируемые слагаемые составляют в настоящее время триаду поморской идентичности: факт рождения и проживания у моря, родство с людьми, чья поморская идентичность не ставится под сомнение, приобщение в разной мере к хозяйственным практикам. К ним добавляются прочие отличительные маркеры, выбираемые в различных вариациях для каждого информанта: чувство сопричастности к месту и локальной истории, восприятие природы как базовой ценности, разделяемые автостереотипы и исторические мифы, представление себя как носителя элементов культурной традиции поморов (знание диалектных слов, пищевые предпочтения, знание семейной истории).

Разделение общих представлений об исторической судьбе, мифов о происхождении является важной чертой для развития групповой солидарности. В этом отношении поморы не отличаются от других этнических групп в стремлении наделить предков позитивными чертами: смелость, стойкость, взаимовыручка, стремление к неизведанному. Выделяемый в дискурсе информантов узловый сюжет исторической памяти – освоение побережья Белого моря новгородцами – пересекается с дискурсом официальной презентации истории районов местной властью на своих информационных площадках, однако в некоторых случаях акценты расставляются по-разному: люди чаще говорят, что на север бежали от различного рода преследований, подчеркивая стремление предков к свободе от государственного надзора (*весь свободолюбивый народ ушел*), в то время как в официальной трактовке исторических событий делается упор на освоение земель под властью Соловецкого монастыря, поступательное развитие местных промыслов: солеварения, морского рыболовства, судостроения, торговли. Другие упоминаемые информантами эпизоды историко-культурной памяти (защита северных рубежей государства от военной угрозы, освоение арктических морских и сухопутных пространств,

бытование старообрядчества, «хождение в Норвегу» и зарубежная торговля) и автостереотипы свидетельствуют о позитивном характере поморской идентичности, воспринимаемой чаще всего с чувством гордости за прошлое, но иногда – обиды за настоящее: *незаконно забыты, рыбы не видим*.

Эссенциалистские маркеры, основанные на происхождении и родстве, казалось бы, должны задавать довольно жесткие рамки для того, кто хочет идентифицировать себя помором – не относясь к коренным жителям, не являясь членом местных семей, проживающих на берегу моря в течение нескольких поколений, довольно сложно стать «полноправным» помором в глазах местных жителей, что сильнее проявляется в сельской среде, более замкнутой, чем городской. Однако отметим, что в местных сообществах оппозиция коренные – приезжие и апелляции к поморской этничности актуализируется, как правило, лишь в ситуации конфликта, когда привычный порядок вещей и сложившиеся нормы подвергаются пересмотру со стороны государства (заккрытие школы в Нюхче, изменение расписания железнодорожного сообщения и отмена остановок поездов в Шуерецком), либо нарушаются кем-либо из категории «приезжих людей» (*охотятся неправильно, рыбу ловят неправильно*). В спокойной обстановке границы поморского сообщества не являются такими уж закрытыми, поморская идентичность рассматривается как локальная (*поморы те, кто тут живет*), допускаются ситуации приобретенной этничности (*стал помором*). В последнем случае важным обстоятельством воспринимается искренность намерений, желание созидательного развития, отсутствие интенции обратить поморскую этничность в инструмент для достижения личных целей. Как заметил А.В. Головнев, поморы, как и северяне в целом, «открыты к межэтническому общению, вплоть до готовности делиться идентичностью»¹.

Поморская идентичность чаще всего характеризуется как включенная в русскую. Практически все информанты, с которыми я беседовала,

¹ Головнев А. В. Северность России. СПб., 2022. С. 184, 377.

идентифицирующие себя как поморы, обозначали свою этническую принадлежность как «русский помор», «русская поморка». Однако в некоторых случаях конструируемые членами поморского сообщества этнические границы отличались особой подвижностью. Полевые материалы 2021-2023 гг., собранные в Лоухском районе Карелии и Кандалакшском районе Мурманской области, демонстрируют наличие множественной карельско-поморской этнической идентичности вплоть до совмещения терминов этнической самоидентификации «карелы» и «поморы»: *то, что он помор, не отменяет же того, что он карел; для меня это [поморы и карелы] одно и то же; мы поморы соностровские*. Это можно рассматривать как особенность данной территории: на протяжении всего периода формирования постоянного населения по берегам Белого моря карелы участвовали в этом процессе; согласно выводам исследователей истории и топонимии Поморья, карельский след обнаруживается практически на всех берегах Белого моря от Варзуги до низовьев Двины. В XVIII-XX вв. карелы неоднократно в ходе нескольких волн переселения небольшими группами вливались в местное поморское население преимущественно Карельского, Кандалакшского и Поморского берегов и постепенно ассимилировались в их среде, что повлияло на материальную культуру, особенности беломорских говоров, быт местных поморов. Во время последней миграционной волны (конец XIX – начало XX в.) карелы переселялись в основном на север Карельского и на Кандалакшский берега, основали там несколько поселений на берегу моря, где проживали обособленно от поморов (Колвица, Лувеньга, Нильмозеро, Нильмогуба, Соностров и др.), но имели с ними тесные хозяйственные и брачно-родственные связи. Отголоски этого, на мой взгляд, проявляются в гибридной идентичности, зафиксированной у некоторых информантов в пограничной зоне Карельского и Кандалакшского берегов. В результатах переписи населения 2021 г. в Карелии также встретился вариант этнического самоопределения «поморы-карелы».

Разнообразные презентации «поморского» обнаруживаются в сфере

деятельности культурных учреждений в нескольких преломлениях: как часть деятельности работников культуры, касающейся демонстрации в необходимых случаях (праздники, памятные даты и пр.) особенностей истории и традиционной культуры территории; и как инициативный этнопроект со своими целями и задачами (создание Центра поморской культуры, этнокультурного центра «Хламной сарай» в Нюхче, проекты Кемского краеведческого музея). Выбор предмета показа и способы его представления определяются интересами и компетенциями того, кто выбирает – главными инициаторами поморских этнопроектов, реализуемых в Кемском и Беломорском районах Карелии, являются в основном сотрудники учреждений культуры, для кого проектная деятельность, нацеленная на организацию досуговых мероприятий, является хорошо знакомым форматом действия.

При всей вариативности этнокультурной деятельности чаще всего ее фокус направлен на изучение и репрезентацию культуры поморских сообществ XIX – начала XX в., понимаемой как традиционная, почти полностью утерянная и оттого ценная. Это обращение к традиционному обществу, локализованному в прошлом, коррелирует и с мнениями носителей современной поморской идентичности, довольно часто выражающих символическую ценность традиционного уклада жизни через апелляции к категории «настоящие поморы». Общим также является внимание к локальной истории и культуре поморских сел, которые воспринимаются как сосредоточение всего «поморского» – места, где еще сохраняются элементы традиционного бытового уклада. Они рассматриваются как ценные для местного сообщества, имеющие важное культурное значение. Это было особенно заметно в разговорах с информантами: Нюхча, Колежма, Сумский Посад, Гридино, Калгалакша, расформированная Кереть признавались «настоящими», «коренными», «действительно поморскими селами». Производство традиционного – жизнь в отдаленных, лишенных социальной инфраструктуры поселениях, ведение натурального хозяйства, лов рыбы с

использованием старинных промысловых орудий на «своих» местах, следование «естественному закону природы» воспринимается как живое, материальное свидетельство существования поморов.

В реализуемых проектах на основе использования поморского наследия, как правило, активное участие осуществляет немногочисленная аудитория – круг единомышленников, объединенных интересом к краеведению, семейной истории, этнической, в данном случае поморской, культуре – те, *кому это интересно* по разным причинам. Новации, как в случае с проектами Кемского краеведческого музея, вызывают иногда полярные реакции, от одобрения до неприятия. Тем не менее, этноориентированные мероприятия имеют своим результатом повышение престижа этнической культуры в целом, и создают общий благоприятный фон для проявления этничности, с одной оговоркой – предпочтительно в заданных рамках этнокультурной, туристической и семейной сфер. Распространенным способом демонстрации этничности является привычный формат культурно-досуговых мероприятий: фестивали, праздники, концерты, фольклорные программы. Это отвечает целям национальной политики государства, направленной, прежде всего, на сохранение и популяризацию культурного многообразия, что чаще всего заключается в показе символических объектов этнической культуры: одежда, кухня, песни и танцы.

На уровне региона поморское наследие в первую очередь воспринимается как культурный ресурс, который может использоваться для повышения туристической привлекательности северных (теперь – официально арктических) территорий Республики Карелия. Туристический вектор выбран одной из магистральных линий развития данной территории, что планируется отразить в разрабатываемой² программе развития Кемско-Беломорской агломерации, выделенной в числе опорных населенных пунктов АЗРФ; при этом таковой не рассматривается рыбодобывающая отрасль, на основе

² По состоянию на январь 2025 г. программа развития Кемско-Беломорской агломерации еще находится на стадии разработки.

которой можно было бы оживить поморскую идентичность и придать ей новый импульс развития. На уровне местной власти Кемского и Лоухского района, точнее, его приморской восточной части, существование поморских поселений также рассматривается скорее как историко-культурный потенциал территории, который можно развить, в то время как в Беломорском районе, где рыболовные предприятия занимают определенную часть в структуре экономики, поморская идентичность еще не потеряла статус основы для выстраивания локальной идентичности.

В целом растущая популярность «национального» в массовой культуре обуславливает обращение к этническому материалу в профессиональной и проектной деятельности, поиску своих корней. Возросшее число проектов, направленных на популяризацию поморской культуры в сфере культуры и туризма, актуализирует обращение к локальному прошлому и собственной этничности, создает условия для позитивного восприятия поморской идентичности и механизмы подпитки этничности для тех, кто в этом нуждается. Стремление к групповой солидарности, поиск и помещение себя в понятную систему координат является основной мотивацией к конструированию поморской идентичности. Являясь субъективным чувством принадлежности, этничность не может быть установлена только на основе поведенческих практик; она определяется по тому, что человек чувствует в отношении себя, и в этом смысле самоопределение является ответом на человеческую потребность принадлежать к какой-либо структуре и выживать. Границы поморского сообщества, как и других этнических общностей, постоянно пересобираются, и ответы на вопрос «что значит быть помором» в разные исторические периоды несомненно будут различаться. В настоящее время основой для конструирования поморской идентичности являются представления «о земле и крови», и именно они выглядят наиболее устойчивым ядром «поморскости», вокруг которого конструируются остальные представления о этнических маркерах. Это согласуется с определением, предложенным Д. Горовицем, где этничность – это общность,

основанная на глубоком чувстве социальности, подкрепленном кровнородственными связями, ощущением членами группы своего сходства и отличности от других³. Опасения по поводу потенциального изменения границ этнической группы могут вызывать культурные движения, нацеленные на ассимиляцию или на дифференциацию – подчеркивание отличий от окружающих⁴.

Иными словами, когда ядро идентичности ставится под угрозу, возникают дискуссии о состоянии этой идентичности. Н. Ванзидлер, исследуя идентичность поморов в Архангельской области, отмечает существование кризиса самоидентификации современных жителей беломорского побережья, сопряженного с ограничениями на добычу морских ресурсов – как быть помором, если запрещают ловить рыбу? Следствием этой ситуации явилось, с одной стороны, возрастание символической ценности материального наследия поморов, представленного в музеях, с другой – развитие инструментального подхода к поморской этничности и апроприация активистами поморского движения в Архангельске глобального дискурса о коренных народах. При аргументации в поддержку права поморов на статус КМН делался упор на их отличия от русского населения, что вступало в конфронтацию с категоризацией поморов как субэтнуса/этнографической группы северных русских, распространенной не только в академических кругах, но и среди жителей побережья Белого моря и Архангельска, которые считают себя частью русского населения. При том, что региональная элита на первых этапах поддерживала поморский проект, попытка вписать поморов в признаваемые государством ряды коренных народов потерпела неудачу, а выстраивание регионального бренда «Поморье» заместилось курсом на северность и арктичность.

В Карелии обращения к поморской этничности также возникают в процессе проживания различных кризисных социальных ситуаций

³ Горовиц Д., Бараш Р. Э. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. №2. С. 29.

⁴ Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985. P. 70-72.

(обсуждение правил рыболовства, закрытие школы, отмена железнодорожного сообщения, реорганизация Центра поморской культуры и пр.), однако носят скорее ситуативный характер и не обладают достаточным потенциалом для оформления их в институциональное движение, как это произошло в Архангельской области в 2000-х гг. Факторы, которые могли бы подстегнуть и сплотить поморов как сообщество общественно-политической идеи, в Карелии не оказали существенного влияния: местными властными элитами поморская этничность в целом не рассматривалась как потенциал для укрепления своего имиджа; жители севера республики, не имея перед глазами примера использования этничности как ресурса, способного улучшить социально-экономическое положение (как в случае с соседями-ненцами, обладающими статусом КМН, в Архангельской области), не воспринимали поморскую этничность в таком ракурсе. Экологическая повестка также не стала фактором мобилизации поморской этничности в регионе, в сравнении со все той же Архангельской областью, где во время протестов против утилизации мусора на ст. Шиес в 2018-2020 гг. актуализировалось обращение к концептам Поморья и Русского Севера, и рядом других протестных движений в регионах России, в которых этнические группы оказались наиболее активными в отстаивании своей позиции⁵.

Инициативы активистов поморского движения по объединению поморов из разных регионов для отстаивания своих интересов не оказали значительного влияния на консолидацию поморского движения в Карелии, но способствовали общему подъему внимания и интереса к истории и культуре поморов в республике, восприятию некоторых элементов архангельского поморского дискурса. Публичная презентация поморской идентичности в Республике Карелия в 1990–2020-х гг. локализовалась в этнокультурной сфере и выразилась в росте числа общественных проектов по сохранению

⁵ Связь региональной идентичности и экологических протестных движений в регионах России рассматривают в статье: Тулаева С.А., Немировская А.В. «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27, №1. С. 216–246.

поморского культурного наследия. На индивидуальном уровне главным фактором актуализации поморской этничности стали поиски личного самоопределения: *«после того, как я себя поняла, и поняла свои корни, я знаю, что я поморка, и этим горжусь»* (жен., 1975 г.р., Беломорск). В иерархии, или, точнее сказать, множественности идентичностей поморская включается в этническую самоидентификацию, проявляя при этом тесную связь с локальной (идентичность жителя определенного поселения) и семейной лояльностями. Рассмотрение соотношения этих идентичностей и прочерчивание границ между поморской и локальной идентичностями может стать дальнейшей перспективой исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. Неопубликованные источники

Полевые материалы этнографических экспедиций:

ФА ИЯЛИ

1. № 4424-4434. – Полевые материалы автора (ПМА). Республика Карелия (РК), г. Кемь, г. Беломорск, сентябрь 2020 г.
2. № 4353-4359. – ПМА. РК, Беломорский р-н, с. Нюхча, июнь 2021.
3. № 3998/1-3998/5, №4422-4423. – ПМА. Мурманская область, Кандалакшский р-н, июль 2021.
4. № 4345-4352. – ПМА. РК, Кемский р-н, с. Гридино, август 2021.
5. № 4215-4223, №4252-4255. – ПМА. РК, Лоухский р-н, июнь 2022.
6. № 4266-4275. – ПМА. РК, г. Кемь, г. Беломорск, сентябрь 2022.
7. № 4339-4344. – ПМА. РК, Кемский р-н, июль 2023.

Архивные материалы:

НА КарНЦ РАН

1. Дуров И. М. Беломорские рыбаки в XIX в. - годовой цикл промыслов // НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 33. Д. 440.
2. Дуров И. М. Быт рыбаков дореволюционного Поморья (годовой цикл промыслов). // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Д. 237.
3. Разр. XI // НА КарНЦ РАН. Оп. 2. Д. 67, 69.
4. Линевский А. М. Материалы экспедиции в Гридино и Калгалакшу в 1943 году // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784-791.
5. Сергеев А. Т. Карельское Беломорье в XIX веке // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 41. Д. 66.

6. Материалы фольклорных экспедиций в Лоухский район // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. К. 58-59, 124, 146.
7. Материалы фольклорных экспедиций в Кемский район // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. К. 36, 124-125.
8. Материалы фольклорных экспедиций в Беломорский район // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. К. 53, 81, 94, 109, 123-127, 129-132, 135, 145, 155.

Национальный архив Республики Карелия

1. Документы анкетирования населенных пунктов Беломорского, Кемского и Лоухского районов в 1981-1984 годах // НА РК. Ф. Р-57.
2. Линевский А. М. Документы личного фонда за 1881-1981 гг. // НА РК. Ф. Р-3262. Оп. 2.

Архив Национального музея Республики Карелия

1. Планы и документы о комплексных экспедициях в Беломорский, Сегежский, Медвежьегорский районы, 1964-1970 // ГБУ НА РК. Д. 779.
1. Отчет Л. Ф. Кирова и Н. М. Минина о научной командировке в Беломорский район КФССР, 1951 // ГБУ НА РК. Д. 61.
2. Дневник Л. И. Капуста, составленный во время экспедиции в Беломорский р-н, 1979 // ГБУ НА РК. Д. 398.
3. Дневник И. Н. Тихонова, сост. во время экспедиции в Беломорье, 1955 // ГБУ НА РК. Д. 584.
4. Документы по комплексной краеведческой экспедиции сотрудников музея в Пудожский, Кемский и Беломорский р-ны, 1965 // ГБУ НА РК. Д. 644.
5. Отчеты Д. Н. Кузнецова о поездке в Беломорский и Лоухский р-ны, 1995 // ГБУ НА РК. Д. 1243-1244.
6. Документы Д. Н. Кузнецова об экспедиции в Лоухский р-н, 1995 // ГБУ НА РК. Д. 1248.
7. Отчет об экспедиции по Кемскому и Беломорскому районам Карельской АССР, 1958 // ГБУ НА РК. Д. 1630.

1.2. Опубликованные источники

Этнографическая литература:

1. Алеев В. Р. Промысел наваги и сельди по Онежскому и Кемскому берегам Белого моря зимою 1912 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. 1914. Т. III, вып. 9. С. 3-22.
2. Алеев В. Р. Отчет о поездке на морской звериный промысел в горле Белого моря в 1911 г. // Материалы к познанию русского рыболовства, 1913. Т. II, вып. 2. 32 с.
3. Брейтфус Л. Л. Рыбный промысел русских поморов в Северном Ледовитом океане, его прошлое и настоящее // Материалы к познанию русского рыболовства, 1913. Т. II, вып. 1. С. 89-134.
4. В. Е-ов. Некоторые данные по рыбному промыслу и охоте в Карелии // Карело-Мурманский край, 1930. № 1. С. 7.
5. Глебов Г. Н. Рыбные промыслы Карельского берега Белого моря // Приложение к «Бюллетеню рыбного хозяйства № 1». М. : Издательское бюро института рыбного хозяйства, 1926. 40 с.
6. Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград : Типо-литография Северо-Западного округа путей сообщения, 1919. 296 с.
7. Золотарев Д. А. В северо-западной Карелии // Западнофинский сборник. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. С. 1-21.
8. Золотарев Д. А. Поездка в Карелию // Вестник Мурмана. 1924, № 12. С. 1-3 ; № 13. С. 2-4.
9. Историческая справка по вопросу о проведении железной дороги С. Петербург - Петрозаводск - Кемь // Олонецкие Губернские Ведомости. 1909. № 74 (18 июля). С. 2.
10. Капица Л. Л. Антропологические данные о поморах Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии // Известия АОИРС. 1914. № 7. С. 131-151.

11. Максимов С. В. Год на Севере. СПб. : Изд-во С.В. Звонарева, 1871. 690 с.
12. Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря. М. : Издание Научно-технического управления ВСНХ, 1927. 233 с.
13. Островский Е. Из картинок сельдяного промысла в с. Сороке // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1910. № 8. С. 27–31.
14. О необходимости сооружения Петербурго-Кемской железной дороги // Олонецкие Губернские Ведомости. 1895. № 33 (06 мая). С. 3.
15. По вопросу о соединении Онежского озера с Белым морем // Олонецкие Губернские Ведомости. 1870. № 62 (15 августа). С. 10.
16. Проект железнодорожного сообщения Петербург - Петрозаводск - Кемь // Олонецкие Губернские Ведомости, 1909. № 24 (28 февраля). С. 1.
17. Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание северного берега России. В 2 частях. Ч. 1: Белое море. СПб., 1883. 488 с.
18. Слезский А. Г. Поездка на Мурман (Путевые заметки). СПб. : Типография А. С. Суворина, 1898. 80 с.
19. Создание совещательной комиссии для обсуждения строительства железной дороги от Повенца до Кеми // Олонецкие Губернские Ведомости, 1894. № 19 (12 марта). С. 9.
20. Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1877. 128 с.
21. Яковсон Р. П. Статистико-экономическое обследование морского побережья и рыболовных угодий на Онежской губе между г. Кемью и Онегой и Онежского заcola в 1911 году. СПб. : Типо-литография "Якорь", 1913. 134 с. (Материалы к познанию русского рыболовства ; Том II, вып. 5).
22. Яковсон Р. П. Отчет по обследованию рыболовных тоней на реках Кеми и Выг осенью 1911 года. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1913. 66 с. (Материалы к познанию русского рыболовства ; Т. II, вып. 9).

Статистические данные:

1. Архангельская Карелия. Архангельск: Архангельский губернский статистический комитет, 1908. 144 с.
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года: Предварительные итоги по Карельской республике. Петрозаводск : Статистическое управление АКССР, 1927. 39 с.
3. Обзор Архангельской губернии за 1904 год. Архангельск : Губернская типография, 1905. 131 с.
4. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1861-1885. Вып. 1: Архангельская губерния: ... по сведениям 1859 года / обраб. ред. Е. Огородниковым. 1861. 131 с.
5. Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году / сост. Н. А. Голубцов. Архангельск, 1907. 216 с.
6. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2002 года : сайт. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 16.04.2024). Текст : электронный.
7. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2010 года : сайт. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 16.04.2024). Текст : электронный.
8. Том 5. Национальный состав и владение языками // Всероссийская перепись населения 2020 года : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul# (дата обращения: 16.04.2024). Текст : электронный.

Нормативно-правовые акты:

1. Постановление Правительства Республики Карелия от 21.02.2024 об утверждении государственной программы Республики Карелия «Реализация государственной национальной политики на территории Республики

Карелия» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407132385#64U0IK> (дата обращения: 21.11.2024). Текст : электронный.

2. Постановление Правительства Республики Карелия от 24.01.2018 об утверждении государственной программы Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1000201801260004> (дата обращения: 01.07.2022). Текст : электронный.

3. Распоряжение Правительства Республики Карелия № 899р-П от 29.12.2018 «Об утверждении Стратегии экономического развития Республики Карелия до 2030 года» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465420565>. (дата обращения: 15.10.2024). Текст : электронный.

4. Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ» // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/swH5WxRwFOGjLhqUigoDpo4NAIqmMfJe.pdf> (дата обращения: 24.11.2024). Текст : электронный.

5. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 года № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 15.10.2024). Текст : электронный.

6. Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Система Гарант : сайт. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/182356/paragraph/11372:0> (дата обращения: 24.11.2024). Текст : электронный.

7. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 года № 74-ФЗ в редакции от 13.11.2003 // Система Гарант : сайт. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/4092868/paragraph/14749:0> (дата обращения: 21.11.2024). Текст : электронный.

Периодические издания:

1. Беломорск встречает гостей // Беломорская трибуна. 2010. 2 сентября. С. 5.
2. Беломорский краеведческий. По экспозициям музея // Беломорская трибуна. 1961. 21 ноября. С. 3.
3. Белосельский Н. Я люблю эту землю // Советское Беломорье. 2002. 8 ноября. С. 2.
4. Блинова Ю. Есть у Белого моря местечко - край поморский в сосновых борах (День рождения с. Сумский Посад) // Беломорская трибуна. 2007. 5 июля. С. 7.
5. Богданова С. В. Шуерецкая библиотека музей им. А. Н. Савина - хранитель памяти села // Сорока Беломорская. 2020. Декабрь. С. 3.
6. В День рыбака - колежемская уха! // Беломорская трибуна. 2010. № 28 (22 июля). С. 1.
7. Встретились поморы // Беломорская трибуна. 2010. 22 июля. С. 5.
8. Гнетнев К. И дольше века длится день ... (Поморскому селу Шуерецкое - 500 лет) // Беломорская трибуна. 1999. 17 июля. С. 2.
9. День Елисея Сумского // Беломорская трибуна. 2007. № 27. С. 3.
10. Есть у нас и Сумпосад, и Хвойный // Беломорская трибуна. 2002. 21 февраля. С. 5.
11. Звягин Ю. Поморская горница // Советское Беломорье. 1999. 15 мая. С. 6.
12. Как праздновали Рождество наши предки-поморы? // Беломорская трибуна. 1997. 9 января. С. 3.

13. Каншиев В. Есть ли рыба в Белом море? // Беломорская трибуна. 2010. № 15. С. 3.
14. Кемь - город железнодорожников // Советское Беломорье. 1999. № 31. 31 июля. С. 1.
15. Кемь православная // Советское Беломорье. 1999. 13 февраля. С. 6.
16. Керзум А. Музея нет, но он очень даже есть // Беломорская трибуна. 2002. 11 апреля. С. 6.
17. Козлова А. Село меняется, растет // Беломорская трибуна. 1999. 17 февраля. С. 3.
18. Константин Гнетнев. Писатель, журналист [Мнение] // Беломорская трибуна. 2021. № 45. С. 3.
19. Кузичева И. Живет село поморское (история создания памятника) // Беломорская трибуна. 2011. № 24. С. 3.
20. Ловись, рыбка, мала и велика // Советское Беломорье. 1999. № 52. С. 1.
21. Максимовна и Вербочка // Беломорская трибуна. 2015. 1 октября. С. 4.
22. Мы - поморы! // Советское Беломорье. 2010. 8 октября. С. 1.
23. На IV съезде поморов // Советское Беломорье. 2011. 23 сентября. С. 1.
24. Нам бы сохранить лицо [интервью с В. А. Васильевым] // Беломорская трибуна. 2021. № 45. С. 3.
25. Полякова И. Экскурсия в века // Беломорская трибуна. 1968. 14 ноября. С. 2.
26. Поморы – перво-наперво рыбаки // Беломорская трибуна. 2021. № 44. С. 2.
27. Православные традиции Поморья // Беломорская трибуна. 2002. 14 ноября. С. 3.
28. Приглашаем в музей // Беломорская трибуна. 2010. 25 марта. С. 8.
29. Резолюция II съезда поморского народа Белого моря. Умба, 19 июня 2009 года // Русское православие. 2009. № 6 (57). С. 43-44.
30. С Петрова дня красное лето // Беломорская трибуна. 2009. 30 июля. С. 9.

31. Салин А. Первый блогер на селе // Беломорская трибуна. 2020. № 34. С. 3.
32. Сердюк А. Вдали от шума городского // Советское Беломорье. 2010. № 46 (19 ноября). С. 3.
33. Сладникова А. В «Поморской горнице» // Советское Беломорье. 1997. 2 декабря. С. 3.
34. Соболева Л. Что сказал бы Зосима Рябов? // Беломорская трибуна. 2010. № 31. С. 9.
35. Сонников Г. "Поморье": здесь вся история края // Советское Беломорье. 1999. 15 мая. С. 5.
36. Сонников Г. История старой фотографии // Советское Беломорье. 2010. № 33 (20 августа). С. 2.
37. Сонников Г. Откуда пошла Кемь // Советское Беломорье. 1997. 24 октября. С. 3.
38. Сонников Г. Рассказывают экспозиции // Советское Беломорье. 2002. 17 мая. С. 7.
39. Старикашка надеется выжить [краткие вехи истории Кеми] // Советское Беломорье. 1999. 19 июня. С. 7.
40. Степанова О. «Дом вести - не бородой трясти» // Дом культуры. 2017. № 7. С. 45.
41. Степанова О. Поморская горница принимает гостей // Беломорская трибуна. 2015. № 51 (24 декабря). С. 3.
42. Съезд поморов // Беломорская трибуна. 2009. 20 августа. С. 4.
43. Титова Т. Памяти мореходов посвящается // Беломорская трибуна. 1997. 30 июля. С. 3.
44. Титова Т. Петербург - Петрозаводск - Нюхча // Беломорская трибуна. 2002. 21 февраля. С. 6.
45. Титова Т. Поморье глазами исследователей // Беломорская трибуна. 2010. № 37 (23 сентября). С. 7.

46. Филиппова Е. Былое родного Беломорья // Советское Беломорье. 2010. 24 сентября. С. 8.
47. «От Рождества до Николы» - новый проект // Беломорская трибуна. 2011. № 11. С. 11.
48. «Сумлянка» короткой строкой в фактах и лицах // Беломорская трибуна. 2021. № 23. С. 5.
49. 50 лет в любви и согласии [о семье Клевиных] // Беломорская трибуна. 2009. 2 июля. С. 3.
50. III съезд поморов // Советское Беломорье. 2010. 8 октября. С. 3.

Интернет-ресурсы:

1. 100 символов Карелии // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/category/special-projects/100-simvolov-karelii/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
2. 24 декабря состоялась традиционная встреча в клубе «Поморская горница» // Библиотека (МБУ Кемская МЦРБ) / ВКонтакте. URL: https://vk.com/club60117753?w=wall-60117753_7687 (дата обращения: 12.03.2024). Текст : электронный.
3. 3 февраля 2023 г. исполнилось 3 года со дня основания АНО «Квартал» // АНО Квартал / ВКонтакте. URL: https://vk.com/anokvartal?w=wall-197676609_279 (дата обращения: 20.04.2024). Текст : электронный.
4. Артисты из Карелии привезли в Калмыкию «Голомяное пламя» // Столица на Onego.ru : интернет-газета. URL: <https://stolicaonego.ru/news/artisty-iz-karelii-privezli-v-kalmykiju-golomjanoe-plamja-video/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
5. Аудиозапись «Гимн поморов» в исполнении группы «Поморяночки» // МБУ Краеведческий музей Поморье / ВКонтакте. URL: <https://vk.com/audios-33049449> (дата обращения: 17.05.2024). Текст : электронный.
6. Беломорский район бородой не трясет, а учится ремесленному мастерству у соседей // Петрозаводск говорит : сайт. URL:

- <https://ptzgovorit.ru/shortread/reabilitaciya-staruhi-louhi-raznocvetnaya-voda-i-pushkin-pod-snegom> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
7. Были лучшие, а стали худшие? // Столица на Onego.ru : интернет-газета URL: <https://stolicaonego.ru/read/byli-luchshie-a-stali-hudshie/> (дата обращения: 05.03.2024). Текст : электронный.
8. В Петрозаводске откроется цикл выставок народных мастеров // ГТРК «Карелия» : сайт. URL: <https://tv-karelia.ru/v-petrozavodske-otkroetsya-tsikl-vyistavok-narodnyih-masterov/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
9. Валентик А. И. «Родина капитанов». Памяти А. И. Валентика (2001) // ГТРК «Карелия» : сайт. URL: <https://tv-karelia.ru/03-07-2022-rodina-kapitanov-pamyati-a-i-valentika-2001/> (дата обращения: 17.05.2024). Текст : электронный.
10. Верни былую славу, Сумпосад! Конкурс проектов 2015 // Культурная мозаика малых городов и сёл : сайт. URL: <https://cultmosaic.ru/winners/verni-bylyuyu-slavu-sumposad/> (дата обращения: 16.03.2024). Текст : электронный.
11. Выставка «Сказания Поморского берега» // МБУ «Беломорский краеведческий музей» : сайт. URL: <http://brkm-museum.ru/servicies/item/3> (дата обращения: 20.05.2024). Текст : электронный.
12. Глава Карелии испек пирог с печенью камбалы на фестивале поморской кухни // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/social/glava-karelii-ispek-pirog-s-pechenyu-kambaly-na-festivale-pomorskoj-kuhni/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
13. Глава Карелии рассказал о тех, кто шьет золотными нитями // Столица на Onego.ru : интернет-газета. URL: <https://stolicaonego.ru/news/glava-karelii-rasskazal-o-teh-kto-shet-zolotymi-nitjami/> (дата обращения: 22.03.2024). Текст : электронный.
14. Городок Кемской - ForПост Беломорья // Культурная мозаика малых городов и сёл : сайт. URL: <https://cultmosaic.ru/winners/gorodok-kemskoy-forpost-belomorya/> (дата обращения: 16.05.2024). Текст : электронный.

15. Гриневич А. В Сумпосаде не бывал - праздника не видал // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/social/kto-v-sumposade-ne-byval-tot-i-prazdnika-ne-vidal/> (дата обращения: 18.04.2024). Текст : электронный.
16. Дождались!!! // Село Шуерецкое / ВКонтакте. URL: https://vk.com/club8324920?w=wall-8324920_8854 (дата обращения: 14.05.2024). Текст : электронный.
17. [Еще о поездке на Белое море] // Личная страница Л. Г. Роц / ВКонтакте. URL: https://vk.com/lrots?w=wall555337679_42 (дата обращения: 20.01.2025). Текст : электронный.
18. Жители Сумского Посада: «Выглядит как насмешка над поморами» // Столица на Onego.ru : интернет-газета. URL: <https://stolicaonego.ru/news/zhiteli-sumskogo-posada-vygljadit-kak-nasmeshka-nad-pomorami/> (дата обращения: 17.03.2024). Текст : электронный.
19. Жителям Карелии разрешили ловить рыбу сетями на Белом море // Столица на Onego.ru : интернет-газета. URL: <https://stolicaonego.ru/news/zhiteljam-karelii-razreshili-lovit-rybu-setjami-na-belom-more/> (дата обращения 09.08.2024). Текст : электронный.
20. Звонарев С. Год Поморской культуры пройдет с кибасом // Двина-Информ : сетевое издание : сайт. URL: <https://www.dvinainform.ru/archive/2011/05/18/1447.html> (дата обращения: 12.06.2024). Текст : электронный.
21. Инвестиционный паспорт Кемского муниципального района // Кемский муниципальный район : официальный сайт Администрации Кемского муниципального района. URL: <https://kemrk.ru/1413292507/2053725163/5110808660/> (дата обращения: 29.11.2023). Текст : электронный.
22. Ирина Кузичева: жители трех северных районов должны получить право рыбачить на Белом море // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/social/irina-kuzicheva-zhiteli-treh->

severnyh-rajonov-dolzhny-poluchit-pravo-rybachit-na-belom-more/ (дата обращения 09.08.2024). Текст : электронный.

23. История города // Администрация Беломорского муниципального района : официальный сайт. – URL:

[http://belomorsk2015.dev.mediaweb.ru/turizm i otdih/istoriya_goroda/](http://belomorsk2015.dev.mediaweb.ru/turizm_i_otdih/istoriya_goroda/) (дата обращения: 23.08.2023). – Текст : электронный.

24. История создания музея «Хламной сарай» // Музей поморского быта "Хламной сарай" с. Нюхча / ВКонтакте. URL: https://vk.com/topic-65008088_29611344 (дата обращения: 26.04.2014). Текст : электронный.

25. История создания фольклорной творческой группы «Поморяночки» // Фольклорный ансамбль "Поморяночки" / ВКонтакте. URL: https://vk.com/club224269139?w=wall-224269139_13 (дата обращения: 16.05.2024). Текст : электронный.

26. История Чупы // Администрации Чупинского городского поселения : официальный сайт. URL: <https://www.region-chupa.ru/3213473996/8422042283/> (дата обращения: 18.06.2023). Текст : электронный.

27. Итоги работы коллектива за период с 12 октября 2023 года по 31 декабря 2023 года // Фольклорный ансамбль «Поморяночки» / ВКонтакте. URL: https://vk.com/club224269139?w=wall-224269139_14 (дата обращения: 16.05.2024). Текст : электронный.

28. Карельское золотное шитье представили на выставке достижений в Москве // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/social/culture/karelskoe-zolotnoe-shite-predstavili-na-vystavke-dostizhenij-v-moskve/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.

29. «Колежомские напевы» - наши дорогие соседи // Дом культуры с. Сумский Посад / ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-75537047_6344?w=wall-75537047_6344 (дата обращения: 18.04.2024). Текст : электронный.

30. Кольский Север : энциклопедические очерки // Просветительский центр «Доброхот» : сайт. URL: <http://www.dobrohot.org/progress/kolsky-sever.html> (дата обращения: 14.07.2023). Текст : электронный.
31. [Конкурсное жюри и итоги конкурса] // Фестиваль «Поморская краса» / ВКонтакте. URL: https://vk.com/club228066710?w=wall-228066710_125 (дата обращения: 25.01.2025). Текст : электронный.
32. Культура Поморья: связь времен // Карельское Поморье. Краеведение Беломорского района : сайт. URL: <https://pomorskibereg.ru/kultura-pomoruya-svyaz-vremen/> (дата обращения: 16.03.2024). Текст : электронный.
33. Ларионова И. Свадебный уклад на поморский лад // Лицей : Интернет-журнал. URL: <https://gazeta-licey.ru/top/53604-svadebnyiy-uklad-na-pomorskiy-lad> (дата обращения: 16.05.2024). Текст : электронный.
34. Митюшов М. А. Перебор с брендом или «поморский» гвоздь в гроб русской цивилизации? // Эхо Севера. Новости Архангельска, публицистика, аналитика : сайт. URL: <https://www.echosevera.ru/culture/2012/11/16/816.html> (дата обращения 16.05.2024). Текст : электронный.
35. Море помор // Фонд Президентских грантов. Проекты : сайт. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=EA1E6408-2EBF-4400-9F2E-8BB85406E5CC#winner-social> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
36. «Морожены песни»: 85-летию Поморского русского народного хора посвящается : видеофильм в рамках проекта «Морожены песни» // АНО Квартал / ВКонтакте. URL: https://vk.com/video/@anokvartal?z=video-197676609_456239035%2Fclub197676609%2Fpl_-197676609_-2 (дата обращения: 19.04.2024). Текст : электронный.
37. На средства гранта главы Карелии вышла книга «Золотая нить Поморья» // ГТРК «Карелия» : сайт. URL: <https://tv-karelia.ru/na-sredstva-granta-glavy-karelii-vyshla-kniga-zolotaya-nit-pomoruya/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.

38. Наш район // Кемский муниципальный район : официальный сайт Администрации Кемского муниципального района. URL: https://kemrk.ru/dlya_naseleniya/contacts/position/ (дата обращения: 05.09.2023). Текст : электронный.
39. О внесении изменений в название Беломорского краеведческого музея // Беломорский краеведческий музей / ВКонтакте. URL: https://vk.com/club64187452?offset=15&own=0&w=wall-64187452_5204 (дата обращения: 05.03.2024). Текст : электронный.
40. Обращение поморов к Президенту России и к руководству Архангельской области // Патриот Поморья : Интернет-портал. URL: <https://web.archive.org/web/20130602032050/http://patriot-pomor.ru/content/view/385/30/> (дата обращения: 13.06.2024). Текст : электронный.
41. [Обсуждение предварительной концепции благоустройства набережной р. Выг] // Личная страница И. В. Филипповой (Глава Беломорского муниципального округа) / ВКонтакте. URL: https://vk.com/id63826889?from=search&w=wall63826889_3716 (дата обращения: 12.05.2024). Текст : электронный.
42. Основные направления для инвестирования // Инвестируй в Карелию : сайт. URL: <https://kareliainvest.ru/p/osnovnie-napravleniya-dlya-investirovaniya> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
43. План работы Беломорской ЦБС на 2024 год // МБУК «Беломорская централизованная библиотечная система» : сайт. URL: <https://belomorsklib.karelia.ru/files/181.pdf> (дата обращения: 14.03.2024). Текст : электронный.
44. Поздравление с Международным днем коренных народов // Село Шуерецкое / ВКонтакте. URL: https://vk.com/club8324920?w=wall-8324920_8485 (дата обращения: 14.05.2024). Текст : электронный.
45. Поморам Карелии вернули право рыбачить сетями на Белом море // ГТРК «Карелия» : сайт. URL: <https://tv-karelia.ru/pomoram-karelii-vernuli-pravo->

ryibachit-setyami-na-belom-more/ (дата обращения 09.08.2024). Текст : электронный.

46. Поморская горница в рамках проекта // Карельское Поморье. Краеведение Беломорского района : сайт. URL: <https://pomorskibereg.ru/pomorskaya-gornica-v-ramkax-proekta/> (дата обращения: 18.04.2024). Текст : электронный.

47. Поморская школа традиционного судостроения и мореходства появится в Кемском районе // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/social/pomorskaya-shkola-traditsionnogo-sudostroeniya-i-morehodstva-poyavitsya-v-kemskom-rajone/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.

48. Поморы заявляют о своем праве на существование в качестве самостоятельного народа РФ. Декларация Съезда поморского народа // Руснорд : информационно-аналитический портал. URL: <https://rusnord.ru/oldnews/8704-25811.html> (дата обращения: 05.06.2024). Текст : электронный.

49. Поморы и фольклор // Беломорский округ / ВКонтакте. URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_25903 (дата обращения: 23.08.2024). Текст : электронный.

50. Пост во славу Поморского русского народного хора // Личная страница Л. Г. Роц / ВКонтакте. URL: https://vk.com/lrots?w=wall555337679_1023 (дата обращения: 13.06.2024). Текст : электронный.

51. Праздники // Администрация Лоухского муниципального района : официальный сайт. URL: https://louhiadm.ru/obschie_svedeniya/obcshaja-harakteristika/prazdniki/ (дата обращения: 18.06.2023). Текст : электронный.

52. Работа по подготовке геральдических символов // Беломорский округ / ВКонтакте. URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_82 (дата обращения: 23.08.2023). Текст : электронный.

53. Раумо А. Поморский бренд: как в Карелии возрождается золотное шитье // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL:

<https://rk.karelia.ru/production/pomorskij-brend-kak-v-karelii-vozhrozhdaetsya-zolotnoe-shite/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.

54. [Рыболовецкому колхозу «Заря севера» в селе Колежма исполняется 95 лет] // Беломорский округ / ВКонтакте. URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_30815 (дата обращения: 23.04.2025). Текст : электронный.

55. Сектор краеведения // Межпоселенческая центральная районная библиотека Кемского района : официальный сайт. URL: <http://kemlibrary.karelia.ru/site27/site34/site36> (дата обращения: 12.03.2024). Текст : электронный.

56. Село Шуерецкое / ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club8324920> (дата обращения: 14.05.2024). Текст : электронный.

57. Символика // Кемский муниципальный район : официальный сайт Администрации Кемского муниципального района. URL: https://kemrk.ru/dlya_naseleniya/contacts/position/ (дата обращения: 29.11.2023). Текст : электронный.

58. Совещание по развитию опорных населённых пунктов Арктической зоны. 11 декабря 2023 года // Президент России : сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72951> (дата обращения: 16.11.2024). Текст : электронный.

59. [Состоялся финал конкурса традиционного поморского наряда «Поморская краса 2024»] // Беломорский округ / ВКонтакте. URL: https://vk.com/amobelomorsk?w=wall-185192373_29311 (дата обращения: 20.01.2025). Текст : электронный.

60. Титова Т. На родине прп. Елисея Сумского возводится храм // Православие в Карелии : информационный портал Петрозаводской и Карельской епархии Русской Православной церкви. URL: <http://eparhia.karelia.ru/sumpos11.htm> (дата обращения: 18.04.2024). Текст : электронный.

61. Традиционная технология золотного шитья в Беломорском районе Республики Карелия // Реестр объектов нематериального культурного наследия Республики Карелия : сайт. URL: <https://clck.ru/36zkXz> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
62. Туристов в Карелию станут привлекать поморской кухней // Столица на Онего.ru : интернет-газета. URL: <https://stolicaonego.ru/news/turistov-v-kareliju-stanut-privlekat-pomorskoj-kuhnej/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
63. У моря студеного // Межпоселенческая центральная районная библиотека Кемского района : официальный сайт. URL: <http://kemlibrary.karelia.ru/chitateljam/site50> (дата обращения: 12.03.2024). Текст : электронный.
64. Уникальный карельский хор признан лучшим на Северо-Западе // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/social/culture/unikalnyj-karelskij-hor-by-l-priznan-luchshim-na-severo-zapade/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
65. Фестиваль поморской культуры стартовал в Беломорске в День республики // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/social/festival-pomorskoj-kultury-startoval-v-belomorske-v-den-respubliki/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
66. Фестиваль поморской кухни состоялся в Кемии // Республика : информационно-аналитический портал Карелии. URL: <https://rk.karelia.ru/social/festival-pomorskoj-kuhni-sostoyalsya-v-kemi/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
67. Фольклорная группа «Сумлянка» // Карельское Поморье. Краеведение Беломорского района : сайт. URL: <https://pomorskibereg.ru/folklornaya-gruppa-sumlyanka/> (дата обращения: 18.04.2024). Текст : электронный.

68. «Хламной сарай» // Карельское Поморье. Краеведение Беломорского района / ВКонтакте. URL: <https://pomorskibereg.ru/xlamnoj-saraj/> (дата обращения: 26.04.2014). Текст : электронный.
69. Центр поморской культуры в музей, а поморский хор - в дом культуры // Столица на Onego.ru : интернет-газета. URL: <https://stolicaonego.ru/analytics/tsentr-pomorskoj-kultury-v-muzej-a-pomorskij-hor-v-dom-kultury/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.
70. Шендакова В. А. Беломорскому районному краеведческому музею «Беломорские петроглифы» 50 лет // Национальный музей Республики Карелия : сайт. URL: <http://old.kareliamuseum.ru/site/section/590?preview=on> (дата обращения: 12.06.2024). Текст : электронный.
- Ярмарка-фестиваль поморской кухни «Я-Я, Кемска Волость!» прошла в Кемии // Столица на Onego.ru : интернет-газета. URL: <https://stolicaonego.ru/news/jarmarka-festival-pomorskoj-kuhni-ja-ja-kemska-volost-proshla-v-kemi/> (дата обращения: 20.03.2024). Текст : электронный.

Краеведческая литература, информационные буклеты:

1. Беломорье: нить времен : материалы Форума, Беломорск, 25-26 сентября 2010 года. Петрозаводск : Verso, 2011. 143 с.
2. Волкова Н. Н. Лихолетье Беломорья (о жизни тружеников Поморья в годы Великой Отечественной войны и в годы сталинского террора). Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. 128 с.
3. Есипов П. А. Поморская сторона. Культура и краткая история поморов - коренного народа Севера России. Архангельск : ИД ОМ-Медиа, 2004. 32 с.
4. Историю поморскую храня : Информационный буклет. Кемь : Кемский районный краеведческий музей «Поморье», 2019. С. 5.
5. Мосеев И. И. Поморьска говоря : краткий словарь поморского языка. Архангельск : Правда Севера, 2006. 372 с.

2. ЛИТЕРАТУРА

1. Абашин С. Н. Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 252-278.
2. Алексеевский М. Д., Васкул А. И., Козлова И. В., Комелина Н. Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15-19.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
4. Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «Состояние души»? // Laboratorium. 2012. № 3. С. 11-41.
5. Ануфриев В. В. Русские поморы: культурно-историческая идентичность. М. : Солти, 2008. 159 с.
6. Ануфриев В.В., Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Гончарова Н.Н., Селезнева Е.Н., Черносвитов П.Ю. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ / М. : ФОРУМ; Неолит, 2013. 320 с.
7. Атнагулов И. Р. Социокультурные практики и структура идентичностей нагайбаков по материалам экспедиций 2014-2015 гг. // Via in tempore. История. Политология. 2015. № 36 (216). С. 136-144.
8. Атнагулов И. Р. Этническая история нагайбаков в XVIII - начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07. Магнитогорск, 2016. 467 с.
9. Байбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.
10. Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск : Карелия, 1973. 159 с.

11. Баранова В.В. Составление словаря и рождение нового языка // Антропологический форум. 2014. №21. С. 33-34.
12. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М. : Новое издательство, 2006. С. 9-48.
13. Белановский С. А. Глубокое интервью. М. : Никколо-Медиа, 2001. 320 с.
14. Белоруссова С. Ю. Нагайбаки: динамика этничности. СПб. : МАЭ РАН, 2019. 424 с.
15. Березович Е.Л. Этимологические заметки на полях экспедиционного блокнота: исконная русская лексика в говорах Терского Беломорья // Русский язык в научном освещении. 2022. № 1. С. 182–205.
16. Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М. : ОГИ, 2009. 369 с.
17. Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л. : Наука, 1978. 176 с.
18. Бернштам Т. А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX - начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л. : Наука, 1977. С. 88-115.
19. Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly. № 531-532 (12-25.11.2012) : сайт. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/demoscope531.pdf> (дата обращения: 21.05.2024). Текст : электронный.
20. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М. : Наука, 1981. 390 с.
21. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 418 с.
22. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : ИД Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
23. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М. : Новое издательство, 2010. С. 131-192.

24. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа : повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. 52 с.
25. Бузин В. С., Егоров С. Б. Субэтноты русских: проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы : сборник статей / отв ред. В. А. Козьмин. СПб. : Новая Альтернативная Полиграфия, 2008. С. 308-346.
26. Булатов В. Н. Русский Север. Архангельск : Изд-во Поморского государственного университета, 1999. Кн. 3 : Поморье (XVI - начало XVIII в.). 336 с.
27. Вавулинская Л. И. Северная деревня во второй половине 1940-х – 1960-е гг. (по материалам беломорской Карелии) // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней : сборник тез. докл. науч. конф. / отв. ред.-сост.: А. Я. Мартынов, А. В. Алёшкова. Архангельск : Лоция, 2020. С. 281-287.
28. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М. : Новое издательство, 2004. 296 с.
29. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов : Энциклопедия. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
30. Винокурова И. Ю. Карелия в этнологических исследованиях // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М. : ИЭА РАН, 2022. С. 293-340.
31. Винокурова И. Ю. Этнографические экспедиции под руководством Д. А. Золотарёва и политика коренизации в Карелии // Вестник Омского университета. Серия : Исторические науки. 2023. Т. 10, № 1 (37). С. 117-128.
32. Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVII веках. М. : Наука, 1974. 192 с.

33. Власов А. Н. Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики (Краткий обзор музейных коллекций, собраний и публикаций краеведов северной России. Современное состояние, проблемы изучения) // Из истории русской фольклористики / Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом) РАН. СПб. : Наука, 2013. Вып. 8. С. 585-613.
34. Власова И. В. О терминах для обозначения этнических категорий // Этнографическое обозрение, 2009. № 4. С. 118-128.
35. Власова И. В. Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М. : ИЭА РАН, 2015. С. 351.
36. Власова М. Н. Русский Север: брошенная земля. Фольклор «несуществующих» деревень (поэзия и проза: особенности и контексты бытования). СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 464 с.
37. Власова М. Н. Терский берег Белого моря : хозяйственно-промысловый и праздничный календарь, поверья и обычаи (по записям 1981-1987 и 2008-2010 гг.) // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб, 2012. Т. XXXIV. С. 235-263.
38. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
39. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы // Социология. 2022. №5. С. 202-212.
40. Воронина Н. С. Опыт кодирования «на бумаге», или Как исследователю с количественным бэкграундом научиться анализировать интервью // Практики анализа качественных данных в социальных науках / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; отв. ред. Е. В. Полухина. М. : ИД Высшей школы экономики, 2023. С. 121-141.
41. Воронина П. С., Устин И. И. Купец Александр Евгеньевич Дятлев и Кемская мореходная школа: некоторые штрихи к биографиям // Торопец: 950 лет в исторической памяти: материалы Всероссийской научной конференции, Тверь, 17–20 октября 2024 г. / Сост., ред. Т. Г. Леонтьева, Д. Н. Воробьев. Тверь: Тверской государственный университет, 2024. С. 58-64.

42. Габдрахманова Г. Ф., Алос-и-Фонт Э. К вопросу о фиксации национальной принадлежности и владения языками во Всероссийской переписи населения 2020-2021 гг. // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 28-39.
43. Гаврилова К.А. Чудь как новая этническая группа: традиционалистский проект на Пинежье // Этнографическое обозрение. 2019. №5. С. 82-101.
44. Гаврилова К. А. Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Гаврилова Ксения Андреевна. Санкт-Петербург, 2016. 352 с.
45. Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М. : Наука ; Архангельск : Поморский университет, 2004. 637 с.
46. Гнетнев К. В. XX век. Поморы. Петрозаводск : Версо, 2020. 212 с.
47. Головнёв А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 46-55.
48. Головнев А. В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
49. Головнёв А. В., Албогачиева М. С-Г., Белоруссова С. Ю., Беляева-Сачук В. А., Киссер Т. С., Перевалова Е. В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб. : МАЭ РАН, 2022. 200 с.
50. Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб. : МАЭ РАН, 2021. 280 с.
51. Головнёв А. В., Киссер Т. С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы // Этнография. 2022. №3 (17). С. 6-32.
52. Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 142-148.
53. Горовиц Д. Л., Бараш Р. Э. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 2. С. 29-38.

54. Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара : Универс-групп, 2004. 448 с.
55. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003.
56. Джиошвили Э.А. Традиционные хозяйственные занятия и промысловый календарь Карельского Поморья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 53–61.
57. Джиошвили Э. А. Этнографические экспедиции А. М. Линевского в Карельское Поморье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 79-86.
58. Джиошвили Э. А., Кривоноженко А. Ф., Литвин Ю. В., Яловицына С. Э. Трансформации идентичностей жителей Арктических районов Карелии: первые гипотезы историко-социологического исследования (на материалах Лоухского района) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 1. С. 28-43.
59. Дианова Е. В. Музеи в контексте исторического краеведения Карелии : учебное пособие для студентов-историков : в 3-х ч. / Е. В. Дианова, К. А. Дианова. Петрозаводск, 2013.
60. Добыкина А. А. Религиозные нарративы в современных этнополитических проектах (на примере «поморской идеи») // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 222-231.
61. Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379-402.
62. Дранникова Н. В. «Капитанская деревня»: к вопросу о локальной идентичности жителей села Патракеевки Приморского района Архангельской области // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 5 (158). С. 88-94.

63. Дранникова Н. В., Морозова Т. Н. Промысловый календарь Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5 (142). С. 56-60.
64. Дубровская Е. Ю. Кузомень и Сорока: жители Терского берега и Карельского Поморья в годы военного лихолетья // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М. : Наука, 2022. С. 116-120.
65. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. 455 с.
66. Жуков А. Ю. История карелов Поморья и Беломорской Карелии в свете новых источников конца XVII-XVIII вв. // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. С. 46-58.
67. Жуков А. Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV-XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона : Сборник материалов международной научной конференции. - Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2005. С. 85-91.
68. Жуков А. Ю., Баданов В. Г., Кораблев Н. А. Промыслы и ремесла населения Карело-Кольского региона (XVII - конец XIX в.) // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2017. С. 57-96.
69. Забаев И. В. Логика анализа данных в обоснованной теории (Grounded Theory): версия Б. Глезера // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2011. № 32. С. 124-142.
70. Задорин М. Ю. Российские поморы и канадские метисы: этнография и право // Казанская наука. 2011. №9. С. 177-181.
71. Иванищева О.Н. Руссенорск как язык сотрудничества на Европейском Севере // Диалог культур. История и современность российско-норвежского

культурного сотрудничества: материалы международной научно-практической конференции, г. Мурманск, 19 апреля 2021 / Под. ред. Шевченко Н. А. Мурманск, 2021. С. 46-49.

72. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. – Петрозаводск : Периодика, 2001. 943 с.

73. История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г. Ф. Белошицкой / под общ. ред. И. А. Разумовой. Апатиты : КарНЦ РАН, 2013. 183 с.

74. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Филлипс ; пер. с англ. А. А. Киселевой. Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. 352 с.

75. Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 342 с.

76. Калхун К. Национализм / пер. А. Смирнова. М. : ИД «Территория будущего», 2006. 288 с.

77. Капитонова С. А. Основные этапы хозяйственного освоения Западного (Карельского) Поморья // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 4. С. 105-111.

78. Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон ; под ред. И. Штейнберга. СПб. : Алетейя, 2009.

79. Киселев А. Г., Онина С. В. Маркеры обско-угорского на страницах газет Ханты-Мансийского национального округа, Омской и Тюменской областей 1930-е - 1945 гг. // Вестник угроведения. 2020. № 3. С. 575-585.

80. Киссер Т. С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб. : МАЭ РАН, 2019. 371 с.

81. Кичангин В. М. Нюхча: к 90-летию организации колхоза «Беломор» сборник. [Б. м. : б. и., 2021]. 131 с.

82. Ковыршина Ю. И. Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря // Праздничные традиции и новации народов Карелии и

- сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2010. С. 154-199.
83. Комелина Н. Г. Промысловые обычаи жителей Зимнего берега Белого моря: по архивным материалам 1930-х гг. и экспедиционным записям 2007-2019 гг. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 1. С. 93-138.
84. Конкка А. П. Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 67-79.
85. Кораблев Н. А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск : Карелия, 1980. 128 с.
86. Кораблев Н. А. Эволюция административно-территориального устройства Карелии в XIII - начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1 (130). С. 12-17.
87. Кошечкин Б. И. Боже, дай нам ветра: кемские полярные мореходы. Петрозаводск : Карелия, 1992. 191 с.
88. Кошкина С. В. «Попустить мне-ка свой зычен голос...»: Синицына Зинаида Кирилловна : альбом-биография сказительницы Карельского Поморья. Беломорск : Центр поморской культуры, 2015. 39 с.
89. Кошкина С. В. Анна Григорьевна Трифонова - песенница и сказительница Карельского Поморья. Беломорск : Центр поморской культуры, 2016. 61 с.
90. Кошкина С. В. Вирма : очерк о старинном поморском селе. Петрозаводск : BAREA, 2012. 55 с.
91. Кошкина С. В. Иван Иосифович Отавин. Беломорск, 2016. 140 с.
92. Кошкина С. В. Краевед из Сумпосада: Иван Матвеевич Дуров. Беломорск : Центр поморской культуры, 2014. С. 98.
93. Кошкина С. В. Лапино. Петрозаводск : Петропресс, 2017. 399 с.
94. Кошкина С. В. Сорока - Беломорск, 1419-1938 : краеведческие записки, летопись. Петрозаводск : BAREA, 2012. 364 с.

95. Кошкина С. В. Сухое : (история древнейшего поселения Русского Севера - села Сухого Беломорского района Республики Карелия и его жителей). Петрозаводск : Барбашина Е.А., 2014. 301 с.
96. Кузьмин Д. В. История освоения Карельского Поморья (в свете языковых данных) // *Linguistica Uralica*. 2016. Т. 52, № 3. С. 179-194.
97. Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симпозиума / сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. С. 20-89.
98. Базарова Э. Л., Бицадзе Н. В., Огороков А. В. Культура русских поморов: опыт системного исследования. М. : Научный мир, 2005. 397 с.
99. Копанев В.Н. Эвакуация органов власти Карелии в 1941 году // Карельский фронт и Советская Карелия в годы Великой Отечественной войны. Сб. статей межд. научно-практической конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 37–45.
100. Кулясов И. П. Природопользование поморов: конфликт традиций и новаций // *Экология и жизнь*. 2008. № 12. С. 20-25.
101. Кундозерова М. В. Сюжетно-мотивный состав рун Матвея Коргуева в контексте карельской эпической традиции // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 3. С. 232-255.
102. Куропятник М.С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2002. №1. С. 161-173.
103. Курске В. С., Смирнова Т. Б. Этническая идентичность российских немцев в начале XXI в. (по результатам Всероссийского опроса) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. № 1. С. 160-177.
104. Кюршунова И. А., Гусева Е. Р. Карельское Поморье в лингвистическом контексте // *Научный диалог*. 2020. № 10. С. 62-95.
105. Лаврентьева А. Ю. Соловецкий форум: на пути к гражданскому обществу (1989-2012) // *Арктика и Север*. 2013. № 10. С. 61-73.

106. Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX - начале XX века. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 232 с.
107. Литвин Ю.В. Гендерное распределение трудовых обязанностей в карельской семье в конце XIX – начале XX в // Финно-угорский мир. 2010. №1. С. 35-39.
108. Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов / отв. ред. И. А. Морозов, И. С. Слепцова. М. : Индрик, 2019. 992 с.
109. Логинов К. К. Рыболовство Поморского села Нюхча // «Уведи меня, дорога» : Сборник научных статей памяти Т. А. Бернштам / под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман. СПб., 2010. С. 54-69.
110. Логинов К. К. Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008. С. 168-190.
111. Логинов К. К. Морские суда западного Поморья (второй половины XIX - начала XX вв.) // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. № 2 (16). С. 67-77.
112. Логинов К. К. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск, 2008. Вып. 1: Гуманитарные исследования. С. 90-103.
113. Логинов К. К. Этнолокальные группы Карелии // Малые этнические и этнографические группы : Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса / под ред. В. А. Козьмина. СПб. : Новая альтернативная полиграфия, 2008. С. 256-268.
114. Лукин Ю. Ф. Арктические проекты межрегиональной интеграции // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 14-32.
115. Лукин Ю. Ф. Ипостаси Беломорского Поморья, идентификация поморов // Арктика и Север / Arctic and North : сайт. URL:

https://www.arcticandnorth.ru/upload/medialibrary/f74/Pomorie_Oct_07.pdf (дата обращения: 15.06.2024). Текст : электронный.

116. Лурье С. В. В поисках новых форм самоидентификации русского городского населения (методология Grounded theory в практическом исследовании) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 88-105.

117. Лурье С. В. В поисках новых форм самоидентификации русского городского населения (методология Grounded theory в практическом исследовании). Статья 2. Стадия избирательного кодирования // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 151-162.

118. Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания (Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала) // Лурье Светлана Владимировна. Культурология и этнопсихология : сайт. URL: <http://svlourie.ru/metamorphosis-of-traditional-consciousness> (дата обращения: 15.06.2024). Текст : электронный.

119. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М. : НИЦ "Скрипторий", 1997. 386 с.

120. Малькова В.К. Этническая тематика в российском информационном пространстве // Коммуникология. 2014. №3. С. 101-117.

121. Малькова В. К. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 135-147.

122. Маслов Д. В. Локальные музеи и репрезентация этнической культуры алтайцев: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Маслов Денис Владимирович. М., 2017. 266 с.

123. Маслова Г. С. Историко-культурные группы русского народа // Народы европейской части СССР. М., 1964. С. 42-59.

124. Матвеев А. В. Мобилизация русской идентичности в конце XIX - начале XX веков (на материалах Вологодской губернии): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Матвеев Александр Валерьевич. М., 2011. 275 с.

125. Мельникова Е. А. Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 9-41.
126. Меншуткин В.В., Филатов Н.Н. Когнитивное моделирование влияния рыболовства на уровень жизни населения Беломорья // Труды КарНЦ РАН. 2019. №9. С. 145-154.
127. Михайлова Е.А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №4. С. 130-144.
128. Михалева А. В. Этнокультурное измерение регионального позиционирования Архангельской области // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 4 (24). С. 4-19.
129. Морозова Т. Н. Современное состояние промыслового фольклора Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 81-84.
130. Муллонен И. И. Карельский след в топонимии Поморского берега Белого моря // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 2. С. 231-247.
131. Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. 912 с.
132. На пути к переписи / под ред. В. А. Тишкова. М. : ОАО «Авиаиздат», 2003. 303 с.
133. Напольских В.В., Соколовский С.В., Абашин С.Н., Истомин К.В., Функ Д.А. Дискуссия по книге А. А. Сириной «Эвенки и эвены в современном мире. Самосознание, природопользование, мировоззрение» (М., 2012) // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 193-220.
134. Нахшина М. Н. Поморы Терского берега: перспективы историко-культурного исследования // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 38-49.

135. Обсуждение доклада В. А. Тишкова «О феномене этничности» // Этнографическое обозрение. 1988. № 1. С. 31-49.
136. Огнева О. Праздники и будни = Pyhat da arret : карельский народный календарь / О. Огнева, А. Конкка. 2-е изд., испр., доп. Петрозаводск : Verso, 2013. 336 с.
137. Очерки истории Карелии / отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1964. Т. 2. 615 с.
138. Паин Э. А. Этничность, нация и политика. Критические очерки по этнополитологии. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 392 с.
139. Перевалова Е. В., Киссер Т. С. Таймыр: этнопроекты и лидеры // Этнография. 2021. №2 (12). С. 167-193.
140. Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
141. Перехвальская Е.В. Русские пиджины. М. : Директ-Медиа, 2014. 502 с.
142. Пивнева Е. А. «Природу в квартиру не запихнешь»: о некоторых этнических маркерах у обских угров г. Ханты-Мансийска // Социальная антропология города / под науч. ред. Е. А. Окладниковой. СПб. : Л-Принт, 2018. С. 57-70.
143. Пивнева Е.А. Постсоветские практики (вос)производства этничности у коренных народов Западной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 10-й междунар. науч. конф., посвящ. тридцатилетию Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 2–4 декабря 2020 г.). Вып. 10 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул : АлтГПУ, 2020. С. 60-65.
144. Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995-2001. Новосибирск : Изд-во Новосибирского государственного университета, 2003. 143 с.
145. Покровская И. П. Административно-территориальные изменения в Карелии за 1920-1957 гг. Петрозаводск : КФ АН СССР, 1960. 40 с.

146. Полещук С. Преодолевая практику cherry picking: аналитический путь от 100 часов интервью до диссертационной главы // Практики анализа качественных данных в социальных науках / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; отв. ред. Е. В. Полухина. М. : ИД Высшей школы экономики, 2023. С. 164-199.
147. Поморский вопрос: приложения, документы, проекты // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 59-72.
148. Поправко И. Г. Татары Томской области: факторы формирования и маркеры этнической идентичности : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Поправко Ирина Геннадьевна. Томск, 2010. 266 с.
149. Пыжова А. Н. Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 1-8. URL: https://narfu.ru/en/research/journals/ann_new/article_index_years.php?ELEMENT_ID=36507 (дата обращения: 13.01.2022). Текст : электронный.
150. Разумова И. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом интернете» России / И. А. Разумова, О. А. Сулейманова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2. С. 114-122.
151. Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2007. № 21. С. 5-21.
152. Репневский А. В., Нильсен Й. П., Тевлина В. В. Консулы, купцы, поморская торговля и руссенорск // Сближение : Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / под ред. Й. П. Нильсена. М. : Весь Мир, 2017. С. 170-209.
153. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М. : ИД Высшей школы экономики, 2012. 381 с.
154. Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче) / изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски ; под общ. ред. Е. В. Гиппиуса. Петрозаводск : Карелия, 1980. 220 с.

155. Русские : монография / И. В. Власова, В. А. Александров, М. Н. Шмелев [и др.] ; отв. ред.: В. А. Александров [и др.]. М. : Наука, 1997. 828 с. (Серия «Народы и культуры»).
156. Русские заговоры Карелии / науч. ред. Н. А. Криничная ; сост., вступ. ст., примеч. Т. С. Курец. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. 275 с.
157. Русские народные песни Поморья : для пения (соло, хор) без сопровождения / сост. и собир. С. Н. Кондратьева. М. : Музыка, 1966. 281 с.
158. Русские народные песни Карельского Поморья / сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л. : Наука, 1971. 452 с.
159. Русские народные песни Поморья / сост. С. Н. Кондратьева. М. : Музыка, 1966. 269 с.
160. Русские народные сказки Карельского Поморья / сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск : Карелия, 1974. 423 с.
161. Русский Север: к проблеме локальных групп / РАН, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) ; ред.-сост., авт. введения Т. А. Бернштам. СПб. : МАЭ РАН, 1995. 320 с.
162. Рыжков А. М. Языковые идеологии и конструирование карельской этничности // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 139-155.
163. Саарикиви Я. История карельского языка // Народы Карелии : историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск : Периодика, 2019. С. 45-56.
164. Савватеев Ю. А. Я. А. Балагуров: ученый, педагог, общественный деятель // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 1. С. 83-115.
165. Семушин Д. Л. «Поморский вопрос» и Русская Арктика : сборник статей / под ред. М. А. Колерова. М. : ИД «РЕГНУМ», 2013. 256 с.
166. Сказки карельского Беломорья / Карельский научно-исследовательский институт культуры ; под общ. ред. М. К. Азадовского, Б. А. Ларина, И. И. Мещанинова [и др.]. Петрозаводск : Карельское государственное издательство, 1939. 320 с.

167. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили [и др.]. М. : Праксис, 2004. 464 с.
168. Соколовский С. В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5-22.
169. Соколовский С. В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2005. Вып. 11. С. 144-167.
170. Соколовский С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. 152 с.
171. Соколовский С. В. Образы других в российских науке, политике и праве. М. : Путь, 2001. 235 с.
172. Соколовский С. В. Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 3-17.
173. Соколовский С. В. Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации. М. : ИЭА РАН, 2016. 69 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии).
174. Солёная судьба: материалы к биографии сказочника-помора Ф. Н. Свинына / сост. А. С. Лызлова. Петрозаводск : Барбашина Е.А., 2024. 256 с.
175. Социально-экономические проблемы Карельского Прибеломорья / Отдел экономики КарНЦ РАН ; отв. ред. О. А. Суворов. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1992. 95 с.
176. Становление и генезис кряшенской идентичности: монография / под. ред. Р. Р. Исхакова. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 240 с.
177. Степанов В.В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп // Исследования по прикладной и

неотложной этнологии. №145 / отв. ред. Тишков В.А., ред. Лопуленко Н.А., Мартынова М.Ю. М. : ИЭА РАН, 2001. 36 с.

178. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14 : Психология. 2009. № 2. С. 3-17.

179. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники / пер. с англ. Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 254 с.

180. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск : Поморский университет, 2004. 272 с.

181. Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 6-25.

182. Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5-22.

183. Тишков В. А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72-92.

184. Тишков В. А. Реквием по этносу : исследования по социально-культурной антропологии / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 2003. 542 с.

185. Тишков С. В., Каргинова В. В., Савельев Ю. В., Щербак А. П. Состояние и перспективы развития рыбохозяйственного комплекса Республики Карелия // Вопросы рыболовства. 2016. №2. С. 182-188.

186. Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника : каталог / вступ. ст. и сост. каталога Г. А. Григорьева. Архангельск : Изд-во «Правда Севера», 2000. 280 с.

187. Тлостанова М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 191-217.
188. Ткаченко А. А., Корюхина А. В. К проблеме ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 122-132.
189. Токарев С. А. Этнография народов СССР : исторические основы быта и культуры. М. : Изд-во Московского университета, 1958. 615 с.
190. Традиционная культура поморов Белого моря : истоки и современность / авт.-сост. В. А. Васильев, И. Г. Ильина, С. В. Кошкина. Петрозаводск : Периодика, 2019. 160 с.
191. Традиционная хореография и народные игры Западного побережья Белого моря / сост. Г. В. Емельянова, Ю. И. Марченко, Е. В. Самойлова ; отв. ред. С. В. Подрезова. СПб., 2023. 544 с.
192. Традиционные песни Беломорья / сост. В. А. Васильев. Кухмо ; Петрозаводск : Keuruskorpio Oy, 2014. 57 с.
193. Тулаева С. А. Поморская идея: возникновение и развитие // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 3-17.
194. Тулаева С. А., Немировская А. В. «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27, № 1. С. 216-246.
195. Филин П. А., Трибунский В. П., Фризин Н. Н. Традиции природопользования поморов Зимнего берега Белого моря на рубеже XXI века / П. А. Филин, // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 4. С. 179-190.
196. Филин П. А. Традиции морского рыболовства поморов Терского берега Белого моря в XV-XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. М., 2002. 303 с.

197. Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. М. : ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 300 с.
198. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М. : Наука, 1985. 256 с.
199. Шабаев Ю. П. «Бунтующая этничность» на Европейском Севере России // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 95-104.
200. Шабаев Ю. П. Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте Европейского Севера РФ и в этнополитике // Человек. Культура. Образование. 2016. № 3 (21). С. 295-320.
201. Шабаев Ю. П. Коми-ижемцы, поморы и устьицлемы: модели культурных трансформаций / Ю. П. Шабаев, Т. И. Дронова, В. Э. Шарапов // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134-151.
202. Шабаев Ю. П., И. Л. Жеребцов, П. С. Журавлев. «Русский Север»: культурные границы и смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134-153.
203. Шабаев Ю. П., Задорин М. Ю. Поморский диспут // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году : ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2013. С. 177-181.
204. Шабаев Ю. П., Садохин А. П. Новые этнополитические конструкты в региональной практике современной России // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 62-70.
205. Шендакова В. А. Кондратий Яковлевич Игнатъев - основатель Беломорского музея // Музеи Республики Карелия : методический дайджест. Петрозаводск, 2021. Вып. № 2. С. 63-68.
206. Шнирельман В.А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М., СПб.: Нестор-История, 2024. 624 с.

207. Шнирельман В. А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8-26.
208. Шнирельман В. А. Социальная память – вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М. : РАН, 2018. С. 12-34.
209. Шрадер Т.А. Взаимовлияние культур русских и норвежцев в период поморской торговли (XVIII-XIX вв.) // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 141-147.
210. Эпштейн Е. М. Биограф карельского края : очерк о жизни и деятельности профессора Я. А. Балагурова. Петрозаводск : Карелия, 1980. 96 с.
211. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2018. 561 с.
212. Этничность и религия в современных конфликтах : монография / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М. : Наука, 2012. 651 с.
213. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. С. Кондратьев, А. А. Сусоколов. М. : Наука, 1984. 253 с.
214. Яскеляйнен Е. И. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX - первой половины XX вв. в коллекции музея «Киж» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 80-125.
215. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Oslo : Universitetsforlaget ; Boston : Little, Brown and Co., 1969. 153 p.
216. Böhm A. Theoretical Coding : Text Analysis in Grounded Theory // A Companion to Qualitative Research / U. Flick, E. Kardorff, I. Steinke. London : SAGE Publications, 2004. Pp. 270-275.
217. Chandra K. Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press, 2012. 520 p.
218. Dzhhioshvili E. Analytical Coding of In-Depth Interviews for Studying the Identities of Karelian and Pomor Women / E. Dzhhioshvili, J. Litvin // Integration

Processes in the Russian and International Research Domain : Experience and Prospects. 2022. № 7 (3). Pp. 55-61.

219. Eriksen T. H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London ; Sterling ; Virginia : Pluto Press, 1993. 179 p.

220. Glaser B. G. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research / B. G. Glaser, A. L. Strauss. Chicago : Aldine Publishing, 1967. 271 p.

221. Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley : University of California Press, 1985. 697 p.

222. Jenkins R. Rethinking Ethnicity. London : SAGE Publication, 2008. 207 p.

223. Potter J. Discourse and Social Psychology. Beyond Attitudes and Behaviour / J. Potter, M. Wetherell. London : Sage, 1987. 216 p.

224. Pyzhova A. Identity and Regional Culture: The Case of the Pomor People in Arkhangel'sk Region, Russia : Master's Thesis / Pyzhova Anna ; Faculty of Humanities, Social Sciences and Education University of Tromsø. 2011. 86 p.

225. Shaw M. «The Sea is Our Field»: Pomor Identity in Russian Ethnography / M. Shaw, N. Wahnsiedler // Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond / D. G. Anderson, D. Arzyutov, S. Alymov. Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2019. Pp. 349-388.

226. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford : Blackwell, 1986. 312 p.

227. Strauss A. Basics of Qualitative Research : Grounded Theory Procedures and Techniques / A. Strauss, J. M. Corbin. Newbury Park : Calif, 1990. 270 p.

228. The Invention of Tradition / E. J. Hobsbawm, T. Ranger (eds). Cambridge University Press, 1983. 320 p.

229. Torfing J. Discourse Theory : Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics / D. Howarth, J. Torfing. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2005. P. 1-32.

230. Wahnsiedler N. The Pomory : Dimensions of a Contested Identity on the White Sea Coast : Ph. D. Thesis / Wahnsiedler Natalie. University of Aberdeen, 2019. P. 169.

231. Wimmer A. Ethnic Boundary Making : Institutions, Power, Networks. Oxford University Press, 2013. 293 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- АГВ – Архангельские губернские ведомости
- АКССР - Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика
- АОИРС - Архангельское общество изучения Русского Севера
- БТ – Беломорская трибуна
- ИА – информационное агентство
- ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
- КАССР – Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика
- КГКМ – Карельский государственный краеведческий музей
- КНИИ – Карельский научно-исследовательский институт
- КНИИК – Карельский научно-исследовательский институт культуры
- КРОО – Карельская региональная общественная организация
- КТК – Карельская трудовая коммуна
- НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук
- НА РК – Национальный архив Республики Карелия
- НМ РК – Национальный музей Республики Карелия
- ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
- ООО – общество с ограниченной ответственностью
- прп. – преподобный
- СБ – Советское Беломорье
- св. – святой
- СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения
- СМИ – средства массовой информации
- СОШ – средняя общеобразовательная школа
- ФА – Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН
- ФАП – фельдшерско-акушерский пункт
- ЦКС – Центр культуры и спорта г. Кемь

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Карты

Карта 1. Побережье Белого моря в административных границах Республики Карелия

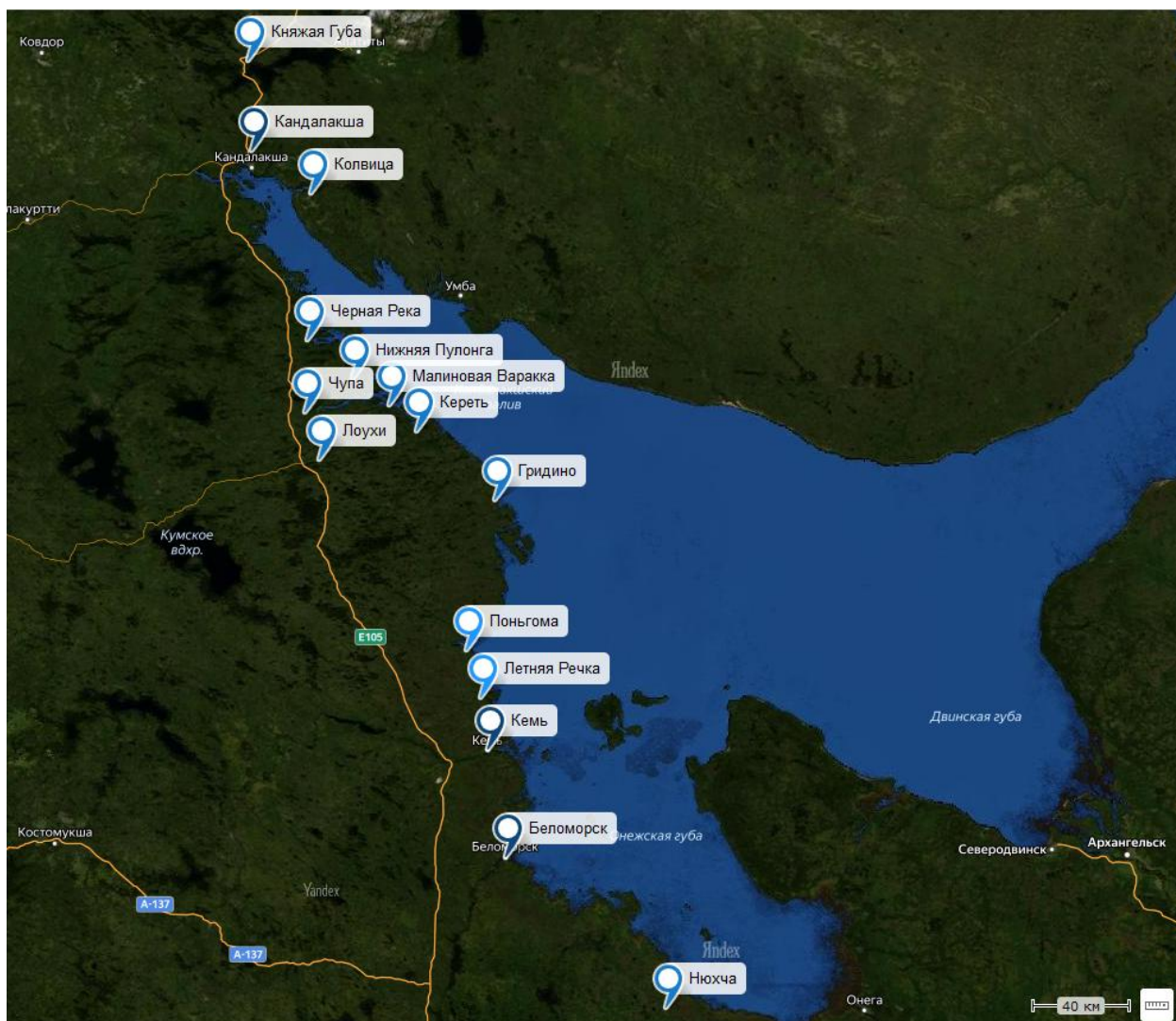


Сост. Э.А. Джиошвили, Ф.С. Герасимов

¹ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. 144 с.



Карта 3. Сбор полевого материала автором во время выездов в 2020-2023 гг.



Сост. Э.А. Джиошвили

Карта 4. «Где живут поморы». Метонимическая карта поморских поселений согласно представлениям информантов.



Сост. Э.А. Джиошвили, Ф.С. Герасимов

Карта 5. Карта-схема берегов Белого моря вт. пол. XIX – нач. XX вв.



Источник: Интернет-ресурс «Кольский Север»²

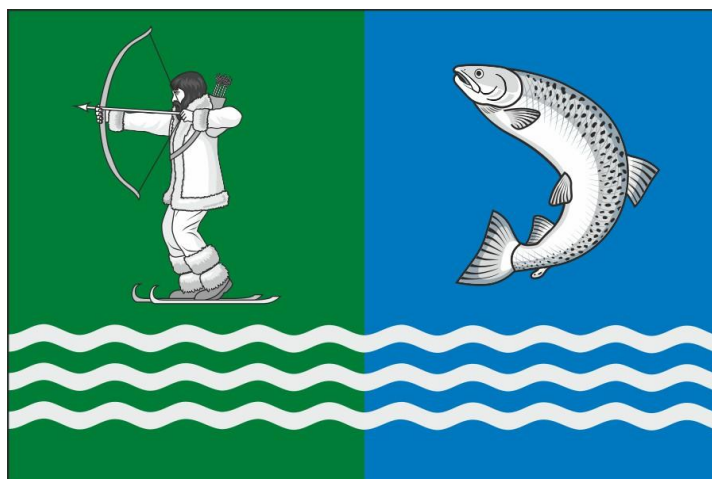
² Кольский Север: энциклопедический лексикон. Просветительский центр «Доброхот», 2013 [Электр. ресурс] / URL: <https://clck.ru/rfv9g>. (дата обращения: 14.07.2023).

Официальная символика приморских районов Карелии

1. Беломорский район

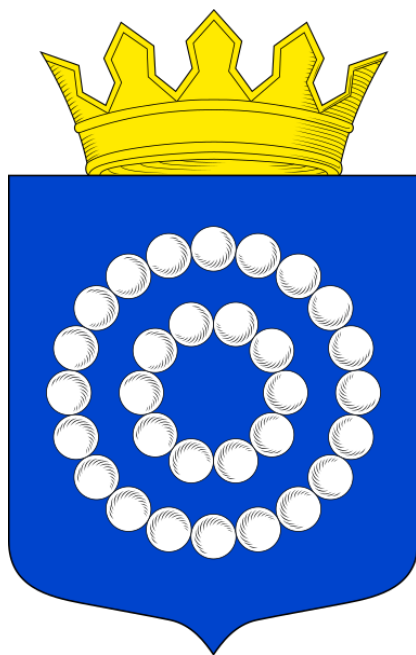


Герб муниципального образования «Беломорский муниципальный район»

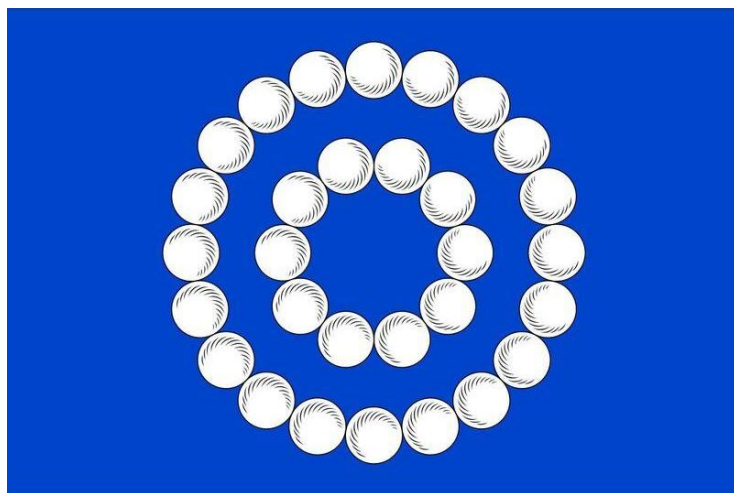


Флаг муниципального образования «Беломорский муниципальный район»

2. Кемский район

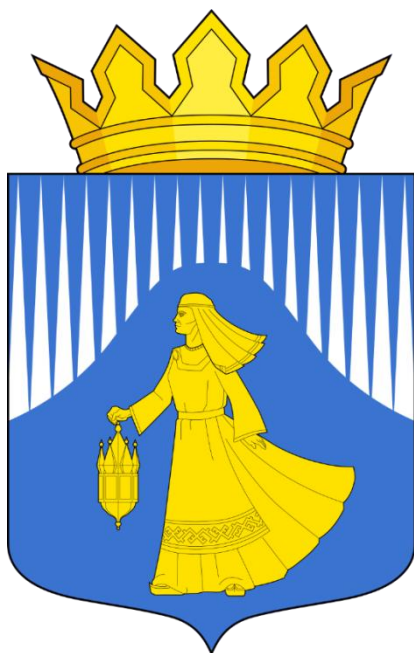


Герб муниципального образования «Кемский муниципальный район»

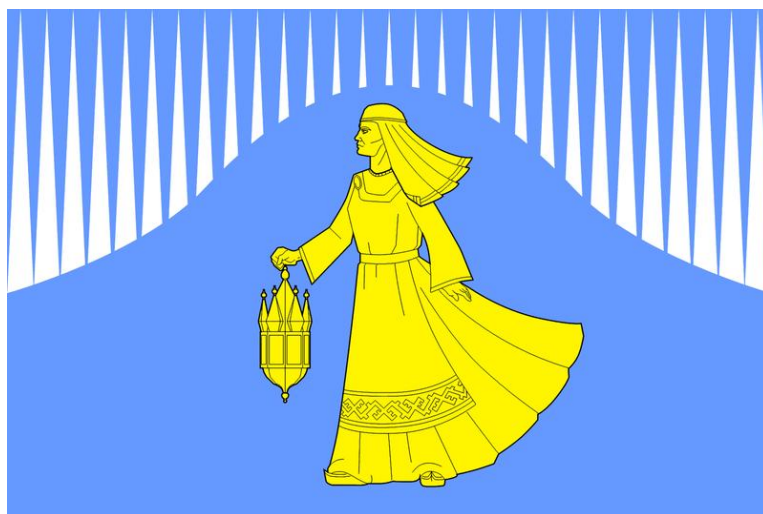


Флаг муниципального образования «Кемский муниципальный район»

3. Лоухский район



Герб муниципального образования «Лоухский муниципальный район»



Флаг муниципального образования «Лоухский муниципальный район»

Примеры цитат информантов из корпуса интервью по кодам:

1) Код «поморы – это...»:

Муж., 1981 г.р., Кемь

Я считаю, что, ну, поморов следует считать тех, кто как бы допустим живет морем, кормится от моря и поддерживает вот эту культуру. Пусть он даже может там и не рыбачит, но он там... Они же поморы были разные, кто-то там был капитанил, а кто-то там сети допустим сажать, то есть может он просто там и не занимается рыбой, но он капитан допустим, он тоже помор получается, то есть капитанит на судне каком-то, или еще кем-то там, допустим, занимается чем-то таким. Но всё-таки больше, наверное, стоит склоняться к традиционному образу жизни поморскому, и кто ближе к этому образу, тот больше и помор, так скажем, вот так вот, кто поддерживает вот эти вот промыслы, какие-то, ещё что-то, тот в большей степени помор. Вот так, наверное.

Жен., 1957 г.р., Гридино

Тот, кто зарабатывает себе на жизнь ловлей рыбы и добычей морского зверя.

Жен., 1967 г.р., Беломорск

Быть помором, ну конечно, уважать традиции, чтить, родителей уважать, знать все всю свою родословную, как бы, ну вот... Все, что связано с морем, понимать, что помор помору говорит, вот этот вот язык понимать, наверное.

Жен., 1959 г.р., Кемь

Тот, кто живет, на побережье Белого моря не менее 10 лет, кто ходит именно в море на рыбалку, кто именно поморскую кухню чтит, кто историю поморов изучает, и кто, наконец, пытается изучать поморскую говорю. Что очень трудно теперь, потому что старые люди, те, кто хорошо говорил, общался

именно на таком говоре, поумирали, в общем-то. А молодые, они же все русский-русский.

Муж., 1966 г.р., Черная Речка

Помор народности нет, есть русские, финны, карелы. Карельская народность есть. Поморы, это так уж, название, что мы по морю живем и все.

Жен., 1954 г.р., Колвица

Если честно, я не знаю... Раньше я думала поморами называют, так наверное с моря прибыли, и у моря живут, а на самом деле я не знаю.

Жен., 1962 г.р., Беломорск

Вот как вот этнос, ее нет же. Поморы, это как бы люди, которые проживали, да, по берегу моря. Мне кажется, что, во-первых, они такие волевые, отважные, поморы. Потом же с морем связано. Должна быть деятельность, там рыбалка, например, да, все равно что-то с морем связано. И которые проживают. Поморы вообще люди такие, даже женщины-поморки, очень отличаются, от женщин там южных районов. Потому что, когда мужья уходили в море, они же весь дом на себе. И они имели равные права с мужчиной.

Муж., 1966 г.р., Гридино

Поморами? Ну вот стоят здесь, всю жизнь поморы. Ну я не знаю, у кого предки. <...> Тут есть приезжих много, Масиенки, Поттиенки, те не поморы. Ну они напополам, может быть они местные, ну а нас-то [можно назвать], мы местные.

Жен., 1966 г.р., Кемь

Местные наши жители говорят, что поморами могут считаться те, которые в четвёртом минимум поколении поморы. Именно жили здесь в Кеми, именно занимались вот этим промыслом рыболовецким.

Жен., 1935 г.р., Княжая Губа

Я вот считаю, что как казачество – там тоже не национальности. Нет национальности, что ты казак. Ты можешь кто угодно быть, хоть забайкальские – они все скуластые, забайкальское казачество, или терские, или кубанские казаки. Это образ жизни. Вот у нас тоже. Человек не на пашню свою шел работать, а в лодку, которое, может быть, даже сам сшил, и отправлялся. Это, во-первых, труд артельный. Значит надо было выживать сообща. Вот если надо на путину, собиралась артель, и попался человек вздорный, скандальный, вороватый. Больше второй раз его никто не пригласит. Вот если украл в те давние времена, значит, ты вор, заваруйка. И жена – эта тоже заваруйкина, и дочь заваруйкина, и собака-кошка заваруйкина. Все, на целое поколение. Попробуй засватай, и посватайся к кому-нибудь, и попробуй попади в хорошую артель. Попадешь, где лентяи или отпетые. Поэтому люди учились выживать, и в лесу. И потом – труд на воде. Это же экстрим. Сколько на льдинах уносило поморов во время зверобойного промысла, сколько в шторм погибало. Они уходили – и даже семья не знала, вернется он или нет с этой путины. Это охотники, потому что у всех были ружья. Дроблейка ходила по домам, дробь лили. Если мужчины были в семье. Вот такой образ жизни. В лесу работали, охотники, в море – рыболовы, и это совершенно другое. Плюс достоинство надо иметь. Нужна была смелость, обязательно, потому что труса тоже никто не возьмет в следующий раз. Потом, нужно быть в артели, обязательно были люди, которые... Смотрите, раньше же не было ни радио, ни телевизора, ни газет, люди же выживали. Значит, кто-то былины им пел, кто-то старины пел, кто-то сказки рассказывал. Кто-то вообще врал что-нибудь. Байки всякие, о жизни там, о теще, о соседке-о бабке-о дедке. Вот таких людей старались брать. [...] Это человек мог точно сказать, под каким берегом, в какое время какая рыба пойдет. ... Это люди были толковые, это люди были одаренные от природы. Я сама прошла через это все, с бабушкой приходилось, она внушала мне, ну по ее отношению, когда я что-нибудь скажу, она «Ой, не знаешь, так не говори». То есть это были люди

настоящие, не пустяковые. [...] Тогда определенный образ жизни был такой. Ну вот я помню свое детство. Как, наверное, киргизов в седло сажали, так мы за весла. [...] Переходим на свой диалект поморский, как мы называем предметы и места. Мы не говорим "якорь", говорим "ты выбрось дрег", наволоок, мыс...

– Вы еще вчера говорили, что вас не укачивает.

– Нет. И не только меня, сестру мою, детей моих не укачивает. А вот этих вот [соседских детей-«не поморов»], их все время надо было за шиворот держать. Травило, море бьет.

Жен., 1960 г.р., Княжая Губа

Я скажу про Княжую Губу. Здесь люди живут со стержнем, я всегда так говорю. Они немногословные, но твердые, понимаете. Потом, они живут, не выпячиваясь, они живут и живут. Они вот вроде и добрые, гостеприимные, но у них твердость характера какая-то есть, и в то же время сдержанность. Как-то вот они хозяева своему слову. Но это правда, мне кажется поморы они такие. Им некогда было вести какие-то разговоры, подолгу сидеть. У них были дела, и в этом, мне кажется, закалялось все. Рыбная ловля, это же нелегкое дело по тем временам было. О чем там много болтать? Надо делать, чтобы семью прокормить. У нас же тоже, я помню отец – не было такого, что сидит что-то рассказывает, он просто делает. [...] Поморы – это люди, которые живут на побережье, по-моему, это так. Помор, море.

Жен., 1962 г.р., Княжая Губа

Я считаю, что поморы это те, которые постоянно тут живут. Если ты уже уехал, и ты живешь в городе, и сюда не очень редко приезжаешь, то мне кажется уже это понятие стирается. Поморы, вот я могу сказать – тетя В.Б. Я бы сказала, что она поморка. Потому что она и патриот своей родины, и К. патриот, он молодец, настолько, что краевед до мозга костей. А дети у нас уже все, это как-то стирается.

Муж., 1956 г.р., Кемь

Смотрите, раньше я думал так, что поморы, наши предки пришли сюда бог знает, когда. Но в Гридино вы были, вам говорили, что разделяется, поближе к морю – это Варница район, мы подразумевали, что, скорее всего, там стояла варница, там варили соль. И, возможно, от Соловецкого монастыря поставили там две семьи, которые занимались там этой варкой соли. А потом они вот создали деревню. Но сейчас я думаю немножко по-другому, потому что, наверно, все-таки помор – это тот, который живет в море. Неважно, кто его предки были, украинец или узбек. Но узбек – это, конечно, такого не бывает, но я, конечно, образно говорю. А если он живет, его образ жизни связан с морем, морем живет. К сожалению, за последнее время, это произошло на моих глазах, поморская культура, поморский образ жизни практически исчез. Стремительно это произошло в начале девяностых годов. Даже в конце восьмидесятых, может быть. [...] Экономика, связанная с морем, разрушена. Раз разрушена экономическая деятельность с морем, то и такой вид этнической группы, назовем, как поморы, их компактное проживание, их речь, замкнутость, она исчезла, и она, все, растворится.

Жен, 1937 г.р., Княжая Губа

Поморы, я думала, что это национальность когда-то. А это не национальность, это люди, которые устраивали свою жизнь по берегам морей. Архангельск, Белое море. Вот они от этого пошли поморами. Что они селились по берегам морей.

Жен., 1967 г.р., Лоухи

Преданность своему краю, вот это вот «море наше поле», с морем связывать жизнь свою и обычаи, традиции предков передавать.

Муж., 1989 г.р., Чупа

В моем понимании поморы – если ты питаешься морем, ловишь рыбу и живешь на побережье. Ну они, в принципе, все поморы, потому что живут на побережье. Кто занимается промыслом, наверное, может сказать, что он помор.

– А Чупу вообще можно назвать поморским поселением?

– А почему нет? Изначально колхозы стояли, все ловили рыбу и за счет моря все питались.

Жен., 1951 г.р., Поньгома

– Можно сказать, что любой житель Поньгомы – это помор?

– Тут не все теперь, не все. У нас осталось уже таких коренных жителей, это немного. Тут уже в основном есть приезжие.

– То есть поморы – это коренные жители в этой деревне?

– Да-да-да.

– То есть те, кто здесь родился, у кого родители отсюда. А если, например, здесь родился, но не занимался, допустим, если не был связан с морем, то как бы всё равно помор?

– Да наверное. Вот вам надо в Гридино съездить. Или в Калгалакшу. Там же тоже.

– Там поморы?

– Там, наверное, есть ещё стариков. Постарше.

Муж., 1974 г.р., Гридино

– Кого сейчас можно назвать помором?

– Не знаю, кто наверное у моря живет.

- Только живет, или нужно в море выходить, ловить рыбу, заниматься этим?
- Ну это да. Но если кто у моря живет всю жизнь, тот наверное с закрытыми глазами с этим справится.

Жен., 1950 г.р., Кемь

Есть многие гридинские поморы, калгалакшские, поньгомские, они все ведь, деревни тоже уже опустели, они все выехали в основном в Кемь. Так что, хватает.

- А современные поморы, это кто, кого вы можете назвать помором сейчас?
- А., она гридинская, такая настоящая поморка, которую я хорошо знаю. Потом ещё Л., тоже из Гридино. Потом ещё не надо забывать династии рабочеостровские, там тоже поморы, которые на Рабочем острове всю жизнь прожили. <...>
- Для вас, получается, поморы, это выходцы с поморских деревень?
- Вот с этих поморских деревень, но не забывайте, у нас ещё Сумпосад, Вирма, ну Нюхча, я не знаю, там что-то карельское уже. А вот Сумпосад, Беломорск, Вирма, там тоже поморы живут. В Беломорске много поморов, когда-то была столица поморов. У меня Р. зять был, старшая сестра была замужем за Р. из Беломорска, у них целая династия капитанов была.
- А сейчас те, кто уже родился не в деревнях, а вот в городе, например, их можно поморами назвать?
- Вопрос стоит в том, что помор, это в первую очередь тот, кто любит море. Есть вот кто ходит, но я считаю, что ездят, не ходит, чтобы урвать рыбы, продать, и всё. Это не поморы. <...> А вот те, которые любят море, вот есть у нас В. Я его считаю помором. Может быть у него корни русские, где он родился я не помню, но он любит ездить в Калгу, он любит находиться в море. Раньше вот они ходили в походы. Вот понимаете, именно походы по Поморью. <...> Вот такого типа я признаю, вот в настоящее время, что это помор.

Которые хотят улучшать, а не ухудшать обстановку Поморья. Вот которые наоборот что-то усовершенствовать хотят, какую-то лепту вносят. Есть ребята, я знаю, которые домики [туристические] строят с Рабочего острова, вот видеть я видела, здороваемся в море, но я не знаю кто это такие. Вот я считаю, что те, которые обустривают, которые думают как поморы, вот как в старину думали, вот я-то уйду, а после меня останется.

2) Идентификация как помор/поморка (код: «ПИ механизм да»)

Жен., 1975 г.р., Беломорск

Ну, сказать, что национальность «помор», это не национальность, в любом случае, национальность у меня русская, и поморы это выходцы все-таки русские, поэтому русский. Ну если какая-то галочка будет «этническая группа» или принадлежность, то с гордостью напишу, что поморка я, и говорю об этом с гордостью. На сегодняшний день, я думаю, что так и останется, после того, как я себя вот поняла, и поняла свои корни, всё-таки узнала, уже потом, хоть спустя время стала расспрашивать, и я знаю, что я поморка и этим горжусь.

Жен., 1967 г.р., Беломорск

Да, я считаю, я считаю [улыбается]. На море выросла, все воспоминания оттуда, на кладбище все наши родственники в Сухом, всё связано вот с этим.

Жен., 1942 г.р., Нюхча

Я считаю себя, в общем-то, поморкой. Потому что у меня кровь поморская во мне бежит.

Муж., 1954 г.р., Нюхча

Я если родился в Нюхче и уехал сразу в Мурманск, и приехал только через 50 лет — я [нюхоцкий] не считаюсь, хоть здесь уже 20 лет живу, нет, я не нюхоцкий. У них тут строго вообще-то с этим делом. И чтобы стать нюхоцким, ну, может годам-то к 90 я стану нюхоцким. Так что, нюхчане такой народ,

поморы вообще такой народ. Кстати, своеобразное такое отношение, мы тут вот... Ну как это казачество. Нет, мы не мужики, мы казаки. А мы поморы, не мужики. Хотя к русским нормально, то есть русские [поморы], но мы поморы, отдельные какие-то, вот такое тут еще.

– То есть вы можете себя назвать помором?

– Я да, но все равно они меня не считают. Вернее, так, помором может и считают, вот в море я хожу, они знают, но нюхчанином не считают.

Муж., 1948 г.р., Нюхча

По родителям-то, по деду. Чистый помор.

– А дед у вас чем занимался?

– Рыбак. В 1942 под Лоухами эшелон бомбили, их везли на Мурманск рыбачить на треску. Деда в руку ранило. <...> Там рыбачил, а потом уже здесь мережи делал. Он в 53 году умер,

Муж., 1963 г.р., Малиновая Варакка

– А поморы, вы говорите, что у вас сосед называет себя помром?

– Я с ним сильно не общаюсь, но он считает себя помором, потому что у него родители с Сонострова, а Соносров это поселок или деревня на берегу Белого моря, и они считают что раз на берегу Белого моря, значит поморы.

Муж., 1989 г.р., Чупа

– А вы себя считаете помором?

– Не знаю [улыбается]. В моем понимании поморы – если ты питаешься морем, ловишь рыбу и живешь на побережье. Ну они в принципе все поморы, потому что живут на побережье. Кто занимается промыслом, наверное, может сказать что он помор.

– А Чупу вообще можно назвать поморским поселением?

– А почему нет? Изначально колхозы стояли, все ловили рыбу и за счет моря все питались.

Жен., 1955 г.р., Поньгома

– А сейчас вот еще живут поморы в деревне?

– Ну, как бы вот, Н. тоже поморка, считайте. Ну, мама у нее из Беларуси. А папа, да.

– А папа местный?

– Папа, да.

Жен., 1957 г.р., Поньгома

Я поморка, мы поморы, мы же на море. Я сама за рулем ездила на моторе.

Жен., 1950 г.р., Кемь

Я чистокровная поморка. У меня даже есть в роду, мой прадед, или прапрадед, раньше же ходили пешком, он ходил в Норвегию.

Жен., 1955 г.р., Летняя Речка

Я не знаю, мне кажется, это в крови. Я не могу это сказать, это надо чувствовать. Я не могу не хвастаться, ничего...

– А вот если спросят, поморка, не поморка?

– Когда была перепись населения, я написала, что я поморка.

– А если ещё посмотреть по степени значимости, лично для вас, быть поморкой, быть русской, быть россиянкой, что для вас ближе?

– Быть поморкой. Вы знаете, дело в том, что мне сыновья говорят, «Мам, давай купим тебе домик». Они знают, что я люблю ковыряться в земле. Где-нибудь, чтобы подъезд был, чтобы на машине могли подъехать. Я так примерно прикинула, там нет моря, это раз, там нет этого, там нет этого, нет, ребята. Никуда я из этой деревни не пойду, для меня это все. Для меня это все.

3) Не идентифицирую себя как помор/поморка (код: «ПИ_механизм_нет»)

Жен., 1957 г.р., Гридино

Нет конечно, какая я поморка, я же не зарабатываю рыбной ловлей. Сколько лет рыбу ловила, но я не знаю... Дедушка помор, бабушка помор, а мама уже нет. Она же в деревне с 16 лет практически не жила. Ну маленький период, когда брат с сестрой рождались, они здесь прожили год или два, и все.

– И соответственно, ваши дети тоже?..

– Естественно, какие они поморы. Я внуку говорю, давай будем поморский язык учить, давай. На одном слове зациклились и дальше дело не пошло.

Муж., 1974 г.р., Гридино

– Допустим, вот тут были переселенцы из Карелии, как мужчины, так и женщины. Их можно тоже считать поморами, если они тут селятся и продолжают жить?

– Да нет, наверное. Нет, наверное.

– А если не карелы, а русские, просто с отдаленных деревень?

– Так тоже самое, наверное.

Жен., 1947 г.р., Нюхча.

– А вы себя можете поморкой назвать?

– Даже нет, не.

– А почему?

– Даже не знаю.

– А кто для вас поморы?

– Настоящий помор-то? Вот К. помор тот конечно, он на море все время был. Женщины, которые на море были, работа которых связана с морем. Я-то не связана с морем была. Да, родилась [тут], но что-то... По другой профессии я работала. И что-то я в хор не ходила, туда, к женщинам, не пела не ходила. И вообще, с женщинами я мало тут, только семья. А поморы-то есть тут, О., там в Малом Посаде, так вот она тоже поморка. Она на море, рыбачила, с мужиками в бригаде. [Папа] да, конечно, конечно, да. И мама тоже может поморкой была. Но тогда не задавали, вот, ты помор ли что ли? Оно как-то редко это слово было всегда. Хотя они поморы, действительно, поморы.

Муж., 1958 г.р., Нижняя Пулонга

Дак поморы все, кто, ну... кто считает себя помором, тот помор. Меня вон, как говорится, крестили, ты же тоже помор, ты тут всю жизнь прожил. Я ни хрена, я русский балбес, вот и все.

Жен., 1988 г.р., Кемь

Я понимаю, что мои предки были людьми немного разных культур: Вологда и Саранск – это разные вещи. Поморов – людей моря, мореходов, тех, кто шьет лодки, кто рыбачит, – у меня таких не было. У меня в семье даже нет рыбаков. Мужчины не ходили на рыбалку. Ходить-то, может, и ходили с друзьями, но это не наше. Поэтому к поморам я себя не отношу.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ



Рис. 1. Село Нюхча. Крайний справа двухэтажный желтый дом - Музей поморского быта «Хламной сарай». Фотография Э.А. Джиошвили, 2021.



Рис. 2. Элементы декора домов в Нюхче: роза ветров, канат. Фотография Э.А. Джиошвили, 2021 г.



Рис. 3. Открытие музея поморского быта в селе Нюхча, 17 декабря 2014 г. [Официальная группа ВКонтакте. URL: https://vk.com/album-65008088_208210400 (дата обращения: 15.06.2024)]

Список волонтеров принимавших участие в ремонте здания Э.К.Ц		
1. Котанов Аня	31. Котанов Мик.	61. Лопов Александр
2. Котанов Иван	32. Котанов М. Н.	62. Котанов Аня
3. Котанов Александр	33. Котанов А.А.	63. Котанов Вит
4. Котанов Николай И.	34. Котанов Н.А.	64. Котанов Самс
5. Котанов Николай А.	35. Котанов Максим	
6. Котанов Александр	36. Широкос Петр	
7. Овчин Вит	37. Селиванов Роман	
8. Котанов Вит	38. Котанов А.Н.	
9. Селиванов Сергей	39. Котанов Алексей	
10. Котанов Николай	40. Котанов Алексей	
11. Котанов Алексей	41. Котанов Алексей	
12. Котанов Алексей	42. Котанов Алексей	
13. Котанов Алексей	43. Котанов Алексей	
14. Котанов Алексей	44. Котанов Алексей	
15. Котанов Алексей	45. Котанов Алексей	
16. Котанов Алексей	46. Котанов Алексей	
17. Котанов Алексей	47. Котанов Алексей	
18. Котанов Алексей	48. Котанов Алексей	
19. Котанов Алексей	49. Котанов Алексей	
20. Котанов Алексей	50. Котанов Алексей	
21. Котанов Алексей	51. Котанов Алексей	
22. Котанов Алексей	52. Котанов Алексей	
23. Котанов Алексей	53. Котанов Алексей	
24. Котанов Алексей	54. Котанов Алексей	
25. Котанов Алексей	55. Котанов Алексей	
26. Котанов Алексей	56. Котанов Алексей	
27. Котанов Алексей	57. Котанов Алексей	
28. Котанов Алексей	58. Котанов Алексей	
29. Котанов Алексей	59. Котанов Алексей	
30. Котанов Алексей	60. Котанов Алексей	

Рис. 4. Список жителей Нюхчи, принимавших участие в создании музея «Хламной сарай». [Официальная группа ВКонтакте. URL: https://vk.com/album-65008088_208210400 (дата обращения: 15.06.2024)]



Рис. 5. Гридино, вид на центр села со стороны залива моря. Здание на возвышенности – сельский клуб, где располагался музей поморского быта. Фотография С.А. Минвалеева, 2021 г.



Рис. 6. Музей поморского быта в Гридино. Фотография С.А. Минвалеева, 2021 г.



Рис. 7. Праздник в Беломорской районной библиотеке «Никола Зимний. История и традиции празднования в Поморье», выступление Поморского русского народного хора. 23 декабря 2023 г. [Группа «По загороду поморы». URL: <https://vk.com/albums-223998727> (дата обращения: 15.06.2024)]



Рис. 8. Празднование 580-летия Сумского Посада, в день прп. Елисея Сумского. 30 июня 2016 г. [В Сумпосаде не бывал – праздника не видал. ИА Республика. URL: <https://rk.karelia.ru/social/kto-v-sumposade-ne-byval-tot-i-prazdnika-ne-vidal/> (дата обращения: 15.06.2024)]



Рис. 9. Ансамбль «Поморяночки», г. Кемь. Финальное мероприятие проекта «Городок Кемской – ForПост Беломорья», апрель 2016 г. [Группа «Фольклорный ансамбль "Поморяночки"». URL: https://vk.com/club224269139?w=wall-224269139_13 (дата обращения: 15.06.2024)].



Рис. 10. Фестиваль «Поморская краса», г. Беломорск. Награждение участниц, январь 2025. [Группа «Фестиваль “Поморская краса”»]. URL: https://vk.com/club228066710?w=wall-228066710_129 (дата обращения: 15.03.2025)].



Рис. 11. Фестиваль «Поморская краса», г. Беломорск. Исполнение гимна «А поморы остаются поморами», январь 2025. [Группа «Фестиваль “Поморская краса”»]. URL: https://vk.com/club228066710?w=wall-228066710_137 (дата обращения: 15.03.2025)].



Рис. 12. Курсы золотного шитья И.Г. Ильиной. Центр поморской культуры, г. Беломорск, июль 2017 г. Фото В. Дрягуева. [Группа «Центр поморской культуры». URL: https://vk.com/photo-41933338_456239882 (дата обращения: 15.03.2025)].



Рис. 13. Золотное шитье из Карелии на выставке «Россия», ВДНХ, г. Москва [Группа «Золотая нить Поморья». URL: https://vk.com/zolotpom?w=wall-204274821_1512 (дата обращения: 15.03.2025)].



Рис. 14. Демонстрация жителем дер. Малиновая Варакка строящейся лодки на основе старого МРБ (малого рыболовного бота): название «Kalakukko» в переводе с кар. ‘рыбный пирог’. Акцентировал внимание на парусе, назвав его поморским – *«такие парусы прямоугольной формы были в ходу у поморов»*. Фотография С.А. Минвалеева, 2022 г.



Рис. 15. Изображение св. Николая в лодке жителя Кеми. Рабочеостровск, 2023 г. Фотография Э.А. Джиошвили.



Рис. 16 «Сказочный корабль Матвея Коргуева», дер. Нижняя Пулонга, 2022 г.
Фотография С.А. Минвалеева.



Рис. 17. Снасти на берегу после утреннего возвращения с промысла.
Гридино, 2021 г. Фотография Э.А. Джошвили.



Рис. 18. Все лодки в ходу – деревянная, надувная, металлическая. Гридино, 2021 г. Фотография Э.А. Джошвили.



Рис. 19. Поклонный крест. Гридино, 2021 г. Фотография Э.А. Джошвили.



Рис. 20. Сеть в доме как символический «предмет старины». Кереть, 2022 г.
Фотография Э.А. Джиошвили.